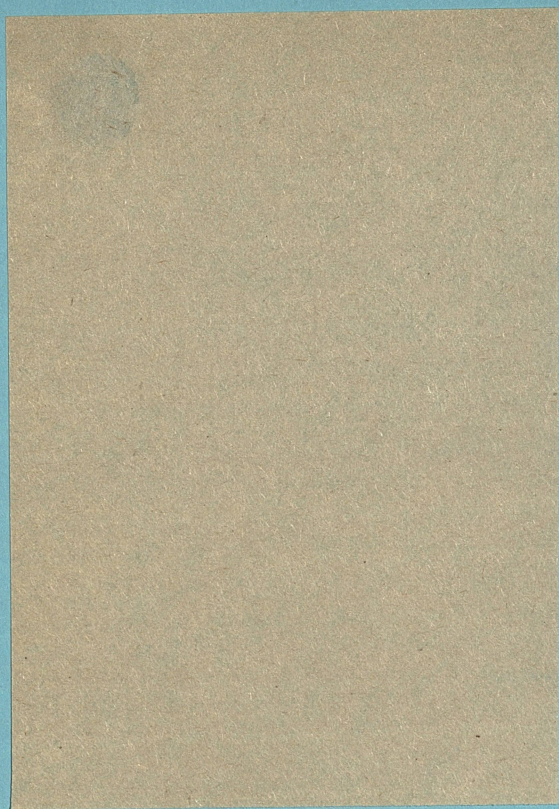

II 2132032

В.Л. Семенов

**ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
В.И. РАДКЕВИЧА**

**Пермь
2018**

В.Л. Семенов

**ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
В.И. РАДКЕВИЧА**

Монография

Пермь
2018

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3 (2=411.2) 6-8
С 30

С 30 **Семенов В.Л.**
Жизнь и творчество В.И. Радкевича: Монография. –
Пермь: Изд. Богатырев П.Г., 2018. – 162 с.

В монографии освещается жизненный путь талантливого пермского поэта В.И. Радкевича и его творчество, анализируются основные направления и тематика его стихотворений, показываются его критические «экспромты» по отношению к советской действительности.

Книга может представлять интерес для всех любителей поэзии Урала.

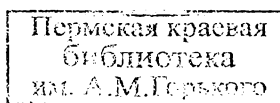
УДК 821.161.1.09
ББК 83.3 (2=411.2) 6-8

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор М.Г. Суслов;
доктор исторических наук, профессор А.М. Белавин.

И 2132032

© Семенов Владимир Львович, 2018

ВВЕДЕНИЕ

Величие поэта и деятеля искусства и литературы вообще измеряется не только тем, насколько талантливо он отражает современную ему социальную действительность, но и прежде всего тем, насколько он выходит за её рамки, и так сказать, прогнозирует её.

С этой точки зрения, величие А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова и других поэтов и писателей заключается не только в том, что они талантливо, ярко, выпукло, реалистично изображали современную им российскую действительность, но и в том, что они боролись за свободу, за лучшую, справедливую жизнь народов Российской империи, то есть в своем творчестве они выходили за те рамки, которые давала им современная жизнь, и прогнозировали её.

Отсюда возникает проблема краевой, местной литературы как искусства и столичной, т.е. общероссийской литературы. Взаимоотношения и связь между ними носят не абсолютный, а относительный характер.

Известный писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк считается певцом Урала в том смысле, что все его произведения основаны на уральском материале. Люди Урала, их образ жизни, их производственные отношения, уральская природа, на лоне которой они живут и действуют, их быт, – все это обладает определенной спецификой, все это в определенной мере отлично от условий жизни жителей других регионов России, скажем, средней полосы страны. И вместе с тем, у них много общероссийских человеческих ценностей, таких, как один язык (русский), одна религия (православная), много сходных черт в образе жизни и в быту.

Поэтому когда мы говорим об известном уральском поэте Владимире Ильиче Радкевиче (1927 – 1987), то мы имеем в виду, что он как местный уральский поэт описывает уральскую природу, уральские леса, горы, уральские реки, климат с его

суровой зимой и жарким летом и занятия населения, связанные с горнодобывающей и горнообрабатывающей промышленностью. Поскольку В.И. Радкевич повествует обо всем перечисленном, мы можем назвать его уральским и пермским поэтом, хотя он и родился и вырос не на Урале, а в средней полосе России.

Здесь перед нами встают вопросы, а именно: выходил ли В.И. Радкевич за рамки социалистической системы, видел ли он ее нежизнеспособность? Возникало ли у него в чувствах и разуме негативное отношение к той или иной стороне советской действительности? Был ли В.И. Радкевич диссидентом?

Думается, что нет. Хотя, критикуя те или иные стороны советской действительности, он иногда близко подходил к ним. Критерием того, что он не был диссидентом, является то, что он никогда не выражал в позитивном ключе согласия с теми или другими сторонами буржуазных общественных отношений. Иначе говоря, он не выходил за рамки социалистических общественных отношений в ленинско-сталинском их понимании.

Его величие усматривается в системе его художественных изобразительных средств, в выражении и отстаивании их человеческого благородства, в продуцировании социалистических общественных ценностей.

В.И. Радкевич, как мы покажем это дальше, никогда не выходил за рамки социалистических общественных отношений, и его порой очень резкая критика местных руководителей касалась отдельных недостатков их деятельности, подчас в грубой и непочтительной форме. Но эта критика была высказываема с точки зрения социалистического идеала, а не каких-то элементов буржуазной идеологии.

Трудно и даже невозможно сказать, какую общественно-политическую позицию занял бы он, прожив еще несколько лет в том бурном, ломающем коренные установки социализма последнем десятилетии XX века. Однако талант поэта дает нам уверенность высказать предположение о том, что он занял бы не ущербную нравственную позицию в той расстановке общественно-политических сил, которая сложилась в России к концу XX столетия. Мы не будем ждать, а будем анализировать то, что есть, ту общественно-политическую и социальную обста-

новку в стране на основании соответствующих источников, то есть прежде всего его произведений.

Любая книга академического характера, если она заслуживает этого названия, должна быть написана на основании аутентичных, то есть достоверных источников. К источникам монографии о жизни и творчестве В.И. Радкевича относятся прежде всего 14 сборников его стихотворений, причем два из них – последние – «Слово» и «Вечность нас пригласила в гости», опубликованы уже после смерти их автора. В этих сборниках нашло отражение все богатство и разнообразие его творчества: и богатейшая тема Урала, Камы-реки и города Перми, и тема величественной уральской природы, а, главное, тема труда и быта здесь живущих людей, их любви и борьбы за лучшие условия своей жизни, их огромный вклад в победу над фашистской Германией, их песни, их любовь к родной им уральской земле. Поэт не ограничивался только изданием сборников стихов; многие из них первоначально были опубликованы в газетах и журналах Урала и Пермской области. Конечно, здесь надо отметить прежде всего пермскую областную газету «Звезда», газеты «Вечерняя Пермь», «Молодая гвардия», «Лесник Прикамья», журналы «Урал», «Москва» и др.

Существенное место в качестве источника о жизни и творчестве В.И. Радкевича занимают воспоминания о нем людей, лично знавших его и посвятивших воспоминаниям о нем и о его творчестве свои мемуары, которые нужно разделить на опубликованные и неопубликованные, еще ждущие своей очереди для опубликования.

Среди опубликованных воспоминаний о В.И. Радкевиче можно выделить воспоминания о нем его друга Л.И. Давыдычева, поэтов Ф.С. Вострикова, Ю.А. Беликова, Г.И. Митягина, Д.Г. Ризова, М.Р. Смородинова, писателей В.Г. Бедермана, И.П. Гурина и др.

Творчество выдающегося поэта Урала нашло отражение в различных тематических сборниках, издающихся в разных городах Урала: в Перми, Екатеринбурге (Свердловске), Челябинске, Ижевске, Оренбурге.

Литература о жизни и творчестве поэта, приведенная в изданной в городе Чайковском книге «В.И. Радкевич. Материалы

к биографии», насчитывает 88 названий. Это наиболее полное издание, посвященное этой проблеме, которое, однако, тем не менее не является исчерпывающим. С течением времени с неизбежностью будут появляться в печати неизвестные до сих пор его стихи, его переводы и письма, в которых будут звучать новые проблемы, которые раньше, при существующих в период социализма условиях, не могли появляться в печати.

Говоря о значении творчества В.И. Радкевича для будущего Уральского края, известный пермский поэт Ф.С. Востриков при издании сборника стихов В.И. Радкевича дал ему афористическое название – «Вечность нас пригласила в гости». В нем с необычайной емкостью и точностью выражено это значение творчества выдающегося пермского поэта, не только для настоящего, но и для будущего времени.

И вместе с тем, здесь в самом поэтическом названии сборника литературно-образно подчеркнута заслуженная значимость творчества В.И. Радкевича для будущего развития культуры Урала, заслуженная своими высокими литературными достоинствами, своим выразительным поэтическим языком, своим разнообразием содержания и тонкостью лирического воспроизведения различных сторон жизни людей, населяющих Пермский край.

ГЛАВА I

ЖИЗНЕННЫЙ И ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ПОЭТА

Биография представляет собой жанр жизнеописания, который предполагает художественное или научное осмысление истории жизни личности, нацеленное на поиск и выявление истоков общественно значимой жизни человека в его индивидуальном жизненном опыте. Предпосылкой создания биографии служит признание значимости данной личности для истории, культуры или быта в национальном, региональном или в мировом масштабе.

Творчество уральского поэта В.И. Радкевича¹ имеет ярко выраженную региональную (уральскую) окраску. Хотя это не значит, что оно исключительно специфично. Конечно, оно и общечеловечно, и национально, и регионально одновременно. Однако природные условия Урала, его климат, почвы, богатые залежи полезных ископаемых обусловили основной вид труда занятого здесь населения. Неслучайно в советской литературе широко бытует фраза о том, что в годы Великой Отечественной войны Урал наряду с Сибирью был основной кузницей страны, ковавшей оружие против злейшего врага – германского фашизма. Поэт должен был отразить, и он действительно отразил эту сторону жизни уральского общества в своих произведениях, в своем творчестве.

Большая роль в формировании его характера принадлежала его родителям. Мать поэта Лидия Александровна Радкевич родилась в селе Ахтырка Холм-Жирковского района Смоленской области в семье волостного писаря в 1901 году. В 1919 году она окончила Ельнинскую школу 2-й ступени и в том же году стала учительницей в Павлиновской школе 1-й ступени Ельнинского уезда Смоленской губернии. В 1923 году переехала учительствовать в школу родного села Ахтырки, которое находилось в ведении Бельского РОНО. Через год она была переведена в го-

род Белый учительницей начальных классов во вторую девятилетнюю школу, где работала без перерыва до 1929 года. Здесь она проявила себя как активная общественница. Принимала участие в массовой работе среди населения города Белого, выступала с докладами на педагогические, исторические, политические и литературные темы. Была председателем кустового методического объединения учителей, членом драмкружка при Бельском народном доме и делегатом союза Рабпрос при отделе работниц и крестьянок Бельского УКОМа ВКП(б).

В конце 1929 года Радкевич была переведена в город Ржев и назначена учительницей начальных классов в школу первой ступени, которая с 1930 года была выделена как образцовая по Ржевскому району и опытно-показательная при Ржевском педагогическом техникуме. Работая в школе, Лидия Александровна систематически занималась повышением своей методической и общей квалификации, так как по своему положению школа должна была быть и была ведущей школой в городе и районе. Лидия Александровна давала открытые уроки для учителей города и района, руководила методпрактикой студентов педтехникума, была общественным инспектором Ржевского районного отдела народного образования, занималась ликвидацией неграмотности среди населения. С 1930 по 1931 год состояла председателем Ржевского городского месткома, союза Рабпрос, с 1931 по 1934 годы была членом президиума райкома Союза. За профессиональную и общественную работу неоднократно премировалась. Напряженная общественная и производственная работа не заслонила главной цели, к которой она стремилась – получить высшее образование, чтобы стать полноценным специалистом в деле воспитания и образования детей, будущих строителей социализма. Для практической реализации этой цели она поступила в Смоленский педагогический институт на факультет русского языка и литературы (заочное отделение). А с 1932 года стала работать как выдвигенец в 5–7 классах в Ржевской ФЗС № 2 (фабрично-заводская семилетка) преподавателем русского языка.

Заочное обучение не мешало производственной работе, а укрепило её, и в 1933/1934 гг. она была направлена на областное совещание учителей-отличников в город Смоленск, где

премирована денежной премией и путевкой в дом отдыха. В этом же году дирекция заочного отделения педагогического института предложила ей перейти в стационарный институт, с сохранением зарплаты по месту работы, и с 1934 по 1936 годы она училась в институте на 3-м и 4-м курсах. После окончания института в 1936 году она была назначена завучем и преподавателем русского языка и литературы средней школы № 2 г. Ржева, где работала раньше, а в 1939 году переведена директором вновь открытой школы № 30.

В 1941 году Лидия Александровна вместе с семьей была эвакуирована в Башкирскую АССР в село Шаран, где работала сначала завучем, потом директором школы. Осенью 1943 года переехала из Башкирии в город Чебоксары Чувашской АССР, где продолжала работу сначала в качестве учителя средней школы в Чапаевском поселке г. Чебоксары, а затем директором той же школы, одновременно она участвовала в общественной и политической работе.

В августе 1945 года Лидия Александровна с семьей вернулась в город Ржев, где работала один год завучем средней школы № 30, а затем директором неполной средней школы № 2. Правительство высоко оценило труд Лидии Александровны, наградив ее медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.». Коллектив учителей железнодорожной школы № 2 выдвинул Лидию Александровну Радкевич кандидатом в депутаты Ржевского совета по 61 избирательному округу (ГАПК. Ф. Р-1734. Оп. 1. Ед. хр. 115. Лл. 1–8).

Не менее колоритную фигуру представлял и его отец, Илья Анисимович Радкевич. Родился он 12 июля 1889 года в многодетной неграмотной крестьянской семье в глухой деревушке Заволжье Нелидовского района позднее Великолукской, ныне Тверской области. В раннем детстве ему пришлось пасти скот. Семья Ильи Анисимовича жила очень бедно, но в 1909 году при разделе деревни она обзавелась небольшой водяной мельницей и пользовалась ею до 1930 года, когда она поступила в ведение колхоза. По решению местных органов власти, отец был оставлен на месте, а не выселен, и в 1937 году был принят в члены колхоза. Учился Илья Анисимович в церковно-приходской школе. Затем окончил второклассную учительскую

школу Смоленской епархии в 1908 году при отличном поведении, и получил все 15 отметок «отлично». В 1912 году он успешно окончил курс Новоторжской учительской семинарии. Затем окончил Учительский институт в Смоленске и получил аттестат на звание учителя средней школы.

Педагогическую работу Илья Анисимович вел с 1912 года: работал учителем начальных классов в течение 6 лет и заведующим учебной частью средней школы 11 лет, директором педагогического техникума 2 года, инспектором РОНО, заведующим отделом народного образования 6 лет. На протяжении долголетней педагогической деятельности он неизменно был передовым общественником и своим примером вовлекал в общественную работу руководимое им учительство, особенно в период коллективизации и кампаний выборов в Верховный и местные советы депутатов трудящихся. За интенсивную общественную деятельность он неоднократно премировался как лучший учитель и классный руководитель школы, награжден знаком ударника сталинского призыва и медалью за доблестный труд в Великой Отечественной войне. За многолетний труд Радкевичу И.А. решением облсовета была назначена персональная пенсия в сумме 250 рублей, с зачетом получаемой по соцстраху пенсии. И.А. Радкевич – член ВКП(б) с 1927 года (ГАПК. Ф. Р-1734. Оп. 1. Ед. хр. 115. Лл. 15, 17, 21). В годы Великой Отечественной войны с 1941 по 1944 годы работал завучем и учителем НСШ № 24 (станция Калино Пермской железной дороги). И.А. Радкевич награжден орденом Ленина в 1949 году (ГАПК.Ф. Р-1734. Оп. 1. Ед. хр. 115. Лл. 18 об., 19 об.).

И.А. Радкевич пользовался заслуженным авторитетом среди учителей тех учебных заведений, в которых работал. Об этом свидетельствует Похвальная грамота коллектива школы № 58 Октябрьской железной дороги и директора в связи с выходом Ильи Анисимовича на пенсию. В ней отмечается: «Выносим Вам большую благодарность за долголетнюю плодотворную учебно-воспитательную работу в школе. Проработав более 45 лет, Вы всю свою жизнь отдали воспитанию молодого поколения, а также помогали молодым учителям овладевать педагогическим мастерством. Хотя Вы и уходите на заслужен-

ный отдых, коллектив работников школы просит Вас посещать её. Вы всегда будете дорогим гостем. Желаем Вам от всей души долгих лет жизни и здоровья». Поздравление подписали директор неполной средней школы № 58 и учителя (13 подписей). Документ датирован 6 ноября 1957 года (Там же. Л. 27).

Районная газета «Старорусская правда» поместила на своих страницах статью «Знайте люди города. "Заслуженный учитель"», посвященную директору школы № 58 Радкевичу И.А. В статье отмечается его умелое руководство школой, создавшее ему заслуженный авторитет не только среди педагогов, но и среди учащихся. Он умело ведет беседу во время перемен с учениками.

В статье говорится, что трудно завоевать уважение, а тем более любовь детского коллектива. Никто так быстро и так верно не почувствует малейшей неискренности отношений или несправедливости, как это чувствуют дети. И эти простота и искренность отношений между учащимися и директором, случайным свидетелем которых мне (корреспонденту "Старорусской правды" Б. Колпакову – В. С.) пришлось быть, говорит о большой, заслуженной любви учеников к старейшему педагогу И.А. Радкевичу. Он для них не только директор школы, а, когда нужно, – строгий и большой друг, верный наставник, опытный воспитатель. Этого человека невозможно представить вне школы, без детей.

Всю свою жизнь Илья Анисимович посвятил педагогической деятельности. В глухом селе Окуловке бывшей Смоленской губернии 42 года назад он начал деятельность народного учителя. Трудное это было время, – вспоминает Илья Анисимович о первых годах работы в Окуловском земском училище. Царское правительство плохо заботилось о народном образовании. Несмотря на огромное стремление крестьянских детей к знаниям, даже земское 3-х классное училище для многих из них представлялось недоступным. В первый год работы народным учителем, – вспоминает Илья Анисимович, – мне пришлось заниматься с первым классом, в котором было 92 ученика. Это были способные любознательные дети крестьян окрестных деревень. И какой же для меня было радостью, когда все они успешно закончили первый класс и перешли во второй... Много

событий минуло с той далекой поры, – вспоминает Илья Анисимович, – по родной стране пронеслась очистительная буря Великой Октябрьской социалистической революции. С огромным энтузиазмом, освободившись от капиталистического гнета, народ взялся за строительство новой жизни. Огромное место в этом великом деле, подчеркивает корреспондент Б. Колпаков, занял и молодой народный учитель И.А. Радкевич.

В годы Советской власти Илья Анисимович занят разнообразной педагогической и общественной работой, получившей признание широкой общественности. «Мы постоянно получаем квалифицированную методическую помощь», – говорят о своем директоре учителя начальных классов. И результаты не замедлили сказаться. По итогам работы за 1950/1951 год железнодорожная школа № 58 заняла первое место среди железнодорожных школ Калининской железной дороги («Старорусская правда». 03.10.1954. № 118).

Мы так подробно остановились на жизненном и творческом пути родителей В. Радкевича, их развитии потому, что их взгляды, деятельность и мировоззрение явились одной из важнейших составляющих, оказавших большое влияние на формирование образа жизни и мировоззрение поэта. В этом отношении особенно велико было на него влияние его матери Лидии Александровны Радкевич. Не случайно поэт посвятил ей ряд стихотворений. Он очень тосковал и тяжело переживал ее смерть. Широко известно его стихотворение: «Без мамы я жить не умею».

«Без мамы я жить не умею,
Но чёрную яму – насыть...
Как в сказке, по грудь каменю,
И трудно мне камень носить.
Как страшно ветра голосили
На проводах белого дня!
Как будто частица России
Навеки ушла от меня».

Это стихотворение не является единственным, которое поэт посвятил своей матери. Наряду с ним, мы можем назвать

«Памяти матери», «Письмо к матери...», «Земля передо мною виновата». Её образ нашел отражение и в других стихах поэта.

Особенность В.И. Радкевича, как человека и как поэта, заключается в том, что он родился и рос не на Урале, а в городе Белом бывшей Смоленской, а в советское время Тверской области. Город был небольшим, в нем в 1939 году насчитывалось 5800 жителей. Поскольку железные дороги прошли в стороне от города, он утратил незначительную роль торгового центра, которую имел ранее. В советское время город котировался как центр сельскохозяйственного района, в основном, льноводческого направления. Очевидно, в связи с этим семья Радкевичей с началом индустриализации в 1929 году переехала в более крупный город Ржев Калининской области, который был расположен в 98 километрах от Белого.

Здесь родители будущего поэта продолжали преподавательскую деятельность в одной из городских школ, Володя пошел в школу. В этом городе они прожили 12 лет, до начала Великой Отечественной войны. В 1925 году в Ржеве проживало 33000 жителей, в 1939 году – 54070 человек. С ростом населения в городе росло количество школ. В 1937 году их число составило 25, из них 10 – средних.

В железнодорожной школе, которая находилась в здании бывшего епархиального училища, Володя учился хорошо, и за успехи в учебе в 9-м классе в 1941 году был отмечен Похвальным грамотой. 14 октября 1941 года началась оккупация Ржева, которая продолжалась 17 месяцев. За это время город был буквально стерт с лица земли. Из оставшихся в нем нескольких тысяч жителей в живых осталось 150 человек². Судьба В.И. Радкевича пересеклась с войной, поэтому тема войны часто и пронзительно звучит в его стихах: он часто и с разных сторон оценивает её значение для последующего развития нашей страны.

Накануне оккупации Ржева дети вместе с матерью были эвакуированы в село Шаран Шаранского района Башкирской АССР. Здесь Володя окончил среднюю школу и впервые познакомился с уральской землей.

В годы войны В.И. Радкевич научился понимать главные ценности человеческой жизни, узнал цену мужеству и горю,

цену человеческой доброты и цену хлеба. И это понимание стало потом основой его поэтического мировоззрения и его жизненной позиции. Он научился управляться с лошадью и вместе с деревенскими ребятами убирал хлеб. Он был безумно рад, когда однажды впервые получил свой первый гонорар натурой – мешок зерна гороха. Весь свой путь от колхозного склада до дома он не шел, а бежал – так ему не терпелось поставить перед своей матерью первый свой заработок, который имел большое значение в эти голодные военные годы.

В 1944 году³ В. Радкевич поступил на историко-филологический факультет Пермского (Молотовского) государственного университета. Государственный университет в Перми был первым высшим учебным заведением на Урале, открытым в 1916 году⁴. В 1931 году, в связи с реорганизацией университетов, выделением из него пяти отраслевых вузов, филологический факультет закрылся. Историко-филологическое направление вместе с педагогическим факультетом вошло в состав вновь созданного педагогического института. В 1941 году историко-филологический факультет возобновляет свою деятельность. С мая 1941 года кафедра марксизма-ленинизма становится главным звеном вновь возрожденного в университете историко-филологического факультета. На этом факультете и учился В. Радкевич. Учился он хорошо, много занимался спортом и уже начал писать стихи. Эти стихи нравились студентам, они еще не знали, что он будет известным поэтом. Стихи Радкевича быстро разносились не только среди студентов университета, но и жителей города.

Среди стихотворений В. Радкевича, написанных им в период учебы в университете, рассмотрим одно, неопубликованное, датированное декабрем 1944 года. Стихотворение называется «К ручке». В нем молодой поэт пытается передать сложную амальгаму переживаний студентов, имеющих какие-либо академические задолженности по текущей успеваемости.

«...Проходя по глухим коридорам
У знакомых стен и дверей,
Я невольно с волнением взором
Останавливаюсь на ней:

Она, как мечта, манит и мучит,
Бьет по взвинченным нервам она –
Нет, не девушка!.. Это ручка...
На дверях кабинета Германа.
Сколько раз, отягченный грехами,
Зарывал воинственный нож,
Брался я за неё руками⁵
И несмело в двери входил».

Для начинающего поэта, каким в то время был В. Радкевич, являлся сложным и трудным ход мыслей и переживаний, идущий от внешнего к внутреннему миру, переживаний и чувств, связанных, возможно, с неприятной беседой с Германом Андреевичем Замятиным, заведующим кафедрой всеобщей истории. Сложным и трудным в воображении студентов были не только содержание беседы с «Германом», но и сама её тональность, форма её, исходящая от Германа. Он был иногда «...Убийственно вежлив.

Иногда безразлично учтив.
Я одну лишь мечту имею –
Годы быстро пролетят,
И в каком-нибудь мавзолее
Эту ручку тогда поместят.
Пусть простая. Даже не модная,
Но видала когда-то многое,
Она будет лежать безвредная,
А я к ней подойду и потрогаю»⁶.

В. Радкевич подчеркивает, что это именно обыкновенная дверная ручка...

За дверями кабинета уже начиналась беседа с преподавателем, связанная со студенческими недоработками и задолженностями.

Стихотворение отражает отношение начинающего поэта к преподавательскому составу университета.

В это время мир раскрывается перед будущим поэтом многими своими прекрасными сторонами. Он мечтает о своем будущем и видит его прекрасным.

«Я мечтал о любви и славе,
Брал от жизни, что только мог,
И, как буйный Васька Буслаев,
Не поверил ни в сон, ни в гон».

В этом мире он стремится творить добро, распространять волны душевного тепла и света.

«Сердце юноши и поэта
Широко открывая в пути,
Чтобы больше тепла и света
В этой жизни с тобой нести».

Поэт понимает, что учеба в университете, приобретение новых знаний представляет лучший период в его жизни.

«Что ж, пускай! Я уже не гордый...
Только жаль, что чувства глуша,
Вряд ли вновь на весны аккорды
Отзовется моя душа».

В стихотворении "Юноше" он пишет о том, что:

«Ты не гляди, что счастье придет,
Сам к нему перебрасывай сходни.
Если завтра любовь уйдёт,
Тем сильнее люби сегодня».

Понимая, что продолжительность жизни человека ограничена, человек должен спешить жить, он должен успеть проявить в этой жизни свои лучшие человеческие качества.

«Пусть тебя не кидает в дрожь,
Смерть хитрейшая, старая сводня,
Если завтра и сам умрешь,
Помни – ты человек сегодня»⁷.

Цель жизни в студенческие годы видится Радкевичем в борьбе за реализацию подлинно человеческих идеалов. Помимо стихов о смысле жизни, о любви, о необходимости борьбы за эти смысложизненные ценности молодой поэт пишет стихи о напряженном международном положении. В частности, он резко критикует Фултонскую речь У. Черчилля.

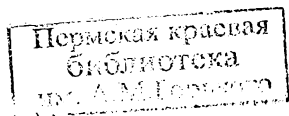
«В американском городе Фултоне,
Чтоб союзников остеречь,
Мистер Черчилль в суровом тоне
Произнес громовую речь.
У него де не дремлет око,
И недавно увидел он,
Что пред оком его с Востока
Опустился стальной заслон».

За этим заслоном «орудуют большевики» и надо их обуздать, – кричал он. Однако иначе думает английский народ, который в годы Отечественной войны воевал вместе с русским народом. Он не понимает, что не «горы творят историю»⁸.

Стихотворение написано в духе политических аксиом того времени, хотя система изобразительных средств была еще далека от того литературного блеска, каким она будет насыщена через несколько лет, характеризую поэзию зрелого Радкевича.

А вокруг него шумела и весело протекала студенческая жизнь. Особенно оживилась она после того, как в мае 1946 года ректором университета вновь стал Александр Ильич Букирев, который в высокой степени обладал такими человеческими качествами, как добросовестность, уважительное отношение к людям, преподавателям и студентам, умением создавать творческую атмосферу среди преподавателей и студентов.

Учитель автора этих строк А.А. Афанасьев десятки лет спустя с любовью вспоминал, как А.И. Букирев научил его, как следует писать курсовые работы, так тщательно и скрупулезно указал он ему на все его ошибки и недостатки, на их значение и пути их исправления. Под руководством А.И. Букирева в университете была создана такая обстановка, что студентам из него не хотелось уходить. Студенты историко-филологического фа-

21320327

культета по профилю своей специальности очень часто оставались в стенах университета до 11 часов вечера.

Особой популярностью у них пользовалась стенгазета. В ней повышенное внимание вызывала полоса поэзии со стихами университетских поэтов, среди которых пальму первенства занимали стихи В. Радкевича.

Уважение В. Радкевича к А.И. Букиреву выразилось в стихотворении, посвященном его памяти. В нем он отмечал, чем для него и для студентов был ценен А.И. Букирев.

«Был он в чем-то домашний
И не страшный ничуть,
Не ученым умением,
Просто – верен себе,
Быть умел провидением
В чьей-то трудной судьбе.
Проникая при случае
В драмкружок и в спортзал,
В нас он самое лучшее
Нам самим показал.
Вроде просто бы выучил
И дипломы вручил,
А на деле-то выручил,
Верить в жизнь научил».

Радкевич писал о том, что ему больно и горько, потому что он больше не увидит ректора университета.

«Я поверить не смею,
Что, уйдя в темноту,
Сохранил и посмертно
Он свою доброту»⁹.

Поэт откликнулся стихотворением «Ботанический сад» на присвоение улице, на которой стоит университет, имени Букирева. Глубокое уважение на протяжении всей своей жизни испытывал В. Радкевич к А.И. Букиреву. Он часто заходил в гости к нему, а после его смерти к его вдове¹⁰.

В 1949 году Радкевич окончил историко-филологический факультет, на «отлично» защитил дипломную работу «"Мистерия – Буфф" В. Маяковского, как образец политической сатиры»¹¹.

После окончания университета В. Радкевич с августа 1949 по июль 1951 года работал инспектором Пермского областного отдела культуры (в отделе по делам искусств облисполкома). В 1951 году он переходит работать корреспондентом Пермского радиокомитета.

Судьба забрасывает его в Фокинский район Пермской области, где он работает заведующим сельским клубом в селе Сайгатка. Об этом сохранились воспоминания библиотекаря Сайгатской сельской библиотеки К.Д. Гудковой, которые мы цитируем по книге «Владимир Радкевич: материалы к биографии» (С. 17, 21–23). Когда строители приехали (на возведение Воткинской ГЭС), работать библиотекарю было очень трудно. Читатели идут – книг нет. Была одна молодежь. Фонд библиотеки насчитывал около 5 тыс. томов. Библиотека располагалась в клубе. Заведующим клубом работал В. Радкевич. ...Мы вместе проводили много различных мероприятий. Радкевич писал стихи. С ним было интересно работать. В 1955 году Радкевич возвращается в Пермь и до 1957 года работает литературным сотрудником в редакции новой многотиражной газеты «Лесник Прикамья».

28 января 1957 года обсуждалось письмо ЦК «Об усилении политической работы парторганизаций в массах и пресечении вылазок антисоветских враждебных элементов». На собрании совместной издательско-писательской парторганизации дело фактически свелось к обсуждению альманаха «Прикамье» № 22, в том числе стихов В. Радкевича.

В стихотворении В. Радкевича «Рядом с солнцем» имеются строки, говорящие о том, что культура потребительства, вещиизма коснулась пера поэта. Он пишет:

«Друзей и принимать неловко,
– Нужна тебе в квартире обстановка, –
Твердят они – вещей побольше стильных,
Ну, там трюмо, приемник, холодильник

Прибрати, да в гости позови...
Ах, милые! Ах, глупые мои!
Итак, для счастья нужен пылесос,
Куплю его – и разрешен вопрос,
Скорей скажите, где он продается?
А счастье по-иному мне дается,
Чуть рассветет – и тоненьким лучом
Оно неспешно проникает в дом».

А дальше в стихотворении повествуется о том, как его лирический герой, работая на стройке, таская кирпичи, мечтает о том, чтобы приобрести все необходимое. В погоне за вещами, он не замечал высокие по своему содержанию ценности.

Мы виноваты перед землей, – продолжает поэт, – нужно больше и лучше работать и тогда:

«Я счастье обязательно добуду,
Оно необходимо мне».

Выступая по этому вопросу, К.В. Рождественская, уже не являясь редактором альманаха «Прикамье», вступилась за поэта, подчеркнув, что «ошибки Радкевича другого порядка. Он взял большую политическую тему, не будучи к ней достаточно подготовлен. Его символика туманна и позволяет делать разные толкования... Он в процессе творческого становления. На этом пути ошибки бывают у многих»¹². Защита влиятельного партийного работника спасла В. Радкевича от многих неприятностей.

В 1958 году, с января по октябрь, он числится штатным корреспондентом областной молодежной комсомольской газеты «Молодая гвардия». В 1959 году Радкевич был принят в Союз писателей СССР. С этого времени он становится «важной птицей» и в качестве внештатного корреспондента областных газет ездит по городам и селам Пермской области, наблюдая за жизнью людей и отражая её в своих стихах и очерках¹³.

Уже будучи студентом университета, Радкевич начал печататься в малотиражных газетах. Первые стихи были опубликованы в 1947 году. В 1949 году его стихи стали появляться в об-

ластных изданиях. Первая публикация состоялась 23 февраля 1949 года в областной газете «Звезда». В ней было опубликовано стихотворение «Армия Родины», ко дню советской армии¹⁴.

В этом же году в октябре два его стихотворения «Трое» и «Мой город» были включены в литературно-художественный альманах «Прикамье» № 12, а 29 октября в одноименном сборнике печатается его стихотворение «Чернышевский». Эти стихи положили начало продолжительному взаимному сотрудничеству между поэтом и этими изданиями.

Разговор троих в стихотворении «Трое» в купе вагона идущего поезда – убедительное свидетельство преемственности поколений и неразрывной спаянности между ними – старика-учителя, военного с алой ленточкой героя и молодого инженера, едущего на стройку.

В духе того времени В. Радкевич показывает перспективные дали страны социализма, которые сблизили их:

«А поезд шел в распахнутые дали
Навстречу наступающему дню.
Все трое улыбнулись вдруг и стали
Похожими на близкую родню».

А в стихотворении «Мой город» молодой поэт описывает энергичный ритм жизни большого индустриального города Урала, идущего «...В просторы светлые/ Большого завтрашнего дня./ И я всем сердцем, всеми строками./ Влюбленный в будущую быль./ Пою мой город, с домом, стройками./ Урал./ Страну большой судьбы».

Юный поэт верит в светлое будущее своей страны, строящей новое общество, новую счастливую жизнь. У него еще нет тех критических нот, указывающих на недостатки, которые будут мелькать в его стихах последующих лет.

В стихотворении «Чернышевский» поэт описывал обряд гражданской казни революционера-демократа на Мытнинской площади Санкт-Петербурга, заканчивает его утверждением о том, что социализм – воплощение мечты Чернышевского в жизнь.

«И вот теперь навеки и по праву
Оно пришло, свободы торжество,
И наших дней немеркнущая слава,
Немеркнущая слава и его».

Конечно, между социализмом, сформировавшимся в Советском Союзе, и тем, как понимал будущее общество Чернышевский, существует разница, которой Радкевич здесь не касается.

В стихотворении «Наш союз», опубликованном в 13 номере альманаха «Прикамье» за 1950 год, В. Радкевич пишет о том, как прочен их студенческий союз, на каких идейных и эмоциональных принципах он основан, какое большое значение выпускники университета будут играть в жизни нашей страны.

«По всей стране проходит наша связь,
То едкими кострами экспедиций,
То огоньками в окнах школ светясь.
Тогда и расстояния не скроют
Всех перемен в большой её судьбе;
Она пройдет лесами новостроек,
Воздвигнув их как памятник себе.
И вот когда-то мы соберемся за одним столом
В наш тесный круг, друзья! И вот тогда-то
Поговорим подробно обо всем.
Всё вспомним! По-студенческому в спорах,
Уйдя в десятилетия назад!
И молодым студенческим задором
Зажгутся пусть по-прежнему глаза,
А за окном студенты мимо дома
Пройдут, как мы ходили так давно...

И юность снова песнею знакомой
Пускай стучится в сердце и в окно!»

Здесь вполне естественно звучит мотив повторяемости поколений, беспокойной старости и пожелания, чтобы наш дух

был стократ сильнее тела. Это нужно для построения счастливого социалистического будущего.

После этого каждый год альманах «Прикамье» предоставлял читателям новые стихи поэта, как и областные и городские пермские газеты «Звезда», «Большевистская смена»¹⁵ и другие.

Рождение первого сборника стихов В. Радкевича связано с К.В. Рождественской – редактором и писателем, работавшей сначала в Свердловском книжном издательстве, а потом в Пермском. При ней было возобновлено издание литературного альманаха «Прикамье». Клавдия Васильевна была энергичным человеком. Возглавив в 1949 году Пермскую писательскую организацию, она направила все свои силы и энергию на развитие и творческое становление будущих писателей. Воспринимая творческий процесс развития литературы края широко и комплексно, она, в сущности, поставила на ноги писательскую организацию, возглавляя её три срока подряд.

Некоторые будущие писатели, в том числе и В. Радкевич, не помышляли о том, чтобы печататься, выпускать книги, сложившиеся у него стихи он обычно держал в голове. Однажды, когда он был в Союзе писателей, К.В. Рождественская попросила его прочитать стихи. Через два часа чтения им своих стихов Клавдия Васильевна заявила, что это уже готовый сборник. И предложила его напечатать. А когда Радкевич заявил, что у него нет машинки, она предложила свою: «Вот вам машинка, садитесь и печатайте»¹⁶. После она закрыла его в Союзе писателей, и он за ночь напечатал сборник, который получил название «Добрый путь» и был издан в 1951 году Пермским книжным издательством¹⁷.

В книгу вошли политическая и гражданская лирика, стихи о дружбе и любви. В стихах «Рассказ о друге» и «Наш союз» Радкевич рассказал о крепкой студенческой дружбе, о своих сверстниках, о преодолении трудностей во взаимоотношениях между ними. Здесь ярко проявились многие грани его будущего незаурядного таланта: его патриотизм, лиричность, любовь к родине, к Уралу, его открытость, умение откровенно и честно говорить с людьми. По мере того, как росла популярность стихов В. Радкевича, расширялся круг его издателей. В 1954 году стихи «Любить свой край» и «О любви» были включены в кни-

гу «Поэты Урала», изданную в Челябинске. С этого времени В. Радкевич получает статус уральского поэта, а не только поэта Перми.

В 1955 году, работая в редакции газеты «Лесник Прикамья», Радкевич пробует себя в разных поэтических жанрах, в том числе и юмористическом. В этом отношении широкую известность получило его стихотворение «Трехрукий», которое вошло в сборник «Шутки в сторону», изданный в Перми. В 1957 году Радкевич вновь входит со стихотворениями «Любить свой край» и «Поберегись» в уральский сборник поэзии «На Урале, в рабочем краю», изданный в Свердловске¹⁸.

Вторая половина 50-х годов стала временем хрущевской «оттепели». В это время возникает целая плеяда новых литературных журналов – «Москва», «Урал», «Юность» и др., редакторы которых ищут новые литературные имена, новые темы. И Радкевич попадает в обойму тех авторов, стихи которых они охотно печатают.

В 1958 году выходит сборник стихов В. Радкевича «Просека к солнцу», в котором он продолжает тему о счастье, отмеченную печатью мужества и оптимизма. Поэт утверждает, что у каждого человека есть свое собственное счастье, критерий которого выверяется в борьбе с «беспросветной тайгой». Большое внимание в стихах В. Радкевича этого времени уделяется неслышающему разговору леса и рек Могучего Урала. Его внимание привлекают мужественные характеры лесорубов и сплавщиков. Они красивы гордостью и достоинством хозяина природы, чувства которого у поэта невольно ассоциируются с весной, наиболее мажорным и оптимистичным временем года¹⁹.

Особой одухотворенностью веет от стихов поэта, посвященных Великой Отечественной войне. В стихотворении «Молодые солдаты» он считает, что они, выполнив свою клятву «свято», сами стали частицей «нашей русской земли».

В стихотворении «Мать и сын» он дает образ матери, которая потеряла на войне единственного сына, но видит и слышит его. Он поддерживает её. Стихи заставляют задуматься о многом, они тревожат человеческую совесть, не позволяют душе «лениться».

В. Радкевич – поэт обостренного человеческого чувства, которому присуще свойство удивить сказанным других, так ярко и образно пишет он о разных проявлениях души своих героев.

В 1964 году вышел новый сборник его стихов «Под звездами», который представляет собой своеобразную поэму о русской женщине, с её новым отношением к миру, к жизни, ко всему окружающему, а прежде всего к труду, который, как считал он, при социализме наполнился новым содержанием.

Поэт пытается в этом сборнике раскрыть всю сложность психологии женской души. Задушевность и вместе с тем непринужденность светятся в его стихах. Поэзия Радкевича характеризуется такими чертами, как доброта, сердечность и отзывчивость. Он сравнивает поэзию с матерью, находящуюся в период родов. Поэзия – это совесть, это голос самого народа, поэтому, – продолжает он, – в «наш век чернить поэзию не смейте»²⁰.

С книгой стихотворений В. Радкевича «Камский мост», изданной в 1972 году, знакомы многие. Она широко известна и удивительно соответствует своему названию. В первом стихотворении сборника поэт приглашает посмотреть на когда-то взорванный колчаковцами, а затем восстановленный героическим трудом советских людей Камский мост. Последующие строки стихотворения в подробностях воссоздают поэтический образ города.

«Железная воля Урала,
Избрав не мольбу, а борьбу,
Здесь тысячи судеб сковала
В одну трудовую судьбу».

Прочитав стихи В. Радкевича «Камский мост», «Пермь», «Пермские боги», «Небо Швецова», «Калюпановские эмали», можно понять внутренний облик города, его поэтический образ, его роль и значение в событиях и судьбах людей²¹.

А между тем поэта в середине 60-х годов ожидала «южная ссылка» на юг области в поселок Октябрьский. Причина ссылки заключается в независимом, своевольном характере поэта. Об-

комовское начальство давно уже раздражали его получившие широкое хождение эпиграммы, которые он писал на лиц партийной и советской номенклатуры. И к тому же, (о, какая наглость!), он зачитывал им их по телефону. Если для поэта эти эпиграммы представляли собой нечто вроде шуток, то местные партийные и советские боссы воспринимали их совершенно иначе: как издевку на их неудачные мероприятия в области хозяйственной деятельности. Предварительно согласовав свои действия, они решили сослать его не на север, а на юг области, чтобы избежать возможности идентификации с поэтами-декабристами, сосланными на север и в Сибирь. На юге области В. Радкевич стал сотрудником районной газеты «Вперед». Он был принят в редакцию газеты «Вперед» 12 ноября 1965 года на должность... шофёра. Редактор газеты Александр Дмитриев представил сотрудникам газеты нового работника. О том, как это было, вспоминает бывший корректор газеты «Вперед» Прасковья Змеева: «Помню, в комнату зашли редактор и темноволосый смуглый мужчина среднего роста. На нем был свитер крупной вязки, красные шаровары и белые валенки. Редактор Александр Павлович сказал нам: «Познакомьтесь, это пермский поэт Владимир Ильич Радкевич. Он какое-то время будет работать у нас». Бутафорский наряд Радкевича – красные шаровары и белые валенки – был, наверное, своеобразным вызовом тем, кто сослал его в глушь». Прасковья Андреевна вспоминает: «В закутке редакции стояли два стола. За одним я вычитывала газетные полосы, за другой стол сел Радкевич. Со мной он не разговаривал, только иногда спрашивал, как писать название той или иной деревни. Работал он много. Часто ездил в командировки. Много писал. Когда я не спешила, то посматривала на него и видела, что кроме статей для редакции он в небольших блокнотиках что-то писал. Наверное, стихи. Возможно, в каких-то стихах поэта есть строки и о жизни в небольшом заснеженном поселке. Поглядывая на него, я видела, как он задумчиво смотрит на стену, и лицо его тогда было печальным. Он тосковал. Радкевич часто выходил в коридор и курил. К нему подходили еще курильщики, и тогда в коридоре раздавался хохот...»

Любопытно, что ещё до выхода приказа о приеме на работу В. Радкевича в газете за 11 ноября было напечатано его стихо-

творение «Куда глядит милиция». В «Субботней странице» за 13 ноября появилось стихотворение Владимира Радкевича «Чехов на Каме». Потом в сборнике «Избранное» (Пермь, 1977) это стихотворение датировано 1976 годом. Поэт возвращался к нему, дорабатывал строчки, отдельные слова заменял на более точные. В результате стихотворные строчки стихотворения «Чехов на Каме» были отточены В. Радкевичем до блеска.

20 ноября 1965 года в газете, целиком посвященной делегатам 33-й комсомольской районной конференции, был опубликован поэтический репортаж В. Радкевича. По духу он – лирический, без политической трескотни.

В этом же номере опубликована зарисовка В. Радкевича «Счастливые судьбы». Он так пишет о доярке Любе Меркурьевой: «А ещё нравится Любе петь. И не то, чтобы голос у неё был какой-то сверхвыдающийся, просто, когда хорошую песню поёшь, душа навстречу счастью раскрывается».

Газетную прозу В. Радкевича, как и его стихи, можно было узнавать без подписи. Эти зарисовки отличались от других лёгким слогом, поэтической образностью и отсутствием избитых фраз. Газета с появлением в редакции В. Радкевича стала немного острее, злободневней. Почти в каждом номере стали появляться его критические стихи под рубрикой «Колющие строчки». Они публиковались без подписи автора. В том же комсомольском номере, в уголке сатиры, поэт критикует открывшееся кафе нефтяников «Бригантина», которое стало «кораблем для выпивох». Права бывший корректор Прасковья Змеева в том, что в стихах Радкевича должны быть строчки о сторонущих, куда его забросила судьба. К этой теме можно отнести стихотворение «Крестьянские дети» – о школьниках, которые поэту встретились в пути. Завершается это стихотворение словами: «Крестьянские дети и внуки, не ваша ли тяга к науке рвала притяжение земли!». Эти стихи были опубликованы только в октябрьской газете. Впрочем, стихами Радкевич не злоупотреблял, не перенасыщал нашу газету. А его колющие строчки на местные темы вызывали большой общественный резонанс. О них всюду говорили, бракоделы, прогульщики, бюрократы боялись попасть в поле зрения поэта. А если попадались – от стыда готовы были провалиться сквозь землю.

7 декабря Радкевич подверг критике начальника отдела Сарсинского завода Халяпова в фельетоне «Воевода из ЖКО», который не обращал внимания на жалобы людей. «Я занят! – отвечал им начальник – На шее моей – весь завод». Фельетон Радкевич заканчивал словами: «Коль скоро не будет конца чудесам, то видимо, ясно для всякого: завод – он ведь может держаться и сам... без помощи шеи Халяпова!».

Из номера в номер все острее и острее становятся его сатирические произведения. 9 декабря В. Радкевич под своей фамилией публикует басню «Лесная быль». Начинается она с того, что зайчишка решил «мотоцикл купить, давненько начал денежки копить». И «на очередь он первым записался». А когда мотоциклы поступили в лес, заяц «наш подпрыгнул до небес и побегал вприпрыжку, взять сберкнижку».

Но подлый волк решил надуть зайчишку, зубами щёлкнул и подумал:

«Ишь,
Какому-то Косому – новый Иж!
По пням, по кочкам
Будет гнать без толку.
Волк, между прочим,
Был с Лисой знаком –
Лисица возглавляет их Цехком!...»

Мотоцикл зайцу не достался, и бедолага стал искать управу на волка, но не нашел. Басню поэт заканчивает так:

«Мораль? Нет, Волку не прочли мораль... А жаль».

Ниже басни редакция дала комментарий и назвала истинные имена действующих лиц – начальника Ольховского лесопункта, председателя цехкома и секретаря парткома. Опубликована была тут же и такая приписка: «Просим извинения у передового тракториста Владимира Джежоры, что, следуя законам басенного жанра, вывели его под именем Зайца. Думаем, что тов. Джежора на нас не обидится».

В лесопункте и в Щучье-Озерском леспромхозе только и разговоров было о басне Радкевича. Ещё продолжительное время после этого басню поэта читали в клубах Октябрьского

района во время концертов. В редакции стали раздаваться анонимные звонки: ругали писак, грозили расправой...

Радкевич за короткое время оказал большое влияние на общественную жизнь района. Его стихи, басни, сатирические миниатюры, фельетоны будоражили умы людей. Приезжая в села и деревни, он заходил в клубы, школы, интересовался «пишущей братией». В первой половине декабря он заглянул в поселок Ненастье, где жил Иван Абрамов. В «Школьном огоньке» Радкевича подкупило поэтическое творчество ребят. В газете «Вперед» (18 декабря 1965 г.) появилась литературная страница, полностью посвященная «Школьному альманаху». Радкевич опубликовал в ней стихи юных поэтов, а также свою статью «Огонек ребячьих сердец».

Ярким событием в поселке Октябрьский стал вечер поэзии, в котором приняли участие Владимир Радкевич и местный поэт Иван Абрамов. Пришли на него и сотрудники редакции газеты «Вперед», в том числе и корректор Прасковья Змеева, которая была поражена одеждой Радкевича. «Это был совсем другой человек», — заметила она²². Радкевич и Абрамов сидели в президиуме. В кратком вступительном слове Радкевич сказал о значении поэзии, подчеркнув, что она нужна каждому человеку так же, как «веточка сирени в космосе». После доклада, сделанного учительницей средней школы А. Кондрашовой, свои стихи читали В. Радкевич и И. Абрамов.

И снова продолжают суровые будни, в которых Радкевич — сатирик раскрылся в газете во всем блеске. В общепитовском фельетоне «О том, как нам не по душе в Тюже» он восхищается меню. В нем всё есть. Однако, когда к раздатчице подходят бедолаги, чтобы взять заказанный обед, на кухне этих блюд не оказывается. «Меню написано пером, но вырубают топором, да, вырубают на корню все впечатления от меню. Что делать? За наличные берем, что есть в наличии». Здесь же он высмеивает мастеров по котлетам: «Есть у них свои секреты, приходите к ним опять: говорят, они в котлеты будут мясо добавлять».

В результате такой резкой критики разных сторон жизни района недовольство партийных, советских, профсоюзных бюрократов резко усиливается. Число начальников, не довольных Радкевичем, растет. Местные чинуши горят желанием изба-

виться от него. С их стороны было оказано давление на редактора районной газеты «Вперед». В результате при подведении итогов конкурса его победителем Радкевич не стал. А ведь у Радкевича кроме басни «Лесная быль» были ещё блестящие фельетоны, сатирические миниатюры, которым не было цены. В результате Радкевич 1 января 1966 года согласно приказа № 1 был уволен без какой-либо формулировки за что именно, и из приказа было не ясно, по своему ли собственному желанию или по инициативе редакции²³.

Шли годы. Жизнь поэта приняла более однообразный характер и спокойное течение, прерываемое редкими всплесками его необычных выходов.

Дмитрий Гилелович Ризов, хорошо знавший поэта, писал о том, что на последнем этапе жизни В.И. Радкевича можно было видеть в 11–12 часов дня на центральной улице Ленина в Перми одновременно в двух местах. Он сидел на лавочке возле бани в окружении 2–3 человек своих поклонников в ожидании необходимой рюмки водки и возле нынешнего «Уралсвязьинформа» (там находился стенд со снимками «Лучшие люди Пермской области»). К последним он, безусловно, относился. Д. Ризов писал о том, что он всегда ощущал В. Радкевича как человека с трагедией в душе, косвенным доказательством чему было его пристрастие к детективам. По мнению Д. Ризова, он был сильно идеологизированным человеком, что мешало его творчеству. Синдром победительницы, владелицы истины в последней инстанции, насквозь пропитавший Россию при социализме, в конце концов обрушил не только её саму, но и многих людей, искренне разделявших со страной в ту пору свою человеческую судьбу. По свидетельству Д. Ризова, Радкевич с родиной (как он понимал её) ни в чём не расходился. Он писал искренние стихи о мужестве, о якобы высоких целях нашей страны и её граждан, о справедливости и личном долге, об истории, поднимающей в глазах её граждан их родину²⁴.

А в жизни было всё не так однозначно. Незаметно возник разлом между тем, чем наполнял Радкевич немалую часть своих стихов, и тем, с чем он сталкивался на самом деле. По мнению Д. Ризова, это привело к тому, что Радкевич пристрастился к детективам, потому что в них, замешанных на острых сюжет-

ных ходах, торжествуют правда и справедливость: а финалы детективов приносили минутную разрядку его измученной в неразрешимых противоречиях душе.

В семидесятых годах он начинает преодолевать мешающую ему тенденциозность и создает ряд стихотворений, которым суждена долгая жизнь²⁵. В стихотворении, посвященном памяти его свердловского друга Николая Куштума, он писал эзоповским языком о том, что:

«К молчанью природы
Привыкнув,
Ты сам расстояние проверь
От нынешних
Скорых прибытков
До будущих долгих потерь.
И все, что мы там потеряли,
Лишь дымом ушло в небеса.
Редеют леса на Урале...
Да если бы только леса!»²⁶

Это стихотворение написано в 1967 году, когда его автору было 40 лет. Он еще был не старым. Однако чтобы ему и дальше создавать хорошие стихи, требовалось изменить взгляд на цель, смысл и задачи того, что он делает, о чем он пишет. Он был уже давно зрелым мастером и не доверял движениям собственной души, как важному источнику творчества. Он всегда подходил к тому, о чем писал, с некоторой обобщающей отстраненностью.

Необходимость изменить свою поэтику (а значит и саму свою человеческую натуру) встала перед ним слишком поздно. Сумма прожитой жизни не позволяла ему так измениться. И он переключился на экспромты, эпиграммы, которые начал создавать десятками²⁷. Он посвящал их друзьям и врагам, событиям, происшествиям, партийным, КГБешным и милицейским чиновникам. При этом он не затрагивал основы социализма, как общественного строя. Он не был уверен в его несвоевременности и потому обреченности.

Его популярность была так значительна, что он, написав экспромт, эпиграмму, посвященную секретарю обкома КПСС, мог тут же позвонить ему по телефону и прочитать ему их, чему Д. Ризов был свидетелем. Его эпиграммы «глотали», относясь к их автору, как к интеллектуальному шуту, принадлежавшему к их собственной системе. Но нельзя поэту, – подчеркивает Д. Ризов, – слишком сближаться с властью, даже если она считает его своим.

Драматическая история разыгралась с В. Радкевичем, когда в Пермь приехал секретарь ЦК КПСС, член Политбюро И.В. Капитонов по случаю вручения городу Перми ордена Ленина. Это было в октябре 1971 года. В театре оперы и балета состоялся большой концерт для гостя. Зал заполнила элита того времени, концерт транслировался по телевидению. В. Радкевича пригласили принять участие в концерте со стихами, соответствующими событию. В фойе были размещены столики с коньяком и легкой закуской. Радкевича предупредили: пока не выступил, ни капли в рот... Он терпел. Выступил, это Д. Ризов видел по телевизору. А потом отправился навестить упущенное. И очень быстро в этом преуспел. В фойе полно «людей в штатском»: они вежливые и услужливые к нему. Они предложили ему уйти и вывели через служебный ход из театра. Сквер перед театром был очищен от посторонних. Ближнее оцепление театра вдруг замечает перед стенами театра слегка подвыпившего человека. Подозрительного человека вежливо передали второму оцеплению – милиционерскому. Они втолкнули его в машину и увезли в вытрезвитель. Радкевич требовал, чтобы его соединили с начальником милиции, генералом, с кем-либо из секретарей обкома или горкома партии, называл их имена и фамилии. Но его уже не слушали. Выпустили его только утром, разобравшись, в чем дело. После этого Радкевич отправился напрямик в Союз писателей. Так совпало по времени, именно в это время туда же зашел Д. Ризов. Увидев Радкевича, он поздравил его с удачным выступлением вчера.

Радкевич услышал в его словах издевку над собой и пригрозил, что он его убьет²⁸. После того, как его попытка не удалась, он обхватил голову руками и отчаянно выдавил из себя: «Удавлюсь... Повешусь...». Больше Ризов не напоминал ему

про злополучный концерт и эту стычку с ним. Вскоре он подарил Д. Ризову сборник стихов с надписью: «Диме Ризову – с многолетними дружескими чувствами». Эта книжка талантлива, несмотря на то, что лирика Радкевича с тех пор прошла испытание смертью её автора²⁹.

Другой писатель, М.Р. Смородинов, хорошо знавший В. Радкевича, в своих воспоминаниях описал другой случай, когда поэт поступил неосмотрительно. И его шутка, о которой расскажем далее, дорого обошлась ему в смысле здоровья.

Дело было связано с торжественным заседанием городского комитета КПСС и городского Совета депутатов трудящихся, с участием представителей трудящихся, посвященным 250-летию Перми 8 декабря 1973 года.

В докладе на торжественном заседании, с которым выступил Первый секретарь Пермского горкома КПСС С.А. Мелешков, было отмечено, что «о городе хорошо сказал наш поэт Владимир Радкевич в стихотворении "Пермь"». Там есть такие проникновенные строки:

«Железная воля Урала,
Избрав не мольбу, а борьбу,
Здесь тысячи судеб сковала
В одну трудовую судьбу».

Заканчивается оно также замечательными словами, подчеркнул С.А. Мелешков:

«И в сердце вливается что-то
От славы твоей и потерь,
Любовь моя, жизнь и работа, –
Земля моя русская – Пермь!»^{29а}

Эти строки, приведенные в докладе на таком важном форуме, являлись убедительным свидетельством признания авторитета поэта на городском уровне.

На вечере, посвященном десятилетней годовщине со дня смерти В. Радкевича, М.Р. Смородинов в своих воспоминаниях о поэте уделяет большое внимание той тщательности и скрупу-

лезности, с которой он подходил к художественной отделке произведений. В. Радкевич в беседе со Смородиновым говорил: «в поэзии, как в любви: одна фальшивая нота — и нет больше доверия». «Последнюю фразу он в рецензии на мою книгу «Пять утра» написал так, что цитирую её дословно. Заключенная в ней мысль — не от лягушечной холодности ума, а от глубокой выстраданности. Первая любовь самого Радкевича была убита именно «фальшивой нотой».

Однако феномен «несчастливой» любви в том, что она дарит поэту больше мгновений творческого горения и пронзительных строк, нежели «счастливая»³⁰. Как же грустно сознавать это, но душа человека, по словам Радкевича, мужает в несчастьях, в сопротивлении судьбе и бедами не только омрачается, но и высветляется. Нас в этом убеждают его произведения, написанные в годы душевных потрясений, так сказать, этапные. Радкевич много работал над стихами: это лишь эпиграммы выпархивали из-под его пера, а многие он и вообще не записывал. Лирические сборники он тщательно отделявал, читал друзьям, внимательно выслушивал их отзывы, мог позвонить среди ночи, похваставшись, какое хорошее стихотворение получилось. Стихи Радкевича нравились многим, но не на всех он производил впечатление серьезного человека, а, скорее всего, это происходило потому, что он и не пытался им выглядеть.

Конечно, М.Р. Смородинов прав: в условиях социализма мог ли выглядеть серьезным человек, пишущий эпиграммы? Да еще в пору, когда властвовал «бардак». М.Р. Смородинов утверждает, что «диссидентом Радкевич никогда не был. Раздражал его не социалистический строй как таковой, а «начпупсы», показавшие, что с высот должности можно руководить всем и вся».

Местную номенклатуру, вплоть до секретарей обкома, Радкевич одаривал эпиграммами разной степени стервозности, в зависимости от их заслуг³¹. Особо доставалось дамочкам, руководителям культуры. На уровне неприличия он написал такую эпигramму:

«Я обкомов не боюсь,
На партдамочке женюсь.

Буду щупать сиськи я
Самые марксистские»³².

По свидетельству М.Р. Смородинова, В.И. Радкевич к женщине (не партработнику!) относился целомудренно, он восхищался ей, достаточно вспомнить такие его стихи, как «Трактористка», «Приехали финны», «В клубе сегодня танцы»³³. Он так ненавидел одного виршеплета, который предлагал ему переспать с его женой, лишь бы он дал ему рекомендацию в Союз писателей, что соискатель вынужден был уехать из Перми.

О самом В. Радкевиче, особенно о его пьянстве, ходило много легенд и сплетен. По свидетельству М.Р. Смородинова, он мог и вправду, выпив, устроить импровизированный поэтический вечер, читая стихи на перекрестке улиц Ленина и Карла Маркса (ныне Сибирской), наискосок от Союза писателей, располагавшегося тогда в Доме журналиста. Слушателей собиралось обычно много. А милиционеры не спешили «наводить порядок». Им нравилась поэзия Радкевича, смелая и раскованная, хулиганистость была в его характере³⁴.

На одном из таких творческих вечеров Радкевич вышел на сцену, держа в руках лист бумаги. Зал заинтересованно смолк: все знали об исключительной памяти Радкевича. Он мог читать наизусть сотни стихотворений, своих и собратьев по перу и «шпаргалками никогда не пользовался». Глядя в бумажку, шамкая и шепелявя, Радкевич стал читать свое стихотворение «У колодца». Зал подсказывал запинающемуся чтецу, уловив в его хрипотце характерные нотки речей стоящего в ту пору у кормила власти Леонида Ильича Брежнева³⁵. Трудность речедвигательного аппарата последнего в то время нашла выражение в известном анекдоте «сиски-матиски», т.е. систематически.

Стихотворение «У колонки», так оно в действительности называлось, написанное в 1962 году, очень подходило к политической и социально-экономической ситуации в СССР первой половины 70-х годов. Основной смысл его сводится к тому, чтобы шамкающим языком, похожим на язык Л.И. Брежнева, создать впечатление у женщин о том, что все у них хорошо, им надо работать так:

«Чтоб в дому ни соринки,
Чтоб сверкало окно,
Чтобы стало от синьки
Даже небо синё!»

Конечно, от синьки не будет «синё». Здесь намек на грандиозные планы преобразования социальной действительности в стране, расхोdivшиеся с реальным положением вещей:

«Здесь стоят – не судачат,
Не рядят ни о ком,
Глаз стыдливо не прячут
Под цветастым платком.
Провожает усмешкой
Понимающий взгляд:
Проходи, мол, не мешкай,
Не платил за погляд!
Я и сам понимаю,
Вам ли время терять?
И полы вымыть к Маю,
И белье постирать.
Много разностей разных
Мучит вашу сестру.
Людям праздновать праздник –
Вам стоять на смотру...»

Для народного чтения Радкевич выбрал самое двусмысленное из своих стихотворений. Кто-то донес на Радкевича, и его распекали на обкомовском «ковре». Но такие выходки он позволял себе редко, слишком трепетно и уважительно он относился к поэзии. М.Р. Смородинов считает, что окажись на месте Радкевича кто-нибудь другой, он так легко бы не отделался. Отношение к нему «было особое». Он настолько сжился с землей Прикамья, столь глубоко врос поэтическими корнями в неё, что и сам стал её поэтическим символом, а его стихи – визитной карточкой прикамской поэзии³⁶.

Творчество Радкевича высоко ценили другие поэты Урала. Никто из поэтов Прикамья не написал столько прекрасных стихов о Каме, о Перми, об Урале как Радкевич³⁷.

Российская земля в начале 80-х годов «болела» борьбой с пьянством и алкоголизмом. Хмельные выступления Радкевича обсуждались на писательском бюро. Хотя приверженцев «сухого закона» среди пермских писателей и поэтов было мало, решили предложить В. Радкевичу пройти курс лечения в наркодиспансере. Под благим предлогом – спасти талант. Тем более, что ситуация в это время для Радкевича сложилась критическая.

Когда встал вопрос об ответственности поэта за его «недостойное поведение», ответственный секретарь Пермской писательской организации Олег Селянкин позвонил в наркодиспансер. В результате, Радкевич попал в больницу, расположенную на улице Революции. М.Р. Смородинов осторожно пишет о том, что он не может утверждать, что Радкевича «прицельно» упрятали в психушку, но тогда встает вопрос: а зачем нужно было О. Селянкину звонить туда, с какой целью он это сделал? Пребывание в психиатрической больнице и методы лечения, которые тогда применялись, в частности, джакузи, там были очень эффективные. За два-три дня якобы вывода Радкевича «из буйства», его загнали в такую депрессию, что вытягивать из нее его пришлось почти два года.

М.Р. Смородинов пишет о том, что он позднее спросил у Б.В. Коноплева, когда тот уже не был первым секретарем обкома партии, не по его ли указке упекли Радкевича в лечебницу? Тот даже возмутился: «Да вы что? Мне докладывали, что он болеет. Но то, что он в психушке, я тогда не знал». Получается так: докладывали, но не сказали. Едва ли, что это было так. У первого секретаря обкома партии всегда была информация о наиболее значительных событиях, происходивших в области. Скорее всего, он просто отрицает то, что было.

Придя к Радкевичу в больницу с писателем Н.Н. Вагнером, «мы его просто не узнали. Прежде живой и бойкий, всем живо интересующийся, он как бы потух: в оболочке поэта, одетого в серую больничную униформу, «варьировал» совсем другой человек». И потом после больницы он долго и трудно возвращался к самому себе. В нем действительно «какой-то буйный дар

был утрачен». Это сказалось и на его творчестве. Только литературных прихлебателей это оттолкнуло от него, по пятам за ним полз шепот: «Перегорел, исписался». Однако это было не совсем так. Несмотря на то, что процесс реабилитации шел медленно и болезненно, он все-таки продолжал «бедокурить» и писать стихи.

Видимо, предчувствуя свой уход из жизни, Радкевич на последних в Прикамье Днях литературы народов СССР в 1987 году безоглядно раздаривал книги друзьям из Москвы и других республик. В этом же году Радкевич был награжден орденом «Дружбы народов». И совершенно заслуженно. Об этом убедительно свидетельствуют его многочисленные переводы с языков национальных республик на русский язык.

Здоровье поэта, перенесшего множество испытаний, постепенно ухудшалось, и 7 июня 1987 года он умер в машине скорой помощи, везущей его из Усть-Качки в Пермь. У него подозревали инфаркт, а на деле фактически открылось внутреннее кровоизлияние.

Владимир Радкевич не был книжным писателем. Ему всегда было необходимо быть в гуще людей. Он всегда спешил на помощь, когда человек оказывался в беде. Он всегда в таком случае поддерживал его не только словом, но «и полтинником взаимь», и личным участием. Об этом свидетельствует случай, произошедший в 1985 году в Чермозе.

Летом 1985 года М.Р. Смородинов рассказал Радкевичу о несправедливости, которую творит партийное руководство Чермоза по отношению к двум местным преподавателям – Александру Тараканову и Николаю Алфимову, – вспоминает член Союза писателей Федор Востриков. Услышав, как чиновники наезжают на критикующих их правдолюбков, подводя их под уголовное дело, Радкевич возмутился и предложил Ф. Вострикову: «Собирайся, поедем в Чермоз!».

Взяли в Союзе писателей командировку и вылетели в Чермоз. Местное руководство узнало о прилете ведущего поэта Прикамья и прислало на аэродром черную «Волгу». Приехали за ними на светлом, потрепанном «Москвичонке» и сами учителя. Радкевич заявил: «Мы на черных машинах не ездим» и демонстративно двинулся, прихрамывая, к «Москвичу».

Участие Радкевича в защите учителей, его обращение в обком КПСС к Инне Павловне Быковой, к начальнику областного УВД И.В. Мажуре, в значительной мере предопределили благоприятный развал сфабрикованного дела.

Семейные отношения В. Радкевича были сложными, особенно в первом браке с Натальей. Второй брак с Зоей Ивановной продолжался до смерти В.И. Радкевича. От первого брака родился сын Сергей, от второго – две дочери Людмила и Лидия. Есть внук Владимир – сын младшей дочери Лидии.

Мать поэта резко осуждала и критиковала поведение сына и его развод с первой женой Наташей. В письме к сыну от 22 октября 1965 года она писала: «И вот здесь-то я потерпела крах. Моему любимцу, моему светлому и радостному в моей уходящей жизни, нанесен тяжелый удар. Он полусирота уже сейчас (Лидия Александровна имеет в виду своего внука Сергея – В. С.). Растет в неполноценной семье, где отец и мать – враги друг другу. Его маленькая жизнь уже покалечена, испорчена, он получил такую психическую травму, которая отразится в будущем на многом.

Мне жалко и вас, взрослого тебя и Наташу, у которых так мудрено сложилась семейная жизнь, но вы выпрямитесь, а вот маленькое неокрепшее существо может и погибнуть. И вы в ответе за это».

Лидия Александровна разъясняет сыну: «В семейных конфликтах ты всегда высоко стоял во мнении окружающих, родных и близких, чтобы ты был рыцарем без страха и упрека, ребенок всегда самая страдающая сторона. Об этом вы забываете в своей ненависти друг к другу, в непримиримости, в нежелании сгладить острые углы, хотя бы ради ребенка. Любви между вами давно уже нет, да и была ли она настоящая?»³⁸

Но хоть бы терпимости, хоть бы уважения, но и этого нет, значит, разбита самая основа семейной жизни. Я прочитала... бабушка туда (в Ленинград) переслала письмо «Поэзию влюбленного сердца» с гордостью за тебя – поэта. Очень рада, что ошиблась в оценке тематики твоего творчества, в его значимости. Человеком ценится то, что находит отклик именно в его сердце, и мне ближе, созвучнее твои более ранние стихи, что же тут делать?

Охотно признаюсь в своей ограниченности, в неумении отойти от своего «я». Но я хотела бы гордиться тобой не только поэтом, но и человеком, мужем и отцом. Но здесь у тебя много недостатков. Мне больно признаться в этом, но от фактов не уйдешь. Главный враг семьи и твой – водка. Ты был во многом виноват перед Наташей и Сережей, когда я была у вас в прошлом году. Сережа тебя боялся. Наташа избегала. А я ничем не могла помочь ни тому, ни другому, хотя сердце у меня разрывалось от боли за тебя и от жалости к ребенку и женщине, на которую ты мог и руку поднять. Я хотела, чтобы ты всерьез высоко стоял во мнении окружающих, чтобы ты был рыцарем без страха и упрека, чтобы общественное осуждение никогда и ни в чем не коснулось тебя, чтобы твой сын мог гордиться тобой, чтобы он никогда не имел повода осудить тебя «насмешкой гордого обманутого сына над промотавшимся отцом». А ведь скоро наступит время, когда сын станет разбираться в поведении и поступках родителей, судить их своим строгим детским судом, и это будет самый тягостный суд, от которого нигде не скроешься. Я знаю, что ты и сам осуждаешь себя, но почему не хочешь признаться в этом всерьез самому себе? А мне думается, что предъявляя требования к Наташе, замечая её недостатки, надо на суд собственной совести вынести и свои...» Заканчивая большое письмо, Лидия Александровна пишет сыну: «До свидания, мой дорогой сын, несмотря ни на что не обижайся на горькие истины, я хочу, чтобы ты был таким идеальным, каким ты жил в моем воображении»³⁹.

Таким Радкевич, к сожалению, не стал. Первый брак распался, во втором Зоя Ивановна в течение многих лет вынуждена была стоически переносить его пьяные причуды. Являясь выдающимся поэтом Прикамья и вообще Урала, В.И. Радкевич был далеко не идеальным мужем, хотя он по-своему очень любил дочерей от второго брака и их мать, вторую жену.

Примечания

1. Фамилию поэта мы везде пишем через «д», а не «т» – по его желанию.

2. Владимир Радкевич: материалы к биографии / МКУК «Чайковская централиз. библиотеч. система». Центр. библиотека; сост. М.В. Бодрова, засл. работник культуры РСФСР. Чайковский, 2017. (В дальнейшем Бодрова М.В. Указ. соч.).

3. Бодрова М.В. Указ. соч. С. 9. Поступил не в 1943 г., а в 1944 г.

4. Государственный архив Пермского края (в дальнейшем ГАПК). Ф. р-1734. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.

5. Там же.

6. Там же.

7. Там же. Л. 2–2 об.

8. Там же. Л. 6.

9. Радкевич В.И. Вечность нас пригласила в гости... / сост. Ф.С. Востриков. Пермь: Маматов, 2007. С. 35.

10. Владимир Радкевич: материалы к биографии... С. 15.

11. Там же.

12. Цит. по кн.: Владимир Радкевич: материалы к биографии... С. 17.

13. Там же. С. 19.

14. Там же.

15. Там же. С. 21.

16. Там же. С. 22.

17. Там же.

18. Там же. С. 25.

19. Там же. С. 26.

20. Цит. по кн.: Владимир Радкевич: материалы к биографии... С. 27.

21. Там же. С. 33.

22. При освещении событий 49-дневной жизни В.И. Радкевича в Октябрьском районе мы широко использовали статьи И.П. Гурина «Южная ссылка» Радкевича в кн.: Владимир Радкевич: материалы к биографии... С. 97–102.

23. Там же. С. 102.

24. Там же. С. 161.

25. Там же. С. 162.

26. Радкевич В.И. Приближение к Уралу: стихи. Пермь: Кн. изд-во, 1987. С. 39–40.

27. Владимир Радкевич: материалы к биографии... С. 162.

- 28. Там же. С. 163.
- 29. Там же.
- 29 а. Городу Перми – 250 лет. Пермь: Кн. изд-во, 1975.
С. 28.
- 30. Владимир Радкевич: материалы к биографии... С. 166.
- 31. Там же. С. 168.
- 32. Там же.
- 33. Там же.
- 34. Там же. С. 169.
- 35. Там же.
- 36. Там же. С. 170.
- 37. Там же.
- 38. Там же. С. 179.
- 39. ГАПК.Ф. р-1734. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 1 об.-411, Радке-
вич Л.А. – Радкевич В.И. 22 октября 1965 г.

ГЛАВА II

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА ПОЭТА

Под характером обычно мы понимаем целостный и устойчивый индивидуальный склад душевной жизни человека, его тип, нрав, проявляющийся в отдельных актах и состояниях его психической жизни, а также в его манерах, привычках, складе ума и свойственном человеку кругу его эмоциональной жизни. Из этого длинного перечня свойств человеческого характера важнейшее значение имеет его отношение к другому человеку или к другим людям.

Друг В.И. Радкевича, писатель Л.И. Давыдычев, хорошо его знавший в течение нескольких десятилетий, написал о нем очерк «Доброе сердце поэта». Он считается лучшим из всей мемуарной литературы о поэте. В нем он описывает следующий случай из его личной жизни. Как-то осенью он вернулся из деревни. Машина была забита скопившимися за лето различными вещами. На скамье у дома сидел недавно вышедший из больницы В. Радкевич, за последнее время постаревший и непривычно притихший.

Увидев своего друга, он сразу же, торопливо поздоровавшись, ухватился за чемодан и тяжелый рюкзак, «не слушая моих возражений» (мемуарный очерк Л.И. Давыдычева написан от первого лица – В. С.) и двинулся к двери в подъезд. Радкевич «нелегко, с остановками поднялся на третий этаж, зашел в квартиру и тут же ушел. Когда я спускался обратно, он выглянул из своей квартиры на втором этаже и почти виноватым голосом сказал: «Извини, больше не могу... нога вот болит...» «Мелкий вроде бы случай, – продолжает Л.И. Давыдычев, – но именно с него мне захотелось начать предисловие к юбилейной книге поэта Владимира Радкевича (в апреле 1977 года ему исполнилось пятьдесят лет)». Он всегда был таким, «сначала спешит помочь в любом деле, в любой ситуации, а лишь затем становится ясно, чего ему эта помощь стоила». Для него важно

«сначала – помочь!» Для него в его повседневном поведении было характерно – только услышит, что кто-то в чем-то нуждается, сразу же без промедления бросается на помощь товарищу, чего бы она для него ни стоила, бросается помогать человеку, иногда и не очень близкому. В конечном счете эта необыкновенная доброта и помогла ему стать далеко не заурядным поэтом¹.

Его творчество – от первых до недавно написанных стихов – это сотворение добра людям, отдавание самого себя на беспощадный суд совести. Он готов впустить в сердце неисчислимое количество чужого горя, а о собственных бедах рассказывает только, чтобы предостеречь и утешить других.

Главное достоинство поэзии В. Радкевича – доброта, сердечность, отзывчивость. Он может быть гневен, но никогда не бывает злобен. А жестоким он бывает только к себе. Будучи лириком самой чистой пробы, Радкевич, в случае необходимости, становится откровенно публицистичен, тогда его сердечная взволнованность естественно перерастает в гражданственность, а личные заботы возвышаются до уровня общественных.

Давыдычева поражало природное умение Радкевича привносить сердечность даже в праздничные газетные стихи. Уже как только не потешались фельетонисты и пародисты по поводу дежурных произведений для газет, но Давыдычев утверждает, что ни в одной строке Радкевича – от напечатанных на первой полосе, от реклам для «Союзпечати» до самых сокровенных стихов – не найти запаха равнодушия и ремесленничества.

Радкевич просто не умеет писать без души. Он стремится к тому, чтобы любая строка стала фактом настоящей поэзии.

Поэзия – это его работа, и в ней он – признанный мастер. Л.И. Давыдычев отмечает редкую скромность Радкевича. Он десятки раз читал свои новые стихи друзьям, а также на встречах с читателями, как бы проверяя каждое слово «на прочность»².

Писатель пишет об упрямстве Радкевича: «Уж если Радкевич упрется, переубедить его невозможно. И всегда ли надо? К числу недостатков поэзии Радкевича Л.И. Давыдычев некоторое время относил его «краеведческие», «уральские» стихи. И только со временем он понял, что в этом отношении Радкевич

прав. Чтобы выразить большую любовь и чтобы стихи долго жили, требуются большой труд и время.

Очень быстро летит время. Жизнь так быстро летит, может быть, потому, что она состоит из бесконечно малых величин – дней. Поэтическая жизнь длиннее и насыщеннее физического существования. Поэт живет дважды. Один раз – обычно, как все, второй раз – в созданных им стихах. И эта вторая жизнь поэта длиннее и насыщеннее первой³, и в этом Л.И. Давыдычев прав.

Он ставит отнюдь не риторический вопрос о том, что же питает талант и помогает ему вызреть? Это, конечно, сама жизнь, все её обстоятельства. Они способствуют формированию личности и её основы – человеческого характера⁴.

Л.И. Давыдычев отмечает кажущееся несоответствие между внешним и внутренним потенциалом у Радкевича. Стихи Радкевича нравились многим, но не на всех он производил впечатление «серьезного человека» и, скорее всего, потому, что и не пытался им выглядеть. Однажды в газетной статье высказывалась «неуверенность» в будущем молодого поэта. Л.И. Давыдычев поясняет, что в данном случае речь идет не о требовании всепрощения творческому человеку, а о поверхностном, искаженном взгляде на труд поэта. Он подчеркивает, какой дорогой ценой дается создание произведения.

Друг поэта пишет о том, что, зная Радкевича много лет, он понял несоответствие между внешней стороной жизни поэта и внутренней. Внешне все просто, просто и понятно. Поэт даже словно бы нарочно дает поводы для толков и кривотолков, а внутри рождаются стихи все более зрелые, талантливые, все более чеканные, которые все больше волнуют читателей⁵. В качестве примера он приводит стихи Радкевича, посвященные смерти матери. Писатель подчеркивает, что кажущаяся простота их надолго может лишить покоя читателя. И это характерно для многих поздних стихотворений Радкевича.

Одновременно со стихами В. Радкевич активно выступает и печатается в газетах в прозе. Он пишет фельетоны, в которых критикует молодых специалистов, окончивших Свердловский лесотехнический институт. В фельетоне «Тоска по родине» он описывает производственное поведение Михаила Демьяновича

Афанасьева, который, получив должность технического руководителя Азовского лесопункта Тукачевского леспромхоза, в рабочее время предпочитал находиться не на лесосеке и не в конторе, а дома на кровати под предлогом болезни, именуемой «ностальгия». «Его буквально душила тоска по родине»⁶. В Тукачевском леспромхозе молодого специалиста – выпускника Свердловского лесотехнического института – ждали с нетерпением. Ему незамедлительно вручили подъемные и (что оказалось гораздо менее приятным!) присланный к тому времени из Свердловска судебный иск на сумму в 250 рублей за разбитые во время дебоша на институтском вечере окна... Вручили ему и приказ о назначении на должность инженера производственного отдела. Однако отдачи от молодого специалиста, – с сарказмом пишет В. Радкевич, – оказалось немногим больше, чем от козла молока. Обычно, придя на работу, он сразу же погружался в чтение газеты или прихваченной из дому книги. Вникать в дела производства он не спешил, от поездок в лес упорно отлынивал.

Руководство леспромхоза решило направить его техническим руководителем Азовского лесопункта. Вот тут-то и вселилась в молодого специалиста «ностальгия» или, иначе, тоска по родине. Она ему буквально жить не давала. Хочет он, например, какой-нибудь передовой метод на лесопункте внедрить, но не тут-то было. Скрутит его ностальгия, и, глядишь, вместо того, чтобы передовые методы внедрять, лежит технический руководитель дома на кровати, принимает внутрь себя сорокаградусное лекарство, огурчиком закусывает и выводит лирическим баритоном:

«Я тоскую по родине,
По родной стороне моей».

Задумчиво и жалобно поет. А потом, не ограничиваясь этим, пишет заявление в отдел кадров, в котором просит отпустить его в родное Забайкалье, поясняя, что он не в силах жить в разлуке... Болезнь Афанасьева не на шутку встревожила начальство леспромхоза.

Приезжал к нему директор леспромхоза Ваньков, его заместитель по кадрам Мехоношин, даже ответственные представители комбината «Комипермлес» у постели «больного побывали». Ядовито, с юмором Радкевич продолжает, но то ли слабы были их медицинские познания, то ли что-то другое, но только видимой пользы производству их визиты не принесли. Всё это не замедлило сказаться на состоянии дел на производстве лесопункта. Трудовая дисциплина «особенно низко пала». Глядя на начальство, стали прогуливать и подчиненные. Не ограничиваясь пьянством, технический руководитель лесопункта стал играть в карты с соседским пацаном.

Ностальгия Афанасьева, писал Радкевич, объясняется очень просто: он решил любыми средствами вырваться из леспромхоза и найти местечко потеплее, под протекцией родителей. В медицинских справочниках действительно встречается болезнь «ностальгия» – тоска по родине. «В данном случае, – пишет Радкевич, – правильным будет другой диагноз – прогул и саботаж, который должен быть вылечен соответствующими государственными органами». К счастью, таких специалистов в комбинате «Комипермлес» единицы. Большинство из них принадлежит к тому числу молодых специалистов, которые «смолоду» берегут честь «молодого специалиста»⁷.

Одним из направлений творческой деятельности В. Радкевича являлась оценка труда своих товарищей по перу – молодых поэтов Прикамья. В рецензии «Трудные ступени восхождения» он предпринял попытку проанализировать труды, опубликованные в сборниках Пермского книжного издательства. «Отцовское поле» Федора Вострикова, «Живая вода» Александра Гребенкина, «Огневушка» Нины Субботиной, «Берега» Нины Чернец, «Сибирский тракт» Натальи Чебыкиной – пять лирических исповедей и в целом доверительный разговор с читателем о том, что волнует и тревожит нашего молодого современника⁸. Несмотря на разность стилей, поэтического темперамента, жизненного опыта, не трудно усмотреть, указывает В. Радкевич, общие для всех истоки поэзии. Они заключаются в любви к родной земле. Эта любовь согревается воспоминаниями детства и поныне представляет залп душевных сил и здоровья. Чувство сохраненной с детства привязанности к родной

земле отчетливо проступает во многих стихах Федора Вострикова:

«В эту землю росли мы, как травы,
Даже глубже сердцами росли!»

Для Федора Вострикова родная земля – это, прежде всего, отцовское поле. Место активного приложения трудовых рук крестьянина. «Судьба народа и моя судьба – да будут колосистыми хлеба!». Вот почему для него так дороги привычные с детства примеры родной земли.

«Клубника в буйном травостое,
И даль в березовом дыму.
В кувшинках озеро лесное,
Тропинка – ниточка к нему...»

Но это вовсе, – подчеркивает Радкевич, – не благодатное чувство умиления. Любовь к земле – это и тревога за судьбу родной природы («Речка Съезжая»), за будущее деревни («Отцу»), это и благодарная память о тех, кто лежит в родной земле под красноезвездными обелисками. «Я к дому милому приду, у низеньких присяду окон», – для Нины Чернец возвращение к земле детства необходимо, чтобы снова ощутить «любви живое море», почерпнуть в нем новые силы – «стойкость в беде». Сердце поэтессы распахнуто навстречу добрым людям, она несет им новую радость и свои заботы. Её стихами как бы высвечены не тускнеющие с годами повзросления, главные жизненные установки: «Так мне сердцу светят руки мамыны да сморщенный березовый листок».

Нежность к людям оборачивается душевной стойкостью, неистребимой верой в торжество добра.

«Не всё пожнем мы, что посеяно,
Но в самой безнадежной мгле
Безлюдье есть, но нет безвременья,
Пока есть люди на земле».

Совсем городская Нина Субботина как к источнику поэзии душевной силы тоже припадает к родной земле, к своему деревенскому лету.

«Земля моя! Мой знойный и прохладный,
Сосновый и березовый мой быт,
Как пятистенка, рубленая ладно,
На солнечном пригорочке стоит...»

Здесь мы наблюдаем любование щедрым обилием природы и, как считает В. Радкевич, веселым «застольем». В других стихах Н. Субботиной эта земля щедро заселена «неучтенными» лесными птицами, которые помогают людям «бессловесной песней своей», и Малахитницами и Соловушками из уральских сказов, и добрыми лесными реками, которые могут облегчить любую беду, и рачительными людьми, хозяевами уральской тайги.

В. Радкевич считает, что во многих стихах Н. Субботиной чувствуется влияние уральского фольклора, который придает своеобразную окраску её поэтическому языку, отражается в сюжетах и композициях ряда её стихов.

Несколько абзацев текста своей статьи В. Радкевич посвящает разбору стихов Александра Гребенкина. Он пишет: «Так давно мне не дышалось, так светло давненько не жилось». В другом стихотворении – «Артэ монэ» – раскрывается суть этой неразрывной связи: «здесь мои цепкие корни, которых не вырвать вовек».

А. Гребенкин более других поэтов тяготеет к сюжетному стихотворению, в котором правдиво изображаются сохраненные цепкой детской памятью приметы военной и послевоенной деревни. Творческий рост молодого поэта в последние годы несомненен: «его стих стал более раскованным, более человеческим». «Чужую боль беру на плечи и забываю о своей», – это единственно верный поэтический взгляд на жизнь, на людей.

Несколько лет назад любители поэзии Прикамья с интересом встретили первую книгу способной молодой поэтессы Натальи Чебыкиной «Время свадеб». Общеизвестно, какое значение имеет именно вторая книга в кристаллизации поэтического

таланта. К сожалению, подчеркивает В. Радкевич, такой кристаллизации в «Сибирском тракте» не произошло.

Несмотря на отдельные поэтические удачи («Четвертая рота», «Моему отцу» и другие), новый сборник не представляется цельной книгой с устоявшимся мироощущением, соседство стихов в нем просто случайно. Тематически здесь продолжают-ся и даже перепеваются многие мотивы первого сборника, к тому же нарочитым кажется такое самолюбование расхристанностью «жестоких чувств», «вот и уже я ныне осуждена сама собой, своей виною, Вина, как снежная стена, легла между тобой и мною...». А такие откровения, как «сама я себя не жалею, на голову кличу беду» или «не зная ни в чем середины, себя погублю я сама», граничат с явной поэтической безвкусицей.

«Хотелось бы пожелать Наталье Чебыкиной большей ответственности перед своим собственным талантом, — пишет В. Радкевич, — Конечно, можно было бы указать на конкретные недостатки многих стихов «Восхождения», на некоторое тематическое однообразие, на неудачные строчки и образы. Но главное не в этом. Преодолены только первые крутые ступени «Восхождения». Впереди трудный подъем длиною в целую жизнь. Так пусть же с новых высот откроются новые горизонты народной жизни, пусть больше охватывает взгляд, больше вмещает сердце».

Одним из принципов поэтического изображения жизни, который должен найти отражение в поэзии, считал В. Радкевич, является быть «поближе к жизни на земле». Именно так он озаглавил большую рецензию на книгу свердловского поэта Владимира Назина «Зов крыла. Лирика» (Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1972).

В ней он отмечает, что стихи поэта Владимира Назина и раньше встречались в различных периодических изданиях, а также в издаваемом в Перми ежегодном литературно-художественном сборнике «Молодой человек».

В. Радкевич указывает на некоторые достоинства этих стихов. «Они обращали на себя внимание, — подчеркивает он, — энергичностью, мускулистой упругостью стиха, лучшим из них было присуще чувство времени, его движения и ритма»¹⁰.

Но отобранные вместе, в один поэтический сборник, стихи В. Назина, написанные за последние годы, позволяют судить не только об отдельных удачах и просчетах автора, но и о цельности и ценности его жизненной позиции, его поэтического мироощущения.

В. Радкевич отмечает, что Владимир Назин своей книгой стихов приглашает читателя и даже требует от него относиться к жизни как к раскованному движению чувства и мысли во времени и пространстве, относиться к ней как к полету, крыленному мечтой о счастье. Это мироощущение декларируется им в заглавном стихотворении сборника с предельной откровенностью:

«Подарили б охотно,
О мечту опершись,
За мгновенье полета
Небу целую жизнь,
Только грохот, да посвист...
Поздно! В сердце – звезда,
Лучше поздно, чем после
Не летать никогда».

«Ощущение крыльев неудобно для рук», и поэт предупреждает о житейской неустроенности и нелегкой судьбе «Икаров с обожженным крылом». В. Радкевич отмечает, что перед нами юношеский максимализм и молодая жертвенная влюбленность в захватывающее дух движение – к неясной, но от этого ещё более красивой «мечте»⁹.

«От рожденья недаром
Суждено за мечту
В синем небе Икаром
Умирать на лету».

В. Радкевич видит привлекательность стихотворения в том, что взамен абстрактной назинской «мечты» каждый может подразумевать свою конкретную мечту. «Езда в незнаемое» во многих стихах В. Назина в духе времени трансформируется в «свисты», «грохоты да посвисты» такого полета, когда:

«Захватывает дух в груди,
Уже не впереди,
Даже звезды,
И те остались позади».

Все масштабно и широко. В. Радкевич в рецензии при этом замечает: «Жаль, что при таких масштабах и скоростях, трудно разобрать, что происходит на земле». Однако все же мы узнаем, что «догорающие звезды так висают на шипах», что там острожно плывут деревья, чуть касаясь звездной кромки. И мы видим, как звезда по небу пролетит, собою жертвуя напрасно. Даже вполне земное «тепло любви» давно замерзает «над землей зазвездной высоты». Но что может поделаться поэт, если:

«...Все громче, будто бы нелепость,
В гуле полнолунной тишины
И необъятной раковине неба
Звезд и ветра шорохи слышны».

В. Назин может только обратиться с мольбой к ней, своей путеводной звезде:

«Взойди, звезда, над белою равниной,
Дари глазам первоначальный свет,
На исцеление души ранимой
Другой надежды
Не было и нет (!!)»

Ранимость оказывается в душе у читателя, ибо надежды на прекращение этого поэтического «звездопада», действительно, «не было и нет». В. Радкевич тщательно, постранично разбирает стихи В. Назина. Он отмечает, что на той же 37 странице опять горят «звездные костры» а на соседней, 38-й, уже упомянутой звезде дается более конкретное задание. Казалось бы, достаточно говорить о звездах. Но тоска по звездам у поэта В. Назина продолжается: надо было нам неба возле самой звезды, «гений – это та же звезда», «в сердце – звезда».

Звезда «проклевывается в тумане», просто горит и «кажется голубою», даже на ладони у любимой – «слезы от звездного

осколка)! В. Радкевичу порядком надоело это все. Звезда да звезды! Мало того, что пустыми гнездами звезду пытаются поймать деревья, они, звезды, еще неосторожно падают в воду и – на воде круги от звезд и листьев, «падающих мерно». «Не удивительно, – продолжает В. Радкевич, – что после всех этих испытаний:

На колени встают города
И в любви объясняются звездам!»

Если же помимо звезд переписать еще солнце, луну и другие небесные тела, встречающиеся в стихах В. Назина, то на страницах рецензии не хватит места, – о чем также беспокоится В. Радкевич¹¹. Дальше он оговаривается, что вовсе не все стихи, из которых им приведены звездоносные цитаты – неудачны, но собранные вместе, они обнажают узкую заданность одного и того же приема, неумеренную эксплуатацию полюбившегося В. Назину образа «звезды».

Настоящая удача, подчеркивает В. Радкевич, приходит к поэту там, где не летит он в надзвездных высях под «свисты и посвисты», а спускается на землю.

«Оставлю стих, с крыльца сойду
В притихший мир,
Где слепком солнца
Заходит облако в саду».

И тут находится время для неторопливых раздумий, находится место для весомых, как земные плоды, слов.

«Созрела песнь моя и спелась
И загрустила по весне...
Весною в яблоке
Не спелость,
А зрелость семени в цене».

Земля уже видится не как стремительный пересверк «граней света и тьмы», а как скорбное русское поле, где спят солда-

ты, как пахари, прямо на борозде, и «вдовьи очи озерные, материнскую дрожь переспелыми зернами переплакала рожь».

По мнению В. Радкевича, возникают отличные стихи, вроде «Богатыря», полного гордых раздумий о судьбах русского человека, который:

«...перековал бывало
К рассвету ратному в ночи
То меч булатный на орало,
А то орало на мечи».

В. Назин пишет о вечной, как жизнь, любви:

«Но перед ним —
и нет ей равных —
Россия — солнечный пригрев —
Лежит как скатерть-самобранка,
С краями пенными морей.
А в ней одной
для новой силы
В морях и реках молодых
По горизонт —
Целебной сини,
И через край — живой воды».

Это В. Радкевичу нравится, и он замечает: «Зрение поэта обретает зоркость и остроту». Он слышит, как, словно гром, докатит эхо до Рязани, и видит ожившую русскую сказку:

«Где прямо около тропинки
Грибы, окрепнув на росе,
Проходят в шапках-невидимках
По среднерусской полосе».

Редко, но иногда, подчеркивает В. Радкевич, стихи В. Назина рождаются не живым взволнованным чувством, а мертвыми литературно-историческими ассоциациями. И тогда

появляются общие необязательные строки, где наивные аллитерации лишь подчеркивают оригинальность мысли:

«Какое вече,
Какие свечи
На площадях;
Коль вече
В сече
При первой встрече
Не пощадит».

В. Радкевич рекомендует В. Назину отказаться от подобной дешевой игры в словах и в строках вроде:

«Посредине лета льется Лета,
Непроходимая река».

По мнению В. Радкевича, не всегда умеет В. Назин говорить о необычных людях, о простых движениях человеческой жизни. Поэтизация проходит способом весьма не хитрым: сибирская девушка Алена с ходу, уже в заголовке стиха, называется «язычницей», а далее идут в ход пошловатые сентенции вроде:

«...В пору жаркую опасно
Играть с любовью и огнем».

Не оживляют мертворожденное стихотворение ни короткие бытовизмы, ни философское осмысливание настоящего, ни ссылки на традиции. Однако наряду с недостатками, отмечает В. Радкевич, очень многое в сборнике и радует его. «Я не знаю других стихов, – пишет он, – где бы с такой трепетной влюбленностью звучал гимн птицам», этой крылатой примете России.

«Не они ль меня отогрели,
Сделав ласковей и добрей,
Птичьи свадьбы в конце апреля,
С их помолвками в декабре.

И поют высоко и сильно
В небе трепетно-голубом,
Гроздя гнезд надо всей Россией
Про возвышенную любовь.
В тонком горлышке,
Словно в тигле,
Льется капелька серебра...»

В. Радкевич считает, что стихи В. Назина «Оленуха», «Сол-кол», «Перепелица», «Опять в предчувствии любви», «Подсолнух» – это хорошие стихи, рожденные пристальными и поэтическими, пристрастными наблюдениями над жизнью.

Заканчивая свою рецензию, В. Радкевич пишет, что, «может быть, некоторым читателям покажется странным, что я говорю о стихах В. Назина в противоположность пословице «начал за упокой», а кончил «во здравие». «Но я глубоко убежден, – подчеркивает он, – что каждому поэту нужно, прежде всего, освоить лучшие свои достижения. А для этого Владимиру Назину следует до конца поверить в сегодняшнюю правоту тихоновских стихов»:

«...С марсианской жаждою творить,
Вижу я, что небо бледновато,
Но про Землю стоит говорить».

Или проникнуться смыслом и значением своего же поэтического образа в стихотворении «Колосья»:

«И чтобы увидеть мир подвижным,
Без осторожности стеблей,
Колосья клонятся все ниже –
Поближе к жизни на земле».

Поэт заканчивает рецензию пожеланием быть «поближе к жизни на земле»¹². В своем творчестве он постоянно помнил об этом и достойно отразил это в своих стихотворениях. Рецензия В. Радкевича и своим содержанием, и отмеченными им недостатками и достоинствами, показывает нам заслуженного учите-

ля уральской поэтической молодежи. Он правильно «схватывает» основной недостаток назинской поэзии: её оторванность от земных, зачастую повседневных, дел и точно отражает это в заглавии рецензии.

Рецензия показывает, что В. Радкевич верно, терпеливо, тактично и подробно рассматривает книгу стихов начинающего уральского поэта – в этом смысле он, действительно, выступает в роли учителя для начинающего поэта. Так тонко и умно указывать на недостатки молодым уральским поэтам и указывать пути, ведущие их к величию поэзии, мог и умел из уральских поэтов, пожалуй, только он. И в этом проявилась одна из естественных сторон его характера.

Примечания

1. Радкевич В.И. Вечность нас пригласила в гости... / сост. Ф.С. Востриков. Пермь: Маматов, 2007. С. 6.
2. Там же. С. 8.
3. Там же. С. 11.
4. Там же. С. 14.
5. Там же. С. 15.
6. Лесник Прикамья. 1955. 20 авг. (№ 47).
7. Там же.
8. Вечерняя Пермь. 1979. 14 апр. (№ 87) (3138).
9. Там же.
10. Радкевич В. «Поближе к жизни на земле» // Урал. 1973. № 1. С. 183.
11. Там же.
12. Там же. С. 184.

ГЛАВА III

ОСНОВНЫЕ ТЕМЫ И ПРОБЛЕМЫ ЛИРИКИ В.И. РАДКЕВИЧА

СТИХОТВОРЕНИЯ О СОЦИАЛИЗМЕ

Весь жизненный и творческий путь Радкевича протекал в период социализма, и он должен был, так или иначе, выразить свое отношение к нему. Читая его стихи, переписку, воспоминания о поэте его многочисленных знакомых и друзей, всю доступную в настоящее время информацию о нем, мы приходим к выводу о том, что В. Радкевич не выходил за рамки официальной марксистско-ленинской идеологии, принятой тогда в Советском Союзе, и диссидентом он не был. Однако мы должны иметь в виду одно обстоятельство, которое помешало ему выйти за рамки официальной социалистической идеологии – это его преждевременная смерть в 1987 году, как раз накануне коренного качественного изменения всех сфер общественной жизни и распада СССР на ряд самостоятельных государств (точнее, все бывшие союзные республики стали самостоятельными, суверенными государствами).

Конечно, В. Радкевич, являясь поэтом, а не социологом, не обществоведом вообще, не занимался специально вопросом о будущем советского общества. Однако, являясь одним из самых ярких поэтов Урала, он, так или иначе, уже в силу своего таланта касался различных сторон жизни своей любимой родины, и его произведения дают нам возможность проанализировать эти попытки и дать им объективную оценку. Конечно, при этом мы будем сочетать два метода познания: исторический и логический. В системах идеалистического материализма логическое и историческое рассматриваются лишь как нечто духовное, при этом логическое в системах гегелевского типа трактуется как генетически первичное по отношению к историческому, кото-

рое будто бы является всего лишь внешней реализацией логического.

История реального социализма начинается с Великой Октябрьской социалистической революции, то есть с 7 ноября 1917 года. В. Радкевич родился в 1927 году, следовательно, к моменту его рождения социализм в России существовал почти 10 лет. Годы его взросления падают на период сталинского всевластия. В этих условиях проявление какого-либо личного самоопределения было почти невозможным, и родители поэта – отец – коммунист и мать – депутат Ржевского городского совета – хорошо понимали это. К тому же данный общественный строй соответствовал их личным убеждениям. И это оказывало значительное влияние на подрастающего поэта. Воспитанный в духе преданности социалистическим идеалам, начинающий поэт, безусловно, верил им. И эта уверенность в их справедливости укрепилась после окончания историко-филологического факультета Пермского университета.

Это нашло конкретное выражение в целом цикле стихов, посвященных В.И. Ленину и Великой Октябрьской социалистической революции. Эти стихи, прекрасные по форме, являются традиционными по своему содержанию, то есть в них выражались мысли, которые тогда были характерными для сознания миллионов советских людей. Прекраснодушные и отсутствие объективного знания о многих фактах социалистического переворота приводили В. Радкевича к такому не критическому восприятию событий Великого Октября.

В стихотворении «4 апреля 1917 года» он явно не критически воспроизводит встречу Ленина у Финляндского вокзала. Необычность содержания стихотворения заключается в том, что все оно посвящено, кроме первых четырех строк, посещению Лениным могилы матери на Волковском кладбище.

«А ночь прошла, гроза отликовала,
Отбушевала, как в разлив река,
Та встреча у Финляндского вокзала,
Где говорил он речь с броневика.
И на рассвете сумрачной столицы
Был этот путь особенно тяжел,

На Волковское кладбище проститься
Сын к матери пришел.
Пришел с такою молчаливой болью,
Когда в словах не высказать всего, —
На позднее свидание с любовью,
Всю жизнь светившей только для него.
А снегом пахло так свежо и горько,
Что, кажется, лишь обернись назад —
И встретишь вновь на пристани Стокгольма
Последний в жизни материнский взгляд»¹.

Поэт дает идеализированный образ В.И. Ленина как сына, показав его теплое отношение к матери. Однако в действительности, как об этом свидетельствуют аутентичные источники, это было не так. Кстати, на следующее утро, после приезда в Россию, 5 апреля, как свидетельствует биография, он на могиле матери на Волковском кладбище был².

Этим стихотворением В. Радкевич пытался показать, что В.И. Ленин был не только выдающимся революционером, борцом за счастье трудового народа, но человеком несравненных человеческих качеств, посетившим в первый же день пребывания на русской земле могилу своей матери.

Тема «Ленин — Урал» является центральной в стихотворении В. Радкевича «Приходит Ленин». Здесь он упоминает все факты, свидетельствующие о связях Ленина с Уралом.

«Нет, — утверждает он, — ни мгновенья мы не потеряли
Из ленинских живых доныне дней.
Нам скажут — Ленин не был на Урале.
И трудно спорить, знатокам видней,
Они свое докажут, безусловно,
Архивными бумажками шурша...
Но с Лениным уже давно и кровно
Сроднилась ты, Прикамская земля!
Еще живет, как подвиг материнский,
Как свет и память доброго тепла,
Старинный дом на улице Сибирской,
Где в детстве мать Ульянова жила.

Прислушайтесь, ведь это очень близко
Грохочет Мотовилихи раскат,
Где разгорелась Ленинская «Искра»
Огнем непобежденных баррикад».

В стихотворении упоминается о том, что Ленину был вручен на V съезд РСДРП мандат от Верхнекамской партийной организации, а на пароходе «Красная звезда» звучал «по вольной Каме голос Крупской.

«Когда разлука нас лишила крова,
И кровью пахла каждая верста,
Ты принял сердцем ленинское слово,
Пермяк-строитель Камского моста.
В любой поселок и в село любое
Приходит Ленин, потому что он
Для жизни всенародною любовью
И совестью народной сохранен»³.

Это апологетическое восхваление Ленина нашло еще более яркое выражение в стихотворении «К Ленину». В нем отмечается, что:

«Когда деревня, правду заприметя,
Вождей искала вместо вожаков,
У Ленина в кремлевском кабинете
Сошлись пути российских мужиков.
За сотни верст и впроголодь, и в темень,
Они брели на путеводный свет.
И пулями освистанное время
Едва за ними поспевало вслед.
И слезно бабы голосили сзади,
А там, у приуральского села,
Укрытая до времени в засаде
Свистела вьюга, словно шомпола.
Лишь небосвод теперь давил на плечи,
Пусты котомки – голос иссушил,
...Ильич вставал и быстро шел навстречу –

Как будто к ним на выручку спешил.
Они за правдой шли и дни, и ночи.
И у дверей, встречая ходоков,
Хотел Ильич, чтоб стал их путь короче –
Хотя б на эти несколько шагов»⁴.

В стихотворении «К Ленину» вождь изображен В. Радкевичем как концентрация всех человеческих совершенств: он самый умный, он самый дальновидный и заботливый, и в то же время самый справедливый человек. Он исправляет все недостатки по мере их возникновения и их известности. Такая апологетика вождя характерна для периода социализма, и оригинального ничего тут у Радкевича нет.

Он уверен, что после смерти Ленина его дело живет, что страна строится, развивается, борется и живет, как завещал нам великий Ленин. Октябрьская революция сделала народы России счастливыми, и поэтому они должны быть за это ему благодарными. Такая мысль содержится в стихотворении В. Радкевича «Память».

«Герои Революции, доньше
К вам мой Урал любовь свою хранит –
Есть на Урале гордые святыни,
Оправленные в бронзу и гранит».

Что же с ними происходит, – задает вопрос поэт. Отвечает он на него в стихотворении «Эхо».

«На Урале – могучее эхо,
Даже годы ему не помеха.
Чутким сердцем вы слышать должны,
Как по трудным дорогам,
По уральским отрогам
Ходит эхо гражданской войны.
Затянуло землею окопы,
Заросли партизанские тропы.
Но навеки запомнил Урал,
Как под знаменем алым

Здесь, в степях, под Уралом
Легендарный начдив воевал».

Стихотворение завершается мыслью о том, что «Герой оживает, Если помнят живые о нем»⁵.

Годы взросления В.И. Радкевича – 1930–40-е – падают на период, который хотя и являлся периодом социалистического строительства, однако на поверхности идеологического горизонта находилась одна всевластная фигура Сталина. Восхвалением ее совершенств были заняты печать и радио все время, поэтому тотальное оболванивание народов приняло в этот период огромные масштабы. Ленин в этот период был вторым, несколько затененным вождем социализма.

Воспитанный в духе преданности социалистическим идеалам юный поэт, безусловно, верил им. Ленинское дело, воплотившееся в Октябре 1917 года, согласно Радкевичу, представляет «исток всемирной нашей правоты», который не ушел в преданья и легенды, вновь Ленин поднимает континенты, «с народами о счастье говоря!»⁶.

«Но, устремленный к этой главной цели,
Рожденный бурей в самый нужный час,
Он жив – Октябрь –
В любом хорошем деле,
В труде и в жизни каждого из нас».

Поэт поясняет, что это значит, в чем это находит свое конкретное проявление:

«Обычен мир.
Вот сосны полукругом,
Луга да речка, поле за леском,
Вот борозда, проложенная плугом.
Вот наклонился токарь над станком.
Но лишь взглядишь, и сразу заструится
Над этим миром красная заря,
И ты увидишь на знакомых лицах
Неистребимый отблеск Октября»⁷.

Великим испытанием на прочность для социализма явилась Великая Отечественная война. Ей Радкевич посвятил несколько стихотворений, в которых показал, почему в этой кровопролитной войне советский народ победил. В стихотворении «Молодые солдаты» он замечает, что даже погибшие молодые солдаты так крепко сроднились с родною землей, «что сами стали частицей нашей русской земли». Он пишет:

64

Из костей прорастает
 молодая трава.
И в ржаной позолоте,
 и в пылице полевой —
Вы встаёте, встаёте
 для жизни живой.
Вот как крепко сродниться
 вы с землею смогли! —
Сами стали частицей
 нашей русской земли...»⁹

В этом патриотизме, считает В. Радкевич, заключалась одна из причин победы СССР в Великой Отечественной войне. Весь народ принял участие в войне, тыл, начиная с детей-подростков, работал, чтобы приблизить победу. Об этом рассказывается в стихотворении «Баллада о банке варенья».

«Зачем ты, война, у мальчишек их детство украла –
И синее небо, и запах простого цветка?
Пришли на заводы работать мальчишки Урала,
Подставили ящики, чтобы достать до станка.

И вот неподкупной зимою военного года,
Когда занимался над Камой холодный рассвет,
Собрал самых лучших рабочих директор завода,
А было рабочим всего по четырнадцать лет.

В усталые лица глядело суровое время,
Но каждый в себе довоенное детство нашёл,
Как только рабочую премию – банку варенья –
Пред ними, мальчишками, кто-то поставил на стол.

И вот над заводом, над лесом, в снегу задремавшим,
Среди подступившей внезапно к сердцам тишины,
Появляло чем-то давно позабытым, домашним,
Как будто бы не было больше на свете войны.

...Ах, банка варенья, простое и верное средство
Напомнить о том, что, как жизнь у людей ни горька,

Но будет ещё у мальчишек и солнце, и детство,
И синее небо, и запах простого цветка!»¹⁰

Конечно, – это правдивый эпизод, и в разных местах нашей великой родины он имел место в разных формах и являлся показателем морально-политического единства народов нашей страны и одним из факторов нашей победы.

В. Радкевич в яркой художественной форме показал значение этого события для жизни народов Советского Союза.

«Не только мир Победа возвестила –
Она в одно мгновение, наяву,
Родным глазам сиянье возвратила,
Цветам – дыхание, небу – синеву.
Весна роняла белый цвет черемух,
И стало видно в свете той весны,
Что нет людей чужих и незнакомых,
Что все друг другу родственно нужны.
А люди пели, плакали, кричали,
И что-то говорили вразнобой,
И ту Победу на руках качали
В солдатской гимнастике над собой».

В конце стихотворения В. Радкевич утверждает:

«И для Земли, для голубой планеты,
На части раздираемой пока,
Придет однажды мирный День Победы –
Единственный, всеобщий, на века!»¹¹

Пока такой день победы еще не наступил, и мы не знаем, когда и в какой форме это произойдет.

А сколько неизбывной материнской нежности и любви, сколько ежедневных, не оканчивающихся даже ночами, печалей матери о погибшем на войне сыне представлено в стихотворении «Мать и сын».

В конце этого стихотворения В. Радкевич утверждает:

«Он жив,
Покуда живет земля,
Родная, любимая, кровная –
Кровью лучших сынов освященная,
Сердцем всех матерей защищенная»¹².

О пермской жизни ленинградских интеллигентов в годы военного лихолетья повествует стихотворение В.Радкевича «Семизтажка».

«Над этим возвышенным домом
Заря милосердия плыла,
И дом приближался, как донор
Радушья, добра и тепла.
У темных крылечек парадных,
С бедою один на один,
Встречал он когда-то блокадных,
Почти неземных балерин.
Война разбросала по свету
Отцов, сыновей и мужей.
Но женскою верой в победу
Сияли все семь этажей!
Страна – как открытая рана,
Но жизнь победит все равно.
И музыка Хачатуряна
Стучалась в любое окно.
Прислушайся только – и заново
На этой земле оживет
Писательский подвиг Тынянова,
Дудинской блистательный взлет.
И новая молодость честная,
О ранних утратах скорбя,
Припомнит,
 как Таня Вечеслова
Искала Урал и себя...
Все в прошлом – война и блокада.
Так что ж – наяву или во сне –
Мне веточки Летнего сада
В уральской видны вышине?»¹³

В отличие от природы социализма, Великой Октябрьской социалистической революции и строительства нового общества, которое изображается В. Радкевичем в превосходной степени без каких-либо недостатков, изображение им Великой Отечественной войны дается с большим знанием дела, с большей объективностью. Здесь и глубокие сожаления автора о молодых погубленных жизнях, погибших сыновьях матерей, и их глубокая убежденность в том, что они живы и вернутся домой. Поэт широко и ярко рисует всю гамму человеческих чувств, которые связаны с войной и её ужасами, высказывая надежду на то, что все это не должно повториться вновь.

Примечания

1. Радкевич В. Приближение к Уралу. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1987. С. 51.
2. Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 4. М.: Политиздат, 1973. С. 59.
3. Радкевич В. Приближение к Уралу... С. 69.
4. Радкевич В. Равновесие. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1984. С. 9.
5. Радкевич В. Уральская лирика. М.: Молодая гвардия, 1982. С. 31–32.
6. Там же. С. 25.
7. Там же. С. 26.
8. Радкевич В. Вечность нас пригласила в гости. Пермь: Маматов, 2007. С. 44.
9. Там же.
10. Там же. С. 42–43.
11. Там же. С. 46–47.
12. Там же. С. 41.
13. Там же. С. 29–30.

СТИХОТВОРЕНИЯ О СЧАСТЬЕ

Под счастьем поэт понимал состояние полной удовлетворенности жизнью. Оно имеет личный и общественный характер. Эти понятия взаимосвязаны. Человек живет в обществе и должен исполнять существующие в нем законы. Иначе бытие общества и отдельного человека невозможно.

Специально этому вопросу посвящено стихотворение В. Радкевича «Разговор о счастье». Поэт начинает рассмотрение этого вопроса с основополагающего понятия «труда», которое является основным для решения данного вопроса. Труд — это целесообразная деятельность человека, в процессе которой он видоизменяет и приспособливает предметы природы для удовлетворения своих собственных потребностей. Без труда была бы невозможна сама человеческая жизнь.

Разнообразные трудовые операции совершаются при различных условиях, под которыми мы понимаем обстоятельства, предпосылки, нормы, законы, правила, их принятие и установление для той или иной области жизни и человеческой деятельности.

В стихотворении «Разговор о счастье» В. Радкевич описывает условия счастья, т.е. обстоятельства, при которых происходит полное удовлетворение человека жизнью. Он пишет:

«Может быть, для счастья мне и надо
По лесу с ружьем ходить и вдруг
Услыхать за шумом листопада
Крик совы и дятла перестук».

Во время этой прогулки:

«Осень встретит запахом смолистым,
Робким звоном ручейка во рву,
С огненной окалиною листья
Упадут на прелую траву.
Вьется тропка то с горы, то в гору,
За кусты, чернеющую гать.
А кругом такая тишь, что впору
И о самом главном помечтать».

Что такое счастье? – ставит пред собой вопрос поэт. И отвечает:

«Да, о счастье!
Ведь, пожалуй, с детства
Я к нему, как к должному, привык.
Мной оно получено в наследство,
Как свобода,
Родина,
язык».

«Право жить на этой вот земле» – это самое священное и дорогое право, которое предполагает, чтобы «на полях пшеница зрела», чтобы «город рос в лесу глухом», чтобы ты своим считал и «кровным делом», каждый колос, каждый новый дом.

«Даже там, где я ни разу не был,
Все – родное мне,
И я хочу,
Чтоб была под нашим мирным небом
Мне любая радость по плечу.
Я хочу дождя полям зеленым,
Быстроглазых внуков – старикам,
Доброго согласия – влюбленным,
Хлеба – пашням,
лова – рыбакам.
Всем, кто счастлив,
я товарищ тоже,
Потому что все-таки не зря
Мною день на белом свете прожит,
День,
а не листок календаря!
...Под ногой хрустит сухая ветка,
С озера ползет белесый дым.
Я, пожалуй, помнил слишком редко,
Что бывает день еще таким:
С ветром, пробежавшим по березам,
С ночевой у лесника в избе,

С молодым предутренным морозом,
С думою о счастье и тебе...»¹

Произведения В. Радкевича на протяжении всего его сорокалетнего творческого пути не расходились с курсом, предначертанным Коммунистической партией. И в активном участии в борьбе за его практическую реализацию он видел смысл и счастье своей жизни и жизни советского народа.

В стихотворении В. Радкевича «Березка» дерево, одиноко стоявшее на камском берегу, образно символизирует жизненную судьбу социализма на Урале. Березка выстояла, вопреки всем уральским ветрам и морозам. И герой стихотворения не бросил, не сошел со своего пути принятия активного строительства социализма на Урале, активного участия в строительстве новостроек социализма, к которым принадлежала Камская ГЭС. Он не согласился на просьбу своей любимой устроить себе спокойную счастливую жизнь. Этому он предпочел активное участие в строительстве нового общества.

«Мне все здесь близко и знакомо,
Гудков далеких голоса,
Там недостроенного дома
Еще растущие леса,
За Камой – берега полоска,
Сады в цветенье, как в снегу,
И та давнишняя березка
На этом ближнем берегу.
Я вместе с нею снова дожил
До солнечных весенних дней,
Она теперь еще моложе,
Кудрявее и зеленей»

Завершая стихотворение, Радкевич пишет:

«С весенней Камы ветер хлесткий
В её листве звенит опять...
Меня – не знаю, но березку
Тебе бы надо повидать».

Даже в хорошие весенние дни бывают довольно сильные ветра, которые беспощадно треплют одинокую березку, стоящую на камском берегу. Возлюбленной героя стихотворения не нужно быть одинокой и подвергаться всем природным и социальным неврозам, а нужно в коллективе и с коллективом принимать участие в строительстве нового общества, так ей будет легче жить.

Возможность строительства счастливой жизни явилась результатом длительной революционной борьбы. Об этом В. Радкевич пишет в стихотворении «В гостях у старого рабочего». Здесь поэт на первый план выдвигает не материальные блага – старый рабочий живет в маленькой подслеповатой избушке, а идейность – саму возможность бороться за будущую счастливую жизнь. В этом смысле его избушка, при всей её непритязательности, ему дорога тем, что в ней бывал Свердлов Я.М.

«Но до сих пор я помню хорошо,
Как майским утром в первый раз на «Вышку»
Отсюда с Борчаниновым ушел...
А со стены с портрета перед нами
Смотрел на нас, как будто век знаком,
Рабочий парень с ясными глазами
В заломленной фуражке с козырьком.
Он молод был и, в Ленина вникая,
Парнишка тот не испытал пока
Ни злых казацких сабель, ни нагаек,
Ни душных, смертных камер Колчака.
Но нам известно по великим датам,
Что совершили на своем веку
Те, кто бросал работу в славном пятом,
А в сорок первом – вновь вставал к станку!
Да, дом хорош! Завод почти что рядом.
Квартиры. Из этих вот слободок.
Домов, прижатых к заводской стене.
Октябрьские полотнища свободы
В великий час взметнулись по стране!»

Именно эта свобода, по мнению В. Радкевича, принесла народам России счастье.

Счастье советских людей В. Радкевич видел в труде на благо социалистической родины. В стихах «Рассказ делегата» он повествует о том, как делегатом в столицу от бригады нефтяников едет бригадир. В Москве, сойдя с поезда, идя по перрону:

«Вдруг по радио слышу –
О нас, о Прикамье родном:
– Конференция мира... ...достойно
Отмечают нефтяники...
Может, мне показалось,
Но замерло все на мгновенье,
Я не слышал ни стука колес,
Ни гудков на путях –
Ничего!
...Дали слово они
Раньше срока закончить буренье,
На пять суток досрочно
Они завершили его.
На пять суток? Я знаю,
Чего это стоить могло вам,
То грунтовые воды,
Порода, как камень, тверда ...
Пусть же слышит Отчизна
Прикамских нефтяников слово,
Обращенное к миру –
За жизнь
И за радость труда».

В взволнованной тональности стихотворения явно ощущается большая радость представителя бригады уральских нефтяников, радость быть её представителем на мирной конференции, его гордость за бригаду, которая на пять суток раньше чем по плану, завершила бурение скважины. Представитель бригады на мирной конференции ощущает радость за свой труд, ко-

торый служит делу мира и счастливой жизни всего человечества².

Конечно, укрепление экономики нашей страны создавало лучшие условия борьбы за мир, оказывало отрезвляющее влияние на агрессивное поведение англо-американских империалистов и в этом смысле в какой-то мере сохраняет свое значение в современный сложный период развития международных отношений.

Мирные условия развития человечества создают счастливое детство для молодого, только что родившегося поколения детей не только в нашей, но и в других странах мира:

«У тебя есть друзья!
В Сталинграде,
В Марселе
И в Корее, у тридцать восьмой параллели
В боях за светлое завтра
выходят они...
Ты рожден под счастливой звездой,
Под рубиновым светом
Созвездий Кремля.
Спи спокойно, малыш!
Пусть теплом и любовью
Озаряется
Матери ласковый взгляд.
Мир врагам не взорвать —
Над твоим изголовьем,
Первый сон охраняя,
Народы стоят!»

В этих стихах В. Радкевич подчеркивает между строк положение о том, что мир есть первое условие для развития культуры, первое условие для счастливой жизни народов. Первое, но не единственное. Существенное значение имеет и продовольственная проблема. Голодный человек не может быть счастливым.

В стихотворении «Земля» В. Радкевич описывает жизнь типичной крестьянской семьи:

«Была вначале родина мала;
На косогоре ветхая изба.
Извечная бедняцкая судьба.
Потом колхоз. И на десятки верст,
Перешагнув вчерашние межи
Пшеница поднималась в полный рост».

Жить крестьянам-беднякам в колхозах стало лучше.

«А хороша родная сторона,
Посеребренная грибным дождем,
Идешь домой с работы, а она
То темным долом встретит, то леском,
То песнею зазывною подруг».

В тишине сомкнувшейся вокруг ночи «ни о чем не надо говорить». В этих условиях молоденький парнишка-тракторист не знает, как ему быть. Он мучается и не может подойти к любимой девушке.

В. Радкевич пишет о нем:

«Что маешься, а к ней не подойдешь,
Смотри же, счастье так не проворонь,
Потом готов и в воду, и в огонь,
Да не найдешь
Позавчерашний дождь.
И снова за околицей села
Звенит, звенит частушка весела:
«Я девчонка боевая,
Я в колхозе звеньевая...»³

В колхозе идет молва про золотые руки звеньевой, которая может сделать все, за что ни возьмется.

«В колхозе говорят наперебой
Про золотые руки звеньевой,
А эти руки – вот они – в пыли,
Как будто в крапинках родной земли,

А золотыми кажутся они,
Так это потому лишь, что закат.
Снопы пшеницы золотом горят,
Снопы встают послушно в новый ряд,
А рук не видно – так они ловки!
Её дороги стали далеки».

Героический труд уральской звеньевой привел её на кремлевский съезд, куда съехались делегаты «из разных мест», из разных союзных республик.

«Колхозник из алтайского села,
Узбечка,
чья улыбка горяча,
Как белый хлопок в солнечных лучах,
Уралец,
Украинец,
Белорусс –
Одни дела,
Единая семья.
Вот ты какая, Родина моя!»

Земля на Урале тяжела для обработки, нужно много трудиться, для того чтобы получить хороший урожай. Однако уральская звеньевая не боится трудностей, она смело борется за то, чтобы уральская земля расщедрилась и дала хороший урожай.

«Теперь на запад пристальной взгляни,
Ты видишь сел украинских огни?
Твоим же счастьем светятся они.
И этим счастьем молод новый день
Старинных белорусских деревень,
Тебя встречает, степи оживив,
Поволжских нив
Невиданный разлив.
В какие дали путь тебе открыт!
То родина тебя благодарит»⁴.

Помимо специализированных колхозов, животноводческих, полеводческих, семеноводческих, коллективных хозяйств в Средней Азии, специализирующихся на производстве хлопка, в СССР и на Урале существовали и многопрофильные колхозы, которые занимались одновременно производством зерна, молока, масла и других молочных продуктов. Все это не могло пройти мимо острого взгляда поэта.

В стихотворении «На ферме» он описывает школьницу, девочку, которая:

«По мартовской наледи тонкой,
Без варежек, в пестром платке,
Сюда прибежала девчонкой
Со школьною сумкой в руке».

Она пришла из школы посмотреть на труд доярок. За старшей дояркою следом «ходила почти дотемна», хотела узнать все тонкости производства молока. Школьнице понравилась организация труда на колхозной ферме, и она стала приходить сюда после школьных занятий каждый день. Шли годы, бывшая школьница окончила вуз и вернулась зоотехником в колхоз.

«Все также стоят за оградой
Березы, сквозь на ветру.
Глядят испытующим взглядом
Доярки, столпившись вокруг.
Ну что же, пускай и заметят
Сегодня волнение её,
Она перед ними в ответе
За давнее детство свое».

Счастьем бывшей «девчонки-школьницы» стал теперь квалифицированный труд на колхозной ферме в качестве зоотехника.

Идеализация квалифицированного труда в колхозе нашла отражение в стихотворении В. Радкевича с символическим названием «В дороге». Заглавие стихотворения надо понимать

так, что дела в колхозе и в сельском хозяйстве страны в целом находятся в движении («в дороге») к лучшему будущему. А молодой агроном приехал в колхоз по своему желанию, подав заявление в райком партии с просьбой, чтобы его направили «в отсталый самый что ни на есть колхоз».

«А жена учителем в школе,
В общем, прочно осели здесь...
– И довольны ли?
– Да, доволен.
И хорошие люди есть!..
Мой хозяин, трудясь над чаем
Так, что лоб от усердия взмок,
Неожиданно замечает:
– Вот о чем мне скажи, сынок,
Ты ученым больше работал,
Так, ответишь ли, не тая, –
Здесь своею живешь охотой,
Аль партийность велит твоя?
И блеснувши улыбкой белой,
Агроном ему говорит:
– Если партия так велела,
Значит, сердце нам так велит...»⁵

Как показало будущее, олицетворение партийных заданий с внутренним желанием людей, направляемых на село, далеко не всегда имело место. С течением времени большинство посланных на село специалистов вновь возвратилось в города. Путь, избранный партийным руководством для подъема сельского хозяйства, оказался неэффективным. Он не учитывал в должной мере интересы тружеников сельского хозяйства, и его пришлось в конце XX века менять и строить отношения в сельском хозяйстве на основе рыночных. Но до этих событий тогда было еще далеко. И поэт не мог всего этого предвидеть.

Счастье в жизни, по мнению В. Радкевича, заключается в призвании человека, а последнее заключается в том, чтобы преодолеть все препятствия, стоящие на пути и мешающие его практической реализации.

В стихотворении «Призвание» он описывает, как в больнице, в палате номер восемь, «где умирал от травмы один тяжелобольной, упала в обморок девушка-практикантка.

«Её практикантки под руки
Вывели в коридор,
А после был между ними,
Примерно, такой разговор:
– Хирург из нее не выйдет,
Какой же хирург она,
Когда при виде больного
Бывает сама больна?...»

Студентке было восемнадцать лет. Она училась на втором курсе медицинского института.

«А если ей стало плохо,
Это пока не в счет.
Просто любовь к человеку
В сердце её живет».

После окончания института девушку направили на работу хирургом в маленький шахтерский городок, в котором началась ее практическая работа.

«К работе своей привыкла,
В ней без остатка вся...
Где-то хлопают дверью,
Приемный день начался.
Голос сестры взволнован:
– На шахте у нас обвал.
У трех шахтеров – ушибы,
Один тяжело пострадал...»⁶

Главный хирург в отъезде, поэтому молодому хирургу пришлось самой помогать тяжелобольному шахтеру. Операция была проведена удачно.

«Уже спокойной походкой
Выходишь ты в коридор,
Тебя встречает в приемной
Немолодой шахтер».

Он принес ей букет цветов, но она предлагает ему отнести его в палату к оперированному больному. Однако шахтер отказывается, говоря ей:

«За друга спасибо, дочка!
Держи-ка, родная, вот...
За то, что любовь к человеку
В сердце твоём живет»⁷.

Конечно, душу молодого хирурга переполняли огромное счастье и гордость, в связи с тем, что была проведена удачная операция, спасающая жизнь человеку. Об этом девушка мечтала в течение всей ее, пока еще не продолжительной жизни.

Одним из наиболее ярких, мажорных впечатлений молодости является любовь. Без нее не может быть счастливой жизни. Она освещает самыми яркими цветами молодую человеческую жизнь, переполняет сердца молодых людей радостью, которая вдохновляет их на самые благородные поступки.

В. Радкевич тесно связывает эти два понятия: «любовь» и «счастье». Без первого понятия, как правило, не бывает второго, и, в свою очередь, второе предполагает первое. Поэт создал большое количество стихотворений о встречах, разлуках, об ожиданиях, о поисках любимых и о тех трудностях, которые связаны с этим. В них он показывает весь спектр глубоких переживаний, связанных с этим величайшим человеческим чувством.

В стихотворении «Ожидание» поэт пишет о том, что:

«Теперь мне кажется чудом
Что ты, отложив дела,
Назло любым пересудам
Часами меня ждала.

Скорей уйти за ограду
Спешила на тихий стук,
Забыв про косые взгляды
Любимых твоих подруг».

О счастливом пребывании вдвоем поэт писал:

«Над нами в июньской дали,
Сердась, ворчала гроза.
Мы только туда шагали,
Куда глядели глаза.
И нам невдомек, что вечно
Они выдавали нас
Всем встречным и поперечным
В саду, на пляже заречном,
У театральных касс.
И вот обо всем, что было,
Всему, что было, назло
Ты говоришь: – Забыла!
Ты говоришь: – Прошло!
А я забывать не буду,
Забыть и тебе не дам.
Пусть все это было чудо,
Но я его видел сам»⁸.

И он это виденное хочет сохранить в памяти обоих, как напоминание о счастливом совместном проведенном времени. Наступила осень, возлюбленная уехала, возможно, на учебу. Влюбленный юноша скучает по ней.

«Осень мокрыми ветками
К окнам притворенным клонится.
Застучит по стеклу.
А посмотришь – не видно ни зги,
Снова дождь на дворе.
Он привычен мне стал, как бессонница,
Как тоска по тебе,
Хоть беги от нее не беги.

В сутках двадцать четыре часа,
Никакого сомнения —
Все они сговорились
И медленно сводят с ума».
Есть же счастье на свете
В почтовом любом отделении
Многим людям дают его
В виде письма.
Только ты все не пишешь,
И можно дойти до отчаяния.
Мне все чаще мерещится
Всякая дикая чушь.
Что угодно, что хочешь,
Но лишь не тупое молчание —
Осторожность трусливых,
Весны не изведавших душ!
Ты была не такая
Упрямая, злая, капризная
Может быть, легкомысленна,
Может быть, просто легка.
Но ты светом весенним,
Ты солнцем горячим пронизана,
От волос и до тапочек
Мне бесконечно близка.
Только ты не подумай,
Что буду я счастье вымаливать,
Просто к горлу подходит
Какая-то горькая злость.
Значит, сам виноват,
Значит, жгучее марево
Мне увидеть в пути удалось...
Начинает светать.
В сизой дымке деревья и здания.
Я навстречу рассвету
Свое раскрываю окно,
Скоро солнце взойдет,
Дорогая моя, до свидания, —

Я уверен, что все-таки,
Все-таки будет оно!»

Конкретизацией этого является то, что описано в стихотворении «Я ждал тебя».

«Ты далеко, но все ж порою
Я жду, дыханье затая,
Что вот сейчас ты дверь откроешь
И тихо скажешь: — Это я.
И, сбросив плащ, в пути помятый,
Совсем, как в давние года,
Наверно, спросишь: — Ждал меня ты?
Я улыбнусь: — Конечно, да!
В окно заглянет синий вечер,
Роняя капельки зари,
И я шагну тебе навстречу,
Скажу: — Ты только посмотри!»⁹

А посмотреть тут есть на что:

«Здесь был пустырь глухой и голый,
С травой, выжженной дотла,
А мы тут выстроили школу,
Чтоб ты работать в ней могла.
Как хорошо отсюда слышен
Листвы бушующий прибой.
А выйдешь в сад, и ветки вишен
Сомкнутся рядом над тобой».

Конечно, влюбленный в стихотворении, названный от первого лица, был счастлив, когда среди талого снега искал подснежники для своей любимой, и что он считал только началом их совместной жизни.

Разлука любящих наполняет их сердца тревожным и вместе с тем радостным чувством возможной в недалеком будущем встречи. Эти чувства В. Радкевич превосходно выразил в талантливом стихотворении «О разлуке».

«Я стал годами старше, сердцем строже,
Но также дума о тебе ясна.
Мне, как и прежде, вёсен всех дороже
Короткая уральская весна –
Огни судов, бегущие по Каме,
Весенний гул встревоженной воды
И на тропинке, врезанные в память,
Твои едва приметные следы.
Наверно, было нам необходимо
Навек запомнить эти вечера,
Пологий берег и полоску дыма
От позднего рыбацкого костра...
Но и теперь нам та весна укажет
К счастливой встрече верные пути.
Я в это верю. А иначе как же
Разлуку смог бы я перенести?»

Любовь, прекрасная сама по себе, окрашивает светлыми мажорными красками даже такое минорное чувство, как разлука, превращая его в тревожное и вместе с тем радостное чувство ожидания встречи. Разлука влюбленных молодых людей всегда связана с ожиданием, которое означает рассчитывание на появление кого-либо, надежду на что-либо, на прибытие, появление возлюбленной. В стихах «Все равно я тебя найду» В. Радкевич пишет о том, что:

«Иль на радость, иль на беду
Все равно я тебя найду!
Отразится в реке закат,
Солнце выглянет из-за туч –
Я поймаю твой робкий взгляд,
Как реки – золотистый луч.
Ты без тропок пройдешь босой
По росистым еще лугам.
Чистой, словно слеза, росой
Прикоснусь я к твоим ногам.
Убежишь ли ты в сад густой,
Ожидая неожиданных встреч,

Молодой, как весна, листвою
До твоих я дотронусь плеч».

Лирический герой выражает твердую уверенность, что встреча с его возлюбленной вскоре состоится.

«Ветром, звездами иль дождем
Все равно я с тобой вдвоем,
Никуда тебе не уйти,
Всюду ты на моем пути.
Ведь на радость, не на беду
Я ищу тебя
и найду!»¹⁰

Мучительному чувству ожидания от несостоявшейся встречи посвящено стихотворение В. Радкевича «На вокзале».

«Плавню тронулся с места скорый,
И на стыках стучит состав,
Добрым басом у семафора
В утешенье пророкотав.
На платформе тележку грузят,
Где-то песню поют вразброд,
Снова женщина в синей блузе
Мокрой тряпкою стекла трет.
Словно все еще из окошка
Мне косынкою машешь ты,
Та же девушка в босоножках
Продает по рублю цветы.
А по строгому распорядку,
Зная каждой минуте счет,
Объявляют уже посадку
На состав, похожий на тот».

У влюбленных недавно произошел конфликт. Следующие строки говорят об этом:

«И мне кажется поневоле
Блеск чужих напряженных глаз
Отраженьем все той же боли,
Что недавно была у нас...»¹¹

Встреча, по-видимому, не состоялась. Влюбленный напрасно ждал свою любимую. Её на проезжающих поездах не оказалось. Это наполняет любящего молодого человека горьким чувством, которое изложено в стихотворении «Тебя здесь нет».

«Я помню о тебе всегда
И встречи жду я... Но когда
Проходят мимо поезда,
Мне провожать их горько.
Тебя здесь нет, но все равно
Я загляну в твоё окно.
Хоть увидеть, что в нём темно,
Мне снова будет горько».

Встреча, по-видимому, назначена. И молодой человек с напряжением ждет её:

«Скорей мне руки протяни,
Зажги в окне своем огни!
До встречи – считанные дни,
Но мне считать их горько».

Предметом радости его, – считает он, – будет свадьба¹².

«О радости мы скажем вслух,
Мы созовём друзей, подруг,
Пускай бокалы сдвинут в круг
И пусть нам крикнут: – Горько!»

Свадьба – это тот день бракосочетания, который своей яркостью и торжественностью запоминается молодоженам на всю жизнь. В стихотворении «Д. Кой» поэт пишет о том, что лю-

бовное чувство является необходимым элементом человеческого счастья. И если мы будем его торпедировать, то разрушим свою жизнь полностью.

«Повстречались и мимо прошли.
Если станут когда-нибудь наши свидания
Самой тонкою мерой наказания.
Если счастье свое оскорбим и задушим
Недоверьем, изменами и равнодушием –
Пусть в отместку, тогда, обойдя полземлю,
Мы б искали любовь и её не нашли!»¹³

Это очень суровое наказание, причем оно, по крайней мере, частично, возникает от невнимания к другому.

«Объясни мне, как все это было возможно,
Я встречал тебя – сердце не билось.
Глаз твоих не искал (как теплы или строги?).
Мимо шла – ну и что же, счастливой
дороги!
О тебе говорили – не слушал я толком;
Ты сломалась – я думал: «Смеешься и только...»
И казалось тогда, что совсем одинаков
Вид студенческих рядом стоящих бараков.
Объясни, если можешь, в какое мгновение
Это чувство пришло, как к слепому,
прозренью;
Не такими, как прежде, а вовсе иными
Сразу стали глаза твои, волосы, имя.
Почему среди встреч и хороших, и разных,
Только встреча с тобою бывает как
праздник.
И мне кажется в жизни огромным событием
Даже дым из трубы над твоим общежитием,
Даже травка у тропки, где рядом прошли мы...»

Такой редкой, по мнению поэта, бывает настоящая любовь. Совсем другое дело – легковесная любовь, вернее, влюбленность. В. Радкевич описывает ее таким образом:

«И вдруг поймешь, что боль уже утихла.
Увидишь под окном снежочек рыхлый,
Поля в сугробах, перелесок синий
И на ветвях берез мохнатый иней.
Легко дышать и любо жить на свете,
Скользнуть на лыжах к дремлющей реке.
Снежинки тихо тают на щеке.
Как хорошо сегодня – снег да ветер!
И мне не жаль, что где-то там, далече,
Твоя рука лежит в чужой руке...
Ты, как лесок, что мне попал навстречу
И вот уж чуть темнеет вдалеке».

Такая любовь, конечно, не составляет счастья в жизни. Она, действительно, напоминает лесок, мимо которого пробегают лыжник. Однако в жизни всякое бывает. Бывает и так, что настоящая любовь рвется и не выдерживает сложных испытаний любви. Именно такой случай описывается В. Радкевичем в стихотворении «Встреча». В начале стихотворения идет речь о давней юношеской любви. Одно воспоминание об этом вызывает целую гамму разнообразных чувств:

«Здесь я не был, наверное, тысячу лет.
Я хочу отыскать нашей юности след.
Вот зеленая улица вдаль пролегла,
Зашумела листвой и меня позвала.
Сердце бьется в груди горячо-горячо,
Эти клены мне были едва по плечо!
Помню, мы их сажали далекой весной,
Той весной, что всегда остается со мной.
Той весной, что меня неотступно зовет
Ранним утром над Камою встретить восход.
...А зеленая улица вдаль пролегла
И к знакомому дому меня привела».

Его давняя знакомая хорошо встретила его, познакомила со своим мужем, и они проговорили «про жизнь, про дела» до утра. А после решили встретить восход солнца:

«...На весеннюю Каму пойдем.

И теперь уж втроем повстречаем восход.

Но он будет прекрасен. Не хуже, чем тот»¹⁴.

Сохранение товарищеских отношений на всю жизнь составляет счастливую сторону жизни, позволяет вспомнить о ней. И эти воспоминания своим теплом на некоторое время отогревают души давно разошедшихся людей. Стихотворение написано от первого лица и достаточно неопределенно. Поэтому неясно, в каких отношениях его автор находился со своей подругой, и почему они разошлись, сохранив при этом самые теплые дружеские отношения, которые при редких встречах согревают их души, подпитывая теплыми эмоциями их счастливую семейную жизнь как бы со стороны, что является полезным дополнительным компонентом семейного счастья.

Примечания

1. Радкевич В. Разговор о счастье. Молотов: Молотовское кн. изд-во, 1955. С. 100.

2. Там же. С. 28–29.

3. Там же. С. 36.

4. Там же. С. 38.

5. Там же. С. 45.

6. Там же. С. 59.

7. Там же. С. 60.

8. Там же. С. 87.

9. Там же. С. 81.

10. Там же. С. 76–77.

11. Там же. С. 79.

12. Там же. С. 80.

13. Там же. С. 92.

14. Там же. С. 94–95.

СТИХОТВОРЕНИЯ О ЛЮБВИ К ОТЕЧЕСТВУ, ПРИРОДЕ, ЧЕЛОВЕКУ И ТРУДУ

Поэзия, как эмоциональное отражение природы, предоставляет одну из существенных сторон мироощущения и мирооценки человека вообще. Наиболее употребительное толкование понятия природы – как совокупности естественных условий существования человеческого общества. В этом смысле понятие природы характеризует не столько природу, как таковую, сколько место и роль природы в системе исторически меняющихся отношений к ней человека и общества.

В этом смысле В. Радкевич был представителем социалистического общества, то есть он относился к ней так же, как люди, образующие это общество. Что привлекало его в природе? Какими языковыми средствами он ее изображал, понимал ли он всю сложность экологических проблем или только считал, что человек и общество могут и должны брать все необходимое им для жизни, не заботясь о том, чтобы создать природе необходимые условия для ее самовозобновления? Обо всем этом и о многом другом мы узнаем из стихов В. Радкевича.

Образцом патриотических чувств Радкевича является стихотворение «Россия». В нем он раскрывает значение для него Родины:

«Как ты была добра ко мне, Россия,
Когда для сына долгие века
Струила реки, и леса растила,
И над землей кружила облака.
И чудо, и с хитринкою причудца
В твоей судьбе ясны мне потому,
Что было мне родиться, как проснуться
В твоём, навек единственном доме.
И все ночные страхи, огорченья
Сгорают не приметно и дотла
При свете зорь твоих – от излученья
Радушия, спокойствия, тепла».

Эти прекрасные человеческие качества, которыми человека наградила природа, он сравнивает с качанием в люльке из ветвей, с тихим прикосновением травинки к щеке ребенка, с пальцами «Матери моей»¹. Получается, что поэт сравнивает самые тонкие явления природы с ощущениями, идущими к ребенку от прикосновения пальцев его родной матери, то есть самого для него дорогого человека.

«Листвой ты что-то шепчешь сердобольно,
Землицу к свежей ране приложив.
Сестреночки – березки да осинки
Качают солнце в люльке из ветвей».

Больше всего его внимание привлекала величественная природа Урала, она пленяла его своими красками, богатством своего многообразия. Огромные скалы, сохраняющие свою величественность, несмотря на следы разрушения и старости, привлекали его внимание своей неповторимостью и многоярусностью, поскольку под верхним ярусом, состоявшим из хвойных деревьев, елей и сосен, ниже располагался следующий ярус растительности, состоявший из различных кустарников, и, наконец, еще ниже их, уже на земле, располагалось все многоцветье уральских трав. Поэт видел здесь и историческое прошлое Урала, когда этот край послужил точкой опоры для движения русского казачества в Сибирь с целью ее освоения. Но все это было в прошлом, а теперь этот край индустриализируется:

«Отсюда, с горного Урала,
Ко славе страстию дыша,
Россия руки простирала
И шла на береги Иртыша.
Для славы той, не для богатства,
В трудах надсаживая грудь,
Здесь не купцы, а рудознатцы
В тайгу прокладывали путь...
И ныне так же, как и прежде, –
Хотя от всех границ вдали, –
Урал остался порубежьем,

Опорой матери-земли.
В тайге за ржавые болотца,
За гребни скал и глыбы льда
Бесстрашно, как землепроходцы,
Идут на Север города.
Край дальних, трудных расстояний!
Во мгле нахмуренных ночей –
То вспышки северных сияний,
То вспышки доменных печей.
Рассвет над новою Россией
Здесь в каждом новом деле жил,
Рожден раскованною силой
Земных и человеческих жил.
Недаром мощью исполина,
В поту, в огнях, в лесах стропил,
Две части света воедино
Урал навек собой скрепил!»²

Любовь поэта к Уралу, к родному ему краю, нашла выражение в стихотворении В. Радкевича «Памяти С.М. Гинца». Здесь она преломляется через его отношение к реке Каме:

«Вечно Каме по жизни народа струиться –
В перекличке гудков, в тихом шуме лесов,
Где ее на рассвете свободные птицы
Прославляют на сотни лесных голосов.
В том разливе – такая спокойная сила.
Столько он и надежд, и любовей собрал,
Что без Камы Россия – уже не Россия,
Что без Камы рабочий Урал – не Урал.
Годы, как облака, все шумят надо мною,
Вдоль по жизни иду – по колено снега.
Но я счастлив и тем, что невидной волною
Бился, Кама, и я о твои берега»³.

Наиболее ярко патриотическая тема у Радкевича звучит в стихотворении «Я с Урала».

«Как в сон, как в омут, падал я в Москву,
Она с меня провинцию стирала.
А на вопрос привычный –

где живу?

Я отвечал, что родиной с Урала.

Да так ли это важно,

где живешь?

Но мне вниманье выказать старались

Не потому, что чем-то был хорош,

А просто потому,

что я – уралец.

Была Москва щедра и широка.

При мне с какой-то непонятной лаской

Одни припоминали Ермака,

Другие – корпус танковый уральский.

Мы, люди, все немножечко родня,

Будь из Калуги ты,

будь из Казани.

И не было причины на меня

Глядеть, как на ожившее сказанье.

Я забывал в Москве,

Где день, где ночь.

Был старомоден,

словно фикус в кадке.

Чрезмерно буен. До вина охоч.

Имелись и другие недостатки.

Но даже в эти каверзные дни

Во мне самом,

скорбя и согревая,

Горели Мотовилихи огни

И подступала к сердцу Чусовая!»⁴

Поэт пишет о том, что он понимал, что жить надо не так,
«А по другому правильному компасу, / Хотя бы потому, что я
земляк / И Ермаку, и танковому корпусу. / В мартенах сталь
вскипала добела, / И я хотел во что бы то ни стало, / Чтоб и моя
поэзия была / Частицею уральского металла».

Поэт хочет сродниться с Уральской землей, в этом родстве он видит свой рост как человека и поэта.

«Пусть жизнь меня течением несет
В объятья к людям, к горю их, к веселью.
Поэт – как дерево.
Он только так растет:
Ветвями – к солнцу, а корнями – в землю.
Ты ранним солнцем
Землю обними!
Не потому ли так она красива,
Что мы живем – в Москве или в Перми –
Лишь для нее,
а вместе мы – Россия!»

Стихотворение заканчивается следующими строчками:

«Уралец ты?
С Уралом будь един.
Пусть он тебя на прочность испытает.
Пусть Кама из разгневанных глубин
Заводы и поэзию питает».

В стихотворении «Пермь» патриотическая нотка продолжается, однако, здесь она принимает несколько другой характер. Основной содержательный стержень здесь другой. Здесь не природа и человек, а человек и история, человек и его отношение к другому человеку, причем, начинается это не с сегодняшнего дня, а с исторических реминисценций:

«Железная воля Урала,
Избрав не мольбу, а борьбу,
Здесь тысячи судеб сковала
В одну трудовую судьбу».

Эта воля к борьбе принимала в истории края разнообразные формы: она была и материнской лаской у тех детей, которые, вырастая поэтами, оставались в Пермском крае; она была и

«песней бурлацкой», которая вдохновляла на тяжелый труд бурлаков; она была и характерным звоном кандалов, который был присущ революционерам разных поколений, этапируемых в Сибирь. Для нее был характерен:

«Решительный гул забастовок,
Полнеба в крови и в огне,
Зарницы великих маёвок
В любом полыхали окне.
Со всех городских перекрестков,
Где подвиг отцов не забыт,
На малых детей и подростков
История зорко глядит»⁵.

Ко времени приезда В. Радкевича в Пермь в 1944 году, она была уже большим индустриальным городом. И он правильно отмечает, что «пахнет тайгою и сталью / Плывущий по Каме рассвет. / Лучей золотистая россыпь / Сквозь раннюю хмурь облаков, / И эта хозяйская поступь / Уральцев, моих земляков!»

Несмотря на то, что поэт родился и вырос не на Урале, он считает Урал своей родиной. Он с гордостью необыкновенной, присущей из уральских поэтов только ему, пишет о том, что он «человек с Урала», что:

«И в сердце вливается что-то
От славы твоей и потерь,
Любовь моя, жизнь и работа, –
Земля моя русская – Пермь!»

Уральская земля с ее прекрасной природой, лесами и Камой произвели на Радкевича такое сильное впечатление, что он всю оставшуюся жизнь считал себя коренным жителем Урала. Он с такой поэтической непосредственностью пишет о прелестях Пермской земли, о ее закаленных в борьбе с природой людях, что трудно да и невозможно сравнить кого-либо из уральских поэтов в этом отношении. Поэт пытается объяснить свою любовь к Уральскому краю. Он пишет:

«Урал любовью нашей выбран
Не наугад – при свете дня.
Он молнией
Из камня вырублен,
Из стали создан
И огня.
В его мартенах сталь варилась,
Которой не было прочней,
И эта прочность
Растворилась
В крови сынов и дочерей.
И, может быть, не потому ли,
Что здесь надежны небеса,
Так доверительно прильнули
К заводам
Синие леса...
У той задумчивой таяжности,
У Камы в голубом огне
Уральской нежности,
Надежности
Еще всю жизнь учиться мне»⁶.

Поэт воспеваает великую мощь первой в мире страны социализма, которая в его стихотворении выступает, как законная наследница всего лучшего, что было в прошлом.

В целом ряде стихотворений В. Радкевич показывает борьбу человека, которая ведется не только за улучшение своей жизни, но и за лучшие условия, в которых растет лес. В стихотворении «Просека к солнцу» он писал:

«Теперь,
Как только зорька занималась,
Она хорошим делом занималась.
Не просто солнце землю освещало –
О новом Дне
Торжественно вещало:
Чтоб пилы злились,
трактора ворчали,

Чтоб люди
День
 с достоинством встречали,
Чтоб в темноте не жили-пробивались,
А просекою к солнцу
Пробивались!
Пришел конец таежному безмолвью.
Лес был вокруг.
И было в нем светло.
И стало счастьем,
Радостью,
Любовью
Лучей освобожденное тепло!»⁷

Природа дает не только необходимые условия для выращивания хлебов и других продуктов питания, необходимых человеку, но она дает ему необходимый материал (камень), обрабатывая который человек получает красивые изделия. Данный природой стройматериал в виде камня некрасив и невзрачен:

«Весь в пятнах ноздреватых выбоин,
Невзрачный, грязновато-серый,
Он был вначале просто глиной,
Вчера доставленной с карьера».

Этот камень взял в обработку кунгурский камнерез-умелец. Он:

«Щербатые бока обтесывал,
Чтоб камню заново открыться.
В цеху клубилась пыль белесая,
Ложась на брови и ресницы».

«Трудолюбиво, со старанием
Он долго над работой гнулся –
Какими ж солнечными гранями
Вдруг камень к людям повернулся!
Живою, трепетной, красивою

В нем стала каждому видна
И летняя заря над Сылвою,
И сонных волн голубизна...
Зовите это все дерзанием,
Искусством, чудом, наконец,
Но камень был таким и ранее,
И лишь открыл его резец»⁸.

Огромную роль в индустриальном развитии Западного Урала играет река Кама. Ей В. Радкевич посвятил множество стихотворений. В них он прекрасным поэтическим языком отмечает те функции, которые выполняет эта крупнейшая река.

«Не бойтесь: всем достанет поровну
Ее сердечного тепла!
Минутя заводи и старицы,
В затонах стронув корабли,
Она взрослеет, а не старится,
Сил набирает от земли.
Плоты несла, в турбины падала,
Сначала поработав всласть,
И, брызгами осыпав палубы,
Бушующая, в море разлилась...
И вновь течет река-красавица,
Вздыхая грузные суда,
Туда, где с Волгою братается
Ее гудящая вода»⁹.

Книгу стихов «Камский мост», изданную в 1972 году, хорошо знают любители поэзии В. Радкевича. Составитель сборника «Владимир Радкевич: Материалы к биографии» замечает, что даже человек, ни разу не побывавший в Перми, прочитав стихи «Камский мост», «Пермь», «Пермские боги», «Небо Швецова», «Калюпановские эмали», может составить поэтический облик города в его событиях и судьбах^{9а}. В стихотворении «Небо Швецова» поэт говорит:

«Я верю определенно,
Чтобы встать на века
навсегда,
Построены не из бетона –
Из жизни людей города».

Несомненно, люди определяют суть города, его душу, его внешний и внутренний облик, создают стихи, книги и песни о нем. Без А.Д. Швецова, конструктора авиационных двигателей, не был бы полным облик Перми, как не был бы полным он и без стихов В. Радкевича.

В 1977 году вышел сборник стихотворений В. Радкевича «Россия», в котором обозначена главная тема в творчестве поэта: любовь к России, к родине, к Уралу, к Каме и Перми. Автор называет Каму «доброй рекой». Возможно, эпитет «добрая» означает не просто хорошая, а еще и статная, видная, большая. Кроме того, автор передает тепло и одухотворенность, живое начало реки, ведь ласкать можно только живые существа. Следовательно, Кама для поэта – это живое существо, чистое в своих истоках начало. Река в стихотворении ассоциируется с дорогой жизни, которая начинается «с малых истоков». Необходимо быть верным этим чистым истокам, питаться их живой влагой. Чистота реки для Радкевича – это совесть человека, которая должна быть такой же прозрачной, непорочной и невинной.

На фоне этой прекрасной природы в период социализма особенно быстро росли города. И среди них один из самых крупных – Пермь. Этому городу, в котором он учился в университете, а затем жил и работал, В. Радкевич посвятил стихотворение с одноименным названием, в котором он показал периодически меняющиеся способы производства, которые видела Пермь.

«Не жаркой зарей златотканой,
В лесах растопившей снега,
И даже не Камушкой-Камой
Мне древняя Пермь дорога».

Уралу в период социализма, особенно, в период Великой Отечественной войны, выпала суровая доля:

«Железная воля Урала,
Избрав не мольбу, а борьбу,
Здесь тысячи судеб сковала
В одну трудовую судьбу.
Чью боль материнскою лаской
Ты, Пермь, убаюкать могла?
Была ты и песней бурлацкой,
И долей рабочей была.
И улицы здесь не забыли
Еще с легендарных времен,
Как бился в «ворота Сибири»
Кандальный отчаянный звон.
Решительный гул забастовок,
Полнеба в крови и в огне,
Зарницы великих маёвок
В любом полыхали окне».

Поэт вспоминает суровые годы Великой Отечественной войны и с гордостью восклицает:

«И радость свою, и невзгоды
Ты, Пермь, от меня не таи –
Прошел я и вешние воды,
И медные трубы твои.
И в сердце вливается что-то
От славы твоей и потерь,
Любовь моя, жизнь и работа, –
Земля моя русская – Пермь!»¹⁰

В этой пермской земле:

«В муках правду искали,
В тщетной жажде добра
На острожном Урале
Пермяки-мастера.

Их резные изделия
Не сулили покой –
Жили боги из дерева
Черной жизнью людской.
Сквозь елени медовые,
Сквозь молитвенный гул,
Бог кричал,
замордованный,
Как охотник-вогул.
Не кора,
а короста
На плечах от плетей.
Только дух непокорства
Полыхал из очей».

Это изумительное искусство коми-пермяцкого народа, развившееся в духе непокорства, протеста, сопротивления, с удивительной силой выражено в стихотворении В.И. Радкевича «Пермские боги»¹¹.

Особой одухотворенностью веет от стихотворения В. Радкевича «Калюпановские эмали». Здесь повествуется о том, что:

«Ошалев от забот и планов,
Схвачен творчеством, как тоской,
Живописец Степан Калюпанов
Запирается в мастерской.
Тучи низкие за оконцем.
Но случится – и в миг один
Полыхнет нестерпимым солнцем
От железных его картин.
Надо жить, и довольно маяться!
Половодьем смывая грусть,
Здесь гуляет наотмашь Масленица
И строитель возводит Русь.
Не хитрил художник по-лиси,
А работал, упрям и смел.
И плавильные печи Лысьвы

Он в соавторы взять сумел.
Так идет в глубине России
Тихий поиск и долгий труд.
Ну а после – придут другие,
Поухватистее придут.
...В мастерской картина стояла,
И сквозь будничную пыльцу
Каждой краской она пылала.
И струились огни Урала
У художника по лицу»¹².

Искусство, труд и торжество – это три неразрывно связанные между собой понятия. Для В. Радкевича искусство – это вид одухотворенного труда, который может быть самым разнообразным: от труда знаменитого уральского сказителя Бажова до труда лесоруба. Труд, вернее, творчество сказителя П. Бажова, в своей основе духовно и заключается в том, что:

«Он раздвинул железные скалы
И прислушался к думе лесов,
Чтобы падали в новые сказы
Самоцветы ликующих слов.
И цветок на таинственном камне,
Что невидимым был до поры,
Устилает тропу лепестками
Пред Хозяйкою Медной горы.
Он шаги ее легкие слышит,
Вьется ящерка, в скалах скользя...
Но сказитель о вечности пишет,
И ему обернуться нельзя»¹³.

Тема труда у Радкевича связана с темой родины, темой родного края. С особой остротой этот вопрос встал в период Великой Отечественной войны, когда молодые люди должны были вступать очень рано в трудовую жизнь.

«В цехах, у станков, у мартенов
Рабочая юность встает,

Твоя начинается смена,
И твой наступает черед!
На плечи, почти что ребячьи,
Нелегкою ношей легли
И взрослые века задачи,
И взрослые души земли.
Хлеб вызрел, и сталь закипела.
И вышли на Каму плоты...
Но самое главное дело –
Которое делаешь ты.
У будущих дней на примете
Ты вырос в Уральском краю,
Ты, как за Россию, в ответе
За эту работу свою.
Ты должен судьбу свою смело
С Россией навеки связать:
И нужное выполнить дело,
И нужное слово сказать»¹⁴.

В стихотворении «Студенты 41-го года» В. Радкевич пишет о тех студентах 1941-года, которые «с войны до сих пор не вернулись». Он видит:

«Мы – в дождях, мы – в слезах материнских
заплаканных глаз,
Мы – простой обелиск,
что над братской могилою замер.

Но мы просим:
считайте поныне студентами нас,
Мы сдавали России
последний нелегкий экзамен!»

Обращаясь к современному ему молодому поколению, поэт пишет:

«Ваша юность – другая.
И в песнях другие слова.

И меж нами иные не видят
ни капельки сходства.
Но мы в жизнь вашу входим
по честному праву родства,
Или, если хотите,
по строгим правам первородства».

Осенние дожди над Россией поэту напоминают плач Родины:

«Словно плачет над нами Россия, как старая мать, —
Столько лет все не выплачет те материнские слезы...»¹⁵

В форме таких лирических стихов поэт показывает тяжесть потерь в Великой Отечественной войне, особенно для тех матерей, у которых погибли молодые сыновья.

Эта же тема, поставленная несколько иначе, звучит в стихотворении «Россия». Здесь она дается через восприятие человеком прекрасного окружения природы.

«А в трудный час, когда мне очень больно,
Когда я сам не знаю — жив не жив,
Листвой ты что-то шепчешь сердобольно,
Землицу к свежей ране приложив.
Сестреночки — березки да осинки —
Качают солнце в люльке из ветвей.
И тихо прикасаются травинки
К щеке, как пальцы матери моей»¹⁶.

Такими прекрасными строчками поэт заканчивает это стихотворение. Зададимся вопросом: всегда ли человеческая судьба или поступок, о котором рассказывал поэт, задевает его так, чтобы вызвать к жизни настоящее, искреннее чувство? К сожалению, не всегда.

С годами В. Радкевич понял, как податлива лирическая форма, как много возможностей она предлагает поэту для создания человеческих характеров. Страница биографии, дающая жизнь серьезным раздумьям, — о таких типах стихотворений мы

уже говорили. А вот еще один путь – на нем было сделано много находок и в XIX веке, и советскими поэтами: лицо человека, его душа, темперамент вдруг начинают жить в картине природы.

Одним из лучших стихотворений В. Радкевича в «Уральской лирике» является удивительно красивое стихотворение «Осинки», в котором представлен образ женщины, скромной и терпеливой, неброской, неяркой красоты, ждущей своего часа кинуться в огонь и загореться ярким пламенем.

«О да, вы неприметны очень –
До той судьбы, до той поры,
Когда для вас, осинки, осень
Зажжет прощальные костры.
И больше не боясь огласки,
Всем давним недругам назло
Вы вдруг засветитесь, как в сказке,
Так нестерпимо, так светло»¹⁷.

В этом стихотворении передано что-то очень дорогое для поэта, может быть, самое дорогое в облике женщины, в человеческой жизни вообще, поэтому так высоки лирические ноты, в них нет ни капли фальши, и не срываются они, как ни высок их голос:

«Что с вами – в пламя, без оглядки,
Хотя б на миг, на малый срок...
Лишь у ручья в лесном распадке
Звенит хрустальный башмачок!»

Здесь есть развитие лирической темы, характеризуемой нарастанием чувств, и статичный штампованный поэтический оборот: «березка вся светится, как девушка влюбленная».

Зрелый В. Радкевич не пишет просто стихов о природе. У него природа приходит на помощь людям для того, чтобы связать времена. С особой отчетливостью это выражено в стихотворении «Метель».

«Метут метели исстари,
Метут со всех сторон.
Идут метели издали,
Из пушкинских времен.
Они чисты и праведны,
Как боль земных утрат.
В метелях с нами прадеды
По-русски говорят!»¹⁸

Наталья Банк пишет, что повторением главного опорного слова поэт будто измеряет длинный путь от прошлого к настоящему, путь длинный, но непрерывный. Встреча с героическими днями гражданской войны происходит у Радкевича в «чахлом поле», где погиб когда-то матросский полк. Природа то создает необходимую зону тишины, чтобы резче можно было различать голоса прошлого, то музыкально озвучивает стих, и раздаются в нем грозные шепоты, пробуждаются заснувшие до поры громы истории, с которой разговаривает В. Радкевич:

«Чердынь, Чердынь Великая,
Чем же ты велика?
Дремлет, старчески всхлипывая,
Колва-река.
В дреме той иль в бессоннице
Время мечется вспять.
Под копытами конницы
Камни вопят»¹⁹.

У Радкевича гибкий, густо-медлительный стих, когда поэт вглядывается в историю, и динамически звонкий, искрящийся блестками солнца, когда он пишет о сегодняшних трудовых буднях народа. Он афористичный для философского размышления и раскованный, вольно сломанный посередине строки — в живой современной сцене. У него стих, то легкий, скользящий, то нагруженный словами и словосочетаниями, тяжелыми, как первые суда, которые уходят в навигацию по «рыжей воде» еще в обломках «сброшенного льда».

Стихи В. Радкевича множеством нитей связаны с народной поэзией. И если вдруг мелькнет в стихе у Радкевича, в глубине его пейзажа, яркий, цветной осколок сказки («лишь у ручья в лесном распадке звенит хрустальный башмачок») или почудится отголосок знакомой песни, ни то, ни другое здесь не случайно, не лишне. Это найденные поэтом средства – дать проекцию лирического сюжета на далекие времена, попытаться понять сегодняшнее в соотношении с давно прошедшим вечным временем. И когда поэт рисует землю неровной, всю в коряжинах и пнях, то этим он открывает борозды времени на ее лице, времени, к поступи которого В. Радкевич становился все внимательнее²⁰.

Любовь к природе, чувство Родины, незатухающая память о Великой Отечественной войне, в которой участвовали народы всей необъятной страны и особенно той ее части, где поэт в это время находился, самой знакомой и близкой, где проходила в последующем год за годом его жизнь, нежность к матери, острая боль её потери, порыв мысли к далеким звездам с отчетливо выраженным вопросом: как живут там? И вместе с этим, взгляд, устремленный назад в глубины истории, в очень далекую языческую глубь и ближнюю глубину, годы революции и Гражданской войны – вот неполный перечень проблем, нашедших отражение в зрелой поэзии В. Радкевича.

Все эти темы должны быть выношенными, выстраданными, все они должны опираться на последовательно выверенную концепцию жизни поэта, которая объединяет и представляет их как единое и стройное целое.

В. Радкевич – поэт вдумчивый, чуткий, меняющийся и вместе с тем остающийся верным основным им избранным темам. Тема Урала, его природы, изумительной по своей красоте, его скалы, разрушенные временем и, тем не менее, прекрасные в своей седой задумчивости и основательности, которые сменяются при виде величественной, необъятной ширины Камы желанием поэта охватить это великолепие и выразить его в бурном росте городов Урала, в их изумительном темпе роста, с их энергичным воздействием на природу, причем не всегда в желательном для нее направлении (постановка им экологических проблем).

В зрелых стихах о природе В. Радкевич свободен от штампов в изображении природных явлений. Само время развития социализма в нашей стране отменяло бездумье и бросало поэта в какую-то крайность ниспровержения некоторых несомненных и, казалось бы, постоянных в жизни социализма величин. В зрелых стихах В. Радкевича иногда, правда, неясно, сквозило нечто, обещающее благие перемены. Отвечая на вопрос, когда эта мысль стала осознанной, Наталья Банк предполагает, что, может быть, в стихотворении «Две весны», где звучит убеждение в том, что в счастье гораздо больше понимает не юноша, а человек, проживший на свете и знающий жизнь лучше, чем он, и считающий, что за счастьем нужно шагать и шагать. Поэт чувствовал в зрелые годы своей жизни, что что-то происходит в стране, особенно с наступлением эпохи «перестройки», но понять и осмыслить эти процессы не успел.

В отношении к природе, к ее будущему, к будущему человечества В.И. Радкевич отличался от других русских поэтов, которые пытались заглянуть в бесконечные дали Вселенной. Например, Ф.И. Тютчев видел и слышал в природе и в душе человека не одну только божественную организацию – стройный космос – он чуял в них какое-то хаотическое волнение, какой-то мятеж, вечный беспорядок. По его мнению, еще не умолкла борьба стихий, которая некогда, на заре мироздания, не успокоенная никем, потрясала Вселенную. Мир еще не кончен, не готов к своему концу.

Быть может, в том и заключаются его тайна и смысл, что он никогда не будет закончен. Он не может забыть титанических революций своего прошлого. И море, и небо, и суша постоянно грозят снова ввергнуться в бесформенную массу. Но надо верить спокойной тишине и благообразию мира под этой мирной зеленой тканью приветливых лесных лужаек, где, тем не менее, неопределенный хаос шевелится. В глубоких недрах земли, считал Ф.И. Тютчев, совершается вулканическая работа подземных сил, и когда они, в диком торжестве произвола, вырываются наружу, тогда сотрясаются человеческие города и человеческие души, тогда страх находит на человека, тогда он особенно сильно тревожится за судьбу мира.

Проблемы хаоса, неизвестности дальнейшего существования мира не волновали В.И. Радкевича, во всяком случае они не нашли сколько-нибудь существенного отражения в его творчестве. Он брал, рассматривал, пытался решить в своих стихах о природе и ближайшие проблемы будущего. И в этом отношении сказывались его не всемирность, а качества местного уральского поэта, хотя он иногда и выходил за эти рамки.

В стихотворении «Памяти Николая Куштума» Радкевич пишет об экологических проблемах Урала, в частности, интенсивной вырубке лесов края, превышающей расчетную лесосеку, нарушениях правил вырубки, без сохранения семенников и т. п.

«Рedeют леса на Урале,
У рек, у озерной воды.
А мы-то себя уверяли,
Что долго еще до беды!
Лишь праха ничтожная щепоть
Да гиблая черная мгла,
Где птичий улыбчивый щебет,
Где песня лесная была,
Где с зеленью солнце смешалось,
Листовою на землю лилось,
Чтоб людям полегче дышалось,
А значит, полегче жилось.
Мы только на миг притихаем
У самой последней черты.
Уходим и жить привыкаем
Без мягкой лесной доброты».

Поэт прощается с зеленым чудом, с уральскими лесами. Он пишет о том, что «все громче стучат топоры / И около камня Полюда, / И около Думной горы». Он предупреждает местные власти: «Земля еще терпит и кормит – / Мы старшие в общей семье. / Когда обнажаются корни, / Нам трудно стоять на земле!» Поэт предлагает: «К молчанью природы привыкнув, / Ты сам расстоянье проверь / От нынешних скорых прибытков / До будущих долгих потерь».

Труд лесоруба менее интеллектуален, чем труд писателя и представителя любой профессии умственного труда. Но и у него есть элементы духовности, и поэт указывает на них. Он пишет:

«Но лес тот давно распилен,
Рядами в штабеля сложен,
Чтоб плыть плотами по Каме
И по Волге-реке.
Остались обломки сучьев
Да костры на делянке,
Да сваленные деревья,
Вмятые в талый снег.
И все это сделал хмурый,
В ватнике и ушанке,
Идущий со мною рядом
Немолодой человек.
Пожалуй, я бы и кончил
На этом портрет лесоруба,
Да трактор, входя на волок,
Смял березняк-подрост.
И бледного тракториста
Зло материл сквозь зубы
Тот, кто еще сегодня свалил десятки берез.
– Губить такие деревья,
Ведь это ж почти убийство...
Сказал лесоруб в раздумье,
В поселок идя со мной.
...А рядом в сырых ложбинах
Зеленый туман клубился:
То к солнцу тянулась поросль,
Разбуженная весной!»²¹

Поэт хочет этим сказать, что природа вечна, что все в ней повторяется, и она весной залечивает те раны, которые наносит ей человек. «Вот только как долго будет продолжаться этот процесс?» – такой вопрос Радкевич не ставит, по крайней мере, в этом стихотворении²².

В. Радкевич произносит суровый приговор природоохран-
ным распределителям природных ресурсов Урала.

Он пишет:

«И все, что мы там потеряли,
Лишь дымом ушло в небеса.
Редуют леса на Урале...
Да если бы только леса!»²³

Конечно, это не только леса. Многие природоохранные предприятия работали при несоблюдении норм выработки, технологии и других природоохранных мероприятий. Это и угольные кизеловские шахты, и запасы магнитного железняка, со-
державшиеся в недрах горы Магнитной в Магнитогорске, и запасы медных руд в Свердловской области и т. п.

Примечания

1. Радкевич В. Вечность нас пригласила в гости. Пермь: Маматов, 2007. С. 25.

2. Радкевич В. Просека к солнцу. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1958. С. 3–4.

3. Радкевич В. Вечность нас пригласила в гости. Пермь: Маматов, 2007. С. 24.

4. Там же. С. 19.

5. Там же. С. 22.

6. Там же. С. 53.

7. Радкевич В. Просека к солнцу. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1958. С. 8–9.

8. Там же. С. 22–23.

9. Там же. С. 6.

9 а. Владимир Радкевич: Материалы к биографии. С. 33.

10. Радкевич В. Камский мост. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1972. С. 7–8.

11. Там же. С. 38–39.

12. Там же. С. 41–42.

13. Там же. С. 37.

14. Радкевич В. Уральская лирика. М.: Молодая гвардия, 1982. С. 20. С. 21–22.

15. Там же. С. 53.
16. Там же. С. 8–9.
17. Радкевич В. Вечность нас пригласила в гости. Пермь: Маматов, 2007. С. 232.
18. Там же. С. 221.
19. Там же. С. 77.
20. Банк Н. Возможности лирики // Урал. 1969. № 10. С. 167–171.
21. Радкевич В. Просека к солнцу. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1958. С. 14.
22. Радкевич В. Уральская лирика. М.: Молодая гвардия, 1982. С. 20.
23. Радкевич В. Вечность нас пригласила в гости. Пермь: Маматов, 2007. С. 55–56.

СТИХОТВОРЕНИЯ О МАТЕРИ

Стихи В. Радкевича о семейно-бытовых отношениях, о любви естественны и как бы произвольны, словно дыхание¹. И это присутствует во всех лучших его произведениях. Больше всего В. Радкевич любил, ценил и уважал свою мать Лидию Александровну Радкевич. Ей он посвятил множество стихотворений.

Особенно остро почувствовал он боль возможной утраты в 1966 году в связи с болезнью матери. В стихотворении «Письмо к матери» он писал:

«Снова дороги легли между нами
Ширью лесов, синевой морей.
Это неправда, не верь, что с годами
Мы забываем своих матерей!
Сыну всегда ты спешила на помощь –
Там, где никто бы другой не помог.
Даже в ненастье, в дождливую полночь
Вижу в окошке твоём огонек.
Как я хочу на тебя наглядеться!
Солнышком ясным мне сердце согрей –
Рядом с тобою не старится детство
Взрослых, далеких твоих сыновей».

С болью в сердце поэт предчувствует боль возможной утраты. Он пишет:

«Мама, прости мне, что доля земная
Для матерей до сих пор нелегка...
Ты подожди меня, мама родная,
Ты не гаси своего огонька»².

Лидия Александровна умерла 25 января 1967 года. Поэт был безутешен. Он пишет:

«Вот и все. И теперь не приехать к тебе, не согреться
У родного огня, у спасавшего в стужу костра.

Стало тихо вокруг.
Только слышно биение сердца,
Да, уткнувшись в плечо мое,
старшая плачет сестра.
Мама, с каждым мгновением
ты дальше и дальше от сына,
И теперь я ничем опечалить тебя не смогу...

Только след у подъезда: проехала автомашина,
И по следу – еловые ветки на белом снегу»³.

В. Радкевич пишет о том, что:

«Земля передо мною виновата,
Любая – в солнце, в радуге, в дыму...
И что сулят кровавые закаты,
Неведомо сегодня никому.
А притворялась: зеленью светила,
Пыталась ветром ласковым обнять.
Но только для того меня растила,
Чтоб самое любимое отнять.
Не злаку здесь расти, а злему зелью,
Истоку сумасшедшего огня.
И плачу я. И спрашиваю землю:
Зачем взяла ты маму у меня?»⁴

В этом стихотворении поэт обвиняет природу в том, что она берет у человека самое дорогое – его маму. Он считает, что, действуя таким образом, земля поступает несправедливо. Однако иного устройства человеческого тела природа дать не может, пусть даже оно, с точки зрения человека, несовершенно. Мать для поэта была очень дорогим и необходимым для него человеком. Он обобщил это в стихотворении «Без мамы я жить не умею...»

«Без мамы я жить не умею,
Но черную яму – насыть...
Как в сказке, по грудь каменею,
И трудно мне камень носить».

Смерть своей матери он сравнивает с потерей им части своей родины.

«Как страшно ветра голосили
На проводах белого дня!
Как будто частица России
Навеки ушла от меня»⁵.

В стихах, посвященных Л. Давыдычеву, Радкевич пишет о невозполнимой потере родного человека:

«И все-таки мы в смерть родных не верим,
Она для нас пугающе чужда.
И равнодушны к тягостным потерям
Дарованные вечностью года.
Все тот же день.
Все тот же лист осенний,
Слетев с березы, кружится легко,
И мы живем в счастливом заблужденье,
Что где-то, очень-очень далеко,
Еще во ржи звенит кузнечик тонко,
Еще траву босые ноги мнут...
А вдалеке так радостно и звонко
Нас молодые матери зовут»⁶.

Стихотворение, обращенное В. Радкевичем к своему другу Л. Давыдычеву, проникнуто светлыми воспоминаниями, светлой грустью об ушедших годах детства. Молодость детей и матерей создает иллюзию, заключающуюся в том, что они могут, правда, кратковременно, не верить в смерть родных.

О том, что при посещении родительского дома в Ржеве поэт чувствовал себя неуютно, он писал в стихотворении:

«Сквозь березы светло и знакомо
Вновь глядит на меня рассвет.
Все – как прежде.
И только дома,
Материнского дома нет.

Нет пристанища в людном мире,
Где не судят, а просто ждут.
И в знакомой твоей квартире
Незнакомые люди живут.
Я ловлю этот блеск мгновенный
Молодого земного дня.
Но от звезд и планет Вселенной
Тянет холодом на меня.
И Земля бы давно застыла
Зимней птицею на лету,
Если б только не сохранила
Материнскую доброту.
И мне слышится голос ласковый
Дальним эхом твоей любви:
— Не ищи меня, не оплакивай,
А во имя мое — живи!
Надо жить.
И дымят заводы,
Дышат травы, зовет гроза.
И висят надо мною звезды,
Как заплаканные глаза.
На земле, на дорогах разных,
Где пройти мне и высь, и дол,
Мама, ты моя боль и праздник,
Мой вовек неоплатный долг»⁷.

Поэт осознает, что многим он обязан своей матери, понимает, что после ее смерти этот долг принимает неоплатный характер. И это делает все ощущения особенно тяжелыми и мучительными, ввиду невозможности возвращения долга.

В стихотворении «Возвращение» В. Радкевич описывает свои посещения ржевского дома матери уже после ее смерти и свои чувства, связанные с этим.

«Ну что ж, встречай меня, потерянная родина!
Пускай в разлуке много трудных лет прошло —
Еще не выпали снега,
Еще поля, еще луга
Хранят родное материнское тепло...»⁸

Поэт пишет о том, что вся природа родных ему мест переживает вместе с ним посещение родного ему материнского дома. Большое значение в жизни человека играют близкие ему люди, которые:

«...с рождения зная нас,
За неудачу горько не осудят
И радость с нами делят в добрый час.
На огонек или на чашку чая
Однажды в год зайдешь на пять минут –
Тебя всегда с любовью привечают
И запросто по имени зовут».

Они «про жизнь, здоровье справятся сердечно», узнают хороши или плохи твои дела. Для родных ты все еще «тот мальчуган потешный, что сделал шаг от стула до стола». «И ты уйдешь, той ласкою отмечен», не так, как прежде, «ею дорожа, А через год узнаешь вновь при встрече, что вырос и, пожалуй, возмужал». И в той любви, простой и немудреной, «всегда ты юн – хоть до волос седых», ⁹ – подытоживает в стихотворении поэт.

Примечания

1. Давыдычев Л.И. Доброе сердце поэта. О Владимире Радкевиче // Радкевич В. Вечность нас пригласила в гости. Пермь: Маматов, 2007. С. 15.

2. Радкевич В. Вечность нас пригласила в гости. Пермь: Маматов, 2007. С. 165.

3. Там же. С. 166.

4. Там же. С. 169.

5. Там же. С. 167.

6. Там же. С. 168.

7. Там же. С. 170–171.

8. Там же. С. 175.

9. Там же. С. 173.

ГЛАВА IV

РАДКЕВИЧ И МУЗЫКА

В творчестве В.И. Радкевича выделяется рельефно еще одна симпатичная сторона – это песенность его лирики. Он плодотворно сотрудничал с многими уральскими композиторами: М.Д. Камским, Л.Л. Мелем, Г.Н. Векшиным, Е.П. Родыгиным. Об одном из концертов, в котором наряду с Михаилом Дмитриевичем Камским, принимал участие В.И. Радкевич, житель села Ильинского Станислав Чепурнов вспоминал: «Запомнилась и последняя встреча с Михаилом Дмитриевичем Камским в июне 1979 года. В редакцию районной газеты он пришел вместе с Владимиром Радкевичем, пермским поэтом, на слова которого написал несколько хороших песен. – Мы хотим выступить у вас в коллективе с творческим отчетом, – заявил Камский редактору местной газеты М. Конину. Тот вначале удивился, но потом пригласил всех сотрудников газеты в свой кабинет. М. Камский и В. Радкевич исполнили дуэтом несколько песен, в том числе «Наша родина – Урал», «Песня о Перми», «Возвращение на родину» («Иду над Обвою тропинкою знакомою»); слушатели наградили их аплодисментами»¹.

Из редакции Камский и Радкевич отправились в другие организации поселка, где их везде тепло принимали. А спустя неделю, 27 июня 1979 года, Михаил Дмитриевич Камский умер. Он был еще не старым человеком – ему не исполнилось еще и 58 лет.

Пермским композитором В. Коноваловым на стихи В. Радкевича были написаны «Песня о Перми» и «Пермский вальс». В стихах этих музыкальных произведений В. Радкевич использует любимые им строки, выражающие его восхищение этим городом над Камой-рекой:

«Вспомни летние ночи на Каме,
Лишь глаза на минуту приоткрой,

И тебя растревожит огнями
Этот город над Камой-рекой».

В мажорной тональности припева утверждается, что:

«Бессонные, упрямые
Горят огни над Камою,
И ты при расставании
Их в дальний путь возьми.
Они сквозь годы светятся,
Чтоб нам с тобою встретиться ...
До скорого свидания
У нас в Перми.
И желаннее всяких подарков
Будет нам при свидании
Молодое молчание парков
Над вечерней рекой голубой»^{1а}.

Любовь к городу, украшенному ночными огнями, ассоциируется в стихах В. Радкевича с любовью к любимой девушке и скорой встречей с нею в Перми.

Композитор Леонид Леонгардович Мель в сотрудничестве с В. Радкевичем создает свои лучшие песни: «И сердцем, и броней» (песня входила в репертуар ансамбля Уральского военного округа), а «Песня о рабочем Урале» была так популярна, что ее фрагменты долго служили позывными Пермского радио.

В содружестве с композиторами Евгением Родыгиным и Аркадием Трухиным В. Радкевичем были написаны песни «Рябиновый вальс», «Если любишь ты», «Все еще горит костер рябиновый». Эти песни на слова В. Радкевича исполнялись в Болгарии, Венгрии, Франции, то есть получили европейскую известность. Песни на стихи В. Радкевича исполняли Уральский государственный народный хор, артисты Свердловской филармонии².

Плодотворным было сотрудничество В.И. Радкевича с пермским самодеятельным композитором А.К. Трухиным. К их несомненной творческой удаче принадлежит песня «Все еще горит костер рябиновый». В основе стихов В.И. Радкевича, на

которые положена музыка, лежит любовное чувство человека, которое является самым сильным и светлым чувством, украшающим человеческую жизнь. Здесь оно сравнивается с созревшим кустом рябины. Девушка ждет своего любимого и надеется на то, что, прикоснувшись к кусту рябины, она все-таки его дождется. Стихи В.И. Радкевича очень звучные и мелодичные, песня приятная, лирическая. Поэт сравнивает светлое любовное чувство с лебединым поведением:

«Лебеди все парами да парами,
Скоро осень к югу унесет,
Значит, где-то там, за листопадами,
До сих пор весна моя цветет»³.

Этот же мотив любви, как самого прекрасного и светлого чувства, обыгрывается В.И. Радкевичем в стихах, послуживших самодеятельному композитору А.К. Трухину написать музыку «Рябинового вальса». Поэт восхищен красотой больших, сложных по строению, темно-зеленых листьев рябины, ее ярко-красных плодов, ослепительно белых цветов, замечая по поводу этого, «ты, рябина, непростое дерево», а «она цветет, как первая любовь», таким ослепительно ярким является ее цветение⁴.

В несколько иной, как бы утверждающей тональности, написана композитором А.К. Трухиным песня на стихи В.И. Радкевича «Если любишь ты». Стихотворный текст песни построен на основе противопоставления прекрасной весны, всеобщего цветения природы, пения соловья и жестокой, суровой зимы, которая своими морозами подвергает испытанию девичью любовь. Конец песни звучит жизнеутверждающе:

«Пусть зима по-прежнему
Вьюгами метет,
А любовь – подснежником
В сердце расцветет»⁵.

В.И. Радкевич считал, что социализм создает настоящее счастье на земле для людей труда. Этот постулат он выразил в стихах «Песня о колхозе «Россия» (музыка композитора

А.К. Трухина). Сельское хозяйство, как известно, это та сфера человеческой деятельности, которая зависит от природы:

«От солнышка и дождичка
Светлым светла земля,
А нас ведет дороженька
На фермы и в поля».

Поэт утверждает широко распространенный в нашей стране в годы социализма лозунг о том, что колхозники являются хозяевами своей судьбы, о том, что высшим органом управления колхозом является общее собрание колхозников:

«Своей судьбы хозяева,
Не кто-нибудь, а мы».

Припев песни звучит жизнеутверждающе:

«Нас родная земля взрастила,
Здесь мы трудимся и живем.
И недаром колхоз «Россия»
Нашей гордостью мы зовем».

Конечно, по сравнению с основной массой колхозов, где дела шли, мягко говоря, неважно, в этом колхозе существовали неплохие условия жизни. Поэтому поэт завершает текст песни словами:

«Мы вдаль глядим уверенно,
Нигде не подведем,
Несем мы орден Ленина
На знамени своем».

Этот орден, олицетворяющий высшую награду социалистического государства, служил символом движения предприятия, учреждения, колхоза к светлому коммунистическому будущему. Он должен был вдохновлять людей на новые трудовые

подвиги, делая их энтузиастами коммунистического строительства.

Несколько песен на стихи В.И. Радкевича были написаны известным уральским композитором Евгением Павловичем Родыгиным. К их числу принадлежит и широко известная песня «Я с тобой, мой комсомол!» Радкевич прежде всего заявляет, что его судьба неразрывно связана с комсомолом:

«Привкус стали и запах хлеба...
Комсомольских друзей семья.
На дорогах земли и неба
Где-то есть и судьба моя».

Это особо подчеркивается трехкратным рефреном припева:

«Я с тобой, я с тобой,
Я с тобой, комсомол Урала...
Я с тобой, мой комсомол!»

Троекратный рефрен указывает на принадлежность автора слов песни к комсомолу, Коми-Пермяцкого края, Урала и Советской страны в целом. С особой силой и энергией проявился героизм комсомола в годы Великой Отечественной войны.

«Слышу голос зеленой Пармы,
Молодой, трудовой земли...
Здесь на фронт уходили парни
И в легенду навек ушли!»

Поэт выражает твердую уверенность в том, что героическая энергия комсомола не погаснет потому, что у людей этой организации «комсомольский огонь в крови»⁶. Слова песни и ее припева проникнуты безграничной уверенностью в светлом будущем советской земли и молодого поколения, в особенности, комсомола, живущего на ней. Музыка композитора Е. Родыгина талантливо утверждает это.

Воспеванию труда, как основы человеческой жизни, наполняющей ее глубочайшим смыслом, посвящены песни

Е. Родыгина на слова В. Радкевича «Это наш дом, шахтеры» и «Наш поселок Майский». В первой из них в поэтической форме звучных и ярких стихов изображаются прелести и необходимость труда шахтеров, дающих стране уголь, так необходимый родине⁷.

«В утренний час
Солнце, лучась,
Зорька упала в реки...
Город Гремячинск, ты в сердце у нас,
В нашей любви навеки.
В дальней дали
Нету земли
Доброй, как на Урале,
Здесь мы заветное счастье нашли,
Здесь мы друзей встречали.
Уголь даем,
Жизнь узнаем
В жарком ее размахе...
Если в Гремячинске песню поем,
Слышно ее в Губахе!
Нам, земляки,
С детства близки
Солнечные просторы.
Город любимый у Вильвы-реки –
Это наш дом, шахтеры».

Песня на стихи В. Радкевича «Наш поселок Майский» раскрывает приметы труда животноводов на лоне прекрасной уральской природы. Музыка композитора Е. Родыгина адекватно озвучивает это:

«Возле речки Сюзьвы на земле Уральской
Нет полям и весям края и конца.
Вы к нам приезжайте – наш поселок Майский
Вам раскроет настежь двери и сердца.
На холмах зеленых зацветает вереск,
Мне судьбу пророчат в роще соловьи...
Значит, чье-то сердце не напрасно верит,

Верит и дождется счастья и любви.
Обласкает зорькой добрая погода,
Задрожат росинки искрами в траве,
Здесь в поселке Майском труд животновода
С будущими днями в дружбе и родстве!
Заметет дороги вьюгою февральской,
Под ноги расстелет снега белизну.
Но теплом согреет нас поселок Майский,
Сохранит для друга радость и весну»⁸.

Совершенно иной, не общественный, а, скорее, личностный характер носит песня Е. Родыгина на стихи В. Радкевича «Звездочка тучку задела». Здесь в лирическом ракурсе обыгрывается тема любви. Под звездочкой понимается субъект любви, а под тучкой, скорее всего, объект. В процессе их знакомства происходит взаимобмен их местами в системе субъектно-объектных отношений: объект, отказывая субъекту, становится на его место в то время, как бывший субъект, не зная, что делать, растерявшись, становится объектом. В основе этого взаимобмена лежит всепоглощающее чувство любви. Красивые, звучные стихи В. Радкевича хорошо положены на музыку⁹.

«Звездочка тучку задела,
Росы роняет туман.
Песня вдали пролетела
И подпевал ей баян.
Ивушка клонит под ветром
Тонкие ветви свои,
Если любовь безответна –
Верить не верить любви...
Пусть пронесут по заречью
Песню мою соловьи,
Если тебя я не встречу,
Значит, не встречу любви.
Тут ничего не поделать
Каждому в жизни своей...
Звездочка тучку задела,
Сердце задела мое».

Известный композитор Урала М. Камский написал две песни на стихи В. Радкевича «Кружилиха-Мотовилиха» и «Сказ о Каме». В первой из названных нами песен отмечается величайший труд мотовилихинских пушкарей в годы Великой Отечественной войны. Каждая четвертая пушка, изготовленная за годы войны в нашей стране, была сделана в Мотовилихе. Труд пушкарей был очень тяжел; они работали «от зари до зари», даже подростки 14 лет работали по две смены, в результате этого получился такой выдающийся результат. Поэт связывает этот выдающийся трудовой результат с революционными событиями, которые происходили в Мотовилихе в 1905 году, считая, что он стал возможен благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции¹⁰. Стихи в песне (музыка М. Камского) начинаются со слов жизнеутверждающего пафоса:

«Здравствуй, Вышка!
Здравствуй, Запруд и Висим!
Свет ваш ласковый во мне неугасим –
Здесь прошел я сквозь невзгоды и года,
Здесь любовь нашел одну и навсегда.
Билась Кама, от зари и до зари
Не кончались ваши смены, пушкари ...
Сотни судеб, сотни жизненных дорог
Ты смотала, Мотовилиха, в клубок!
А в Октябрьский день, хотя бы раз в году,
Я на Вышку обязательно приду –
Поклониться праху деда моего,
Причаститься цвету знамени его»¹¹.

В песне «Сказ о Каме» композитор М. Камский и поэт В. Радкевич – первый в музыке, а второй в стихах – показывают тот величайший трудовой вклад, который был принесен водами реки Камы за последние столетия отечественной истории, начиная с похода в Сибирь Ермака. Стихи, на слова которых положена музыка, начинаются афористически:

«Здесь и плача, и песен начало,
Добрый свет и тревожная мгла,

Здравствуй, Кама! По жизни Урала
Ты легендой живой протекла».

Далее В. Радкевич выделяет исторический аспект роли Камы в России, для того чтобы затем высветить роль этой реки в наши дни. Он пишет:

«Ой, Кама, Кама, русская река,
Как Русь, важна, как песня, широка...
По синей шири вспененной воды –
Столетий грозные следы!
Ты помнишь, Кама, гордая река,
В ночах бессонных думу Ермака?
Открыла сердцу русскому Сибирь
Твоя задумчивая ширь.
Ты стон бурлацкий на волне несла
Да только стала ноша тяжела,
И волны бились гневно, как укор,
В подножье древних Синих гор.
В глухие ночи беспросветной мглы
Ты лед ломала, словно кандалы.
В твоей весенней воле и судьбе –
Призыв к свободе и борьбе.
Рожденный в муках солнечный восход
В ладонях к людям реченька несет.
Еще твоя дорога далека,
Ой, Кама, русская река!»

В стихах В. Радкевича «Кама сегодня», которые были положены на музыку уральским композитором М. Камским, говорится о том, какой стала Кама при социализме, подчеркивается, что эту роль ее предвидел Ленин¹². В. Радкевич не любил быть старомодным, поэтому он считал для себя обязательным показать роль реки в современной России:

«В глубине неоглядной России
Льется Кама сквозь ночи и дни,
Отражая огни заводские
И цветов голубые огни.

И рождается сила Урала,
Что не раз испытали враги,
В этом гулком соседстве металла
И зеленой прикамской тайги...
Стало все, как задумывал Ленин,
Видя новый Урал сквозь года...
И у древних прикамских селений
Молодые растут города».

В песне В. Радкевич показывает себя поэтом социализма, уверенным в его силах, в его справедливости, в том, что он имеет историческое будущее.

Ряд песен на стихи В. Радкевича написали уральские композиторы В. Архангельский, Л. Карусов, Г. Векшин, Н. Гура. В них отчетливо выделяются две темы: индустриальная, трудовая Пермь и любовные отношения между молодыми людьми, которые самоотверженно трудятся на машиностроительных и военных заводах Перми. После напряженного труда они имеют полную возможность отдыхать вместе со своими любимыми на лоне прекрасной уральской природы.

В песне композитора Л. Карусова «С именем Ленина» (Песня о Мотовилихинском заводе) отмечается, что завод – «нерушимую крепость труда» – воздвигнут на берегу красавицы Камы.

В. Радкевич писал:

«На могучей красавице Каме,
Что упрямо течет сквозь года,
Мы воздвигнем своими руками
Нерушимую крепость труда».

В припеве эта констатация звучит гордо и жизнеутверждающе:

«Это радостно и уверенно
На уральской земле живет
С именем Ленина
Имени Ленина
Мотовилихинский завод».

Поэт не может не упомянуть героическое прошлое этого завода:

«Мы помним славу рабочих династий.
Пятый год. Баррикады во мгле...
Мы построили новое счастье
На суровой и древней земле».

Продукция завода, производимая им, сыграла существенную роль в победе над фашистской Германией:

«Осенило в походе былинном
Нас рабочее знамя крылом,
И весною гремел над Берлином
Наших пушек ликующий гром».

В следующем тексте припева поэт пишет о том новом, что приобрела наша страна, выйдя вперед в исследовании космоса:

«Ничего мы, друзья, не забыли...
Нам опять на работу идти.
И легенды, и новые были
Пусть сплетаются в звездном пути»¹³.

В песне о Свердловском районе г. Перми на слова В. Радкевича (музыка композитора Н. Гуры), освещается индустриальная мощь воздвигнутого в годы сталинских пятилеток района. Вновь создаваемые индустриальные гиганты требовали новой, добавочной рабочей силы. Этой проблеме посвящено начало песни:

«Приезжайте в наш город на Каме,
Вам хороший окажут прием,
И тогда вы узнаете сами,
Что такое Свердловский район.
Наш район – это строек громады
И заводов больших корпуса.
Это синие девичьи взгляды
И хороших друзей голоса.

Он живет по-уральски, по-русски,
Доброй славой своей дорожа.
Сердцем к прошлому здесь прикоснулись,
И нам новая слава видна,
Потому что в названиях улиц
Дорогие звучат имена».

После напряженного трудового дня труженики пермских заводов должны хорошо отдохнуть. Этому сюжету посвящена песня Григория Векшина «Пермь вечерняя» на слова В. Радкевича. Стихи, написанные В. Радкевичем, стали песней о чистой и светлой любви, связанные с отдыхом на берегу Камы.

«В даль ушла гроза весенняя,
Синий вечер над рекой.
Хороша ты, Пермь вечерняя,
Город счастья, город мой!
Вновь травой, дождями свежими
Пахнут руки у весны,
Вновь мечтами и надеждами
Корни города полны.
Молодое счастье прежнее
Тихой песней позови,
Снова улицы прибрежные
Стали берегом любви.
Погляди глазами светлыми,
Молвя добрые слова,
Ты, чье имя над проспектами
Тайно шепчет мне листва.
И дыханье Камы слушая,
Навсегда поверю я,
Что с тобой ни в каком случае
Расставаться нам нельзя.
Пусть повсюду дружба верная,
Огоньками над рекой
Нам сияет Пермь вечерняя,
Город счастья, город мой»¹⁴.

Пермь настолько понравилась В. Радкевичу еще в годы его учебы в университете, что после окончания Великой Отечественной войны и учебы он не пожелал возвращаться в Ржев, куда уехали его родители. Эти чувства любви к городу и людям, живущим в нем, он выразил в стихах «До встречи в Перми». Музыку на них написал композитор В. Архангельский. Стихи Радкевича обращены к его возлюбленной, имя которой не названо:

«Вспомни летние ночи на Каме,
Лишь глаза на минуту прикрой,
И тебя растревожит огнями
Этот город над Камой-рекой».

Здесь

«...желаннее всяких подарков
Будет нам при свидании
Молодое молчание парков
Над вечерней рекой голубой».

Поэт пишет о том, что:

«Дни и ночи в разлуке промчатся,
Мы сумеем друг друга найти.
Если ищешь нелегкое счастье,
То в наш город тебе по пути.
По пути с долгожданным восходом,
Золотистым, как руки твои,
По пути к голубым теплоходам
Вдоль по Каме — дороге любви».

В припеве песни утверждается, что любовь будет прочной:

«Я не верю в счастливые сказки,
Но должны мы учиться вновь,
Чтоб надежней была, по-уральски,
Наша дружба и наша любовь.
Вспомни летние ночи на Каме,
Лишь глаза на минуту прикрой,

И тебя растревожит огнями
Этот город над Камой-рекой»¹⁵.

Музыкальное творчество В.И. Радкевича не позабыто пермской культурной общественностью, о чем свидетельствует программа концерта в 2-х отделениях, исполненного 12 октября 2017 года в Центральной городской библиотеке им. А.С. Пушкина. Концерт был посвящен 90-летию со дня рождения поэта. Программа состояла из двух отделений.

1-е отделение: Вальс. Для фортепиано (1995–1996, исполнял автор композитор Петр Куличкин). Под черным флагом. Морские истории. Фортепианный цикл (1997–2001): 1. Вступление; 2. «"Когда воротимся мы в Портленд..."»; 3. Любовь капитана Флинта; 4. Похороны капитана Флинта; 5. «Дорби, ро-шу!...». Секстет для флейты, фортепиано, двух скрипок, альты и виолончели (1995–1998, исполняли Маргарита Колпащикова, Петр Куличкин, Павла Шилова, Елизавета Гладких, Елена Симонова, Татьяна Савинова). «Ультиматум». Для мужского голоса и фортепиано. Стихи ЖЭУ г. Домодедово Московской области (2007, исполняли Анатолий Маринин и Петр Куличкин).

2-е отделение: Семь характерных пьес для фортепиано (2009–2010): 1. Adagio; 2. Moderato; 3. Andante Cantabile; 4. Tempo di Valse di Cane; 5. Allegretto; 6. Allegro agitato; 7. Andante cantabile. Исполнял автор. Премьера. «Равновесие». Пять стихотворений Владимира Радкевича для смешанного хора (2017): 1. О молодости; 2. Портрет; 3. Снова о молодости; 4. Дар; 5. Равновесие. Исполнял Академический хор «Млада». Художественный руководитель и главный дирижер Ольга Выгузова.

Концерт прошел с большим успехом. Присутствующие по окончании номеров бурно аплодировали и остались довольны.

Песенное творчество В. Радкевича охватывает хронологический период от начала Великой Октябрьской социалистической революции до начала 60-х годов XX века. В стихах, посвященных этому периоду, поэт прослеживает героический труд пермяков в годы от первых пятилеток до первых послевоенных лет. В этот период еще не было диссидентов, народ и, прежде всего, интеллигенция еще не освободились от страха,

нанесенного духовному самосознанию народа великим террором 1937–38 годов.

Лиричность стихов В. Радкевича, их утонченная музыкальность обеспечили им возможность положения на музыку и их музыкальную популярность.

Примечания

1. Владимир Радкевич: Материалы к биографии. С. 47.
- 1 а. С тобой и о тебе: стихи и песни о Перми. Пермь, 1998. С. 150–152, 168–170.
2. Там же. С. 48.
3. ГАПК.Ф. Р-1734. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 4.
4. Там же. Л. 7.
5. Там же.
6. Там же. Л. 18.
7. Там же. Ед. хр. 19, л. 9.
8. Там же. Л. 1.
9. Там же. Л. 16.
10. Там же. Л. 4.
11. Там же. Л. 8.
12. Там же.
13. Там же. Л. 20.
14. Там же. Л. 13.
15. Там же.

ГЛАВА V

В.И. РАДКЕВИЧ КАК ПЕРЕВОДЧИК

Заметное место в творчестве В.И. Радкевича занимают переводы с латышского, коми-пермяцкого, вьетнамского и украинского языков. Переводить стихи значительно сложнее, чем прозу. Дополнительные трудности создают афористичность, краткость и, порой, изумительная выразительность языка, которая представляет, с одной стороны, отточенные, короткие, как бы рубленные фразы, а с другой – как бы афоризмы, в которых каждое слово не только говорит, оно стреляет, оно означает предельно лаконично оформленную мысль, поэтому, как правило, только поэты переводят стихи с других языков на русский язык и наоборот.

И этот перевод очень часто начинается с подстрочника (дословного перевода текста. – В.С.) В данном случае поэт пользуется услугами человека, который переводит текст стихов, скажем, с латышского или коми-пермяцкого языков, точно по смыслу, иногда прозой, а затем уже поэт-переводчик перекладывает их на русский язык, с сохранением присущих ему содержательных поэтических форм. В результате получается стихотворный перевод высокого поэтического качества. Являясь первоклассным уральским поэтом, пишущим на русском языке, В.И. Радкевич одновременно выступает как видный переводчик с латышского, коми-пермяцкого, вьетнамского, башкирского и других языков.

Познакомившись с латвийским поэтом Хари Хейслером, В.И. Радкевич посвятил ему стихотворение «Латвия». Здесь он описал прекрасную природу республики, сравнил её с уральской и поэтически подчеркнул, что он тоскует по ней:

«Может, только в дюнах сосенки
Мне напомнят про Урал.
Гонят парус ветры властные,

А куда еще — бог весть...
Как давно я не был в Латвии!
Но она на свете есть»¹.

Хари Хейслер создал стихотворение «Письмо немецкому солдату», переведенное на русский язык В. Радкевичем. В этом стихотворении первостепенное значение имеет мысль о том, что:

«Все-таки пусть не снаряды,
а плуги
Весной поднимают
чернеющий пласт.
А если закружат
смертельные вьюги,
Земля себя больше
в обиду не даст!
Она оцетинится
каждою пядью,
Насильника
с мирных полей отгоня...
Пусть, Гельмут, твой сын
с чужеземною ратью
Подальше стоит
от такого огня.
Посеявший ветер,
какую судьбину
У нас пожинал ты,
немецкий солдат?
Коль жив, ты об этом
напомни-ка сыну.
А если ты мертв,
то напомни стократ!»²

Весомое и образное напоминание немецкому солдату о том, к чему может привести новое нападение Германии на Советский Союз, в состав которого тогда, при жизни В. Радкевича, входила Латвия.

При переводе стихотворения латышского поэта Мариса

Чаклайса «Странный вечер» В. Радкевич выделяет строки о том, что:

«Как на снимках оплаканных, старых,
В темных рамках раскрытых дверей,
Неубитыми, сильных и статных
Видят матери сыновей».

В. Радкевич находит прекрасные изобразительные средства, для того чтобы показать, как вернулся с последнего для него вылета французский летчик Сент-Экзюпери:

«В небо вечера звездочка выплыла,
Мчит осколком угасшей зари.
То вернулся с последнего вылета
Капитан Сент-Экзюпери»³.

Тема Великой Отечественной войны нашла памятное отражение в переведенном с латышского языка стихотворении Лаймона Вацземниека «Идут обелиски». При переводе этого стихотворения на русский язык В. Радкевич образно показал великую трагедию войны, заключавшуюся в том, что после нее осталось множество следов в виде «obeliskов», являющихся знаками памяти солдат, погибших в этой войне:

«По болотным кочкам бродят ветры,
Точат ржавью автоматный диск...
Путь домой – на сотни километров,
И на каждом – серый обелиск.
Как солдаты, по следам ступая,
Принимая общую беду,
За Ловать-реку к родному краю
Обелиски серые идут.
Мимо Ильменя и мимо Нары,
Древнею валдайской стороной
К Риге молодой и Риге старой
Обелиски движутся за мной.
Все сильнее запах дыма горький,
Но до Риги путь еще далек,

Ибо знаю, на каком пригорке
Обнял землю и затих стрелок...»⁴.

И таких памятников жертвам войны великое множество:

«Хватит носиться с каждой бедой,
где ж ты, радость простая?
Если нянчить привычную боль,
омут души зарастает», –

так начинается стихотворение латышского поэта Ария Элксне, переведенное на русский язык В. Радкевичем. Здесь говорится о том, что в заросшем омуте души:

«Сразу заводится зелень и слизь,
следуя за неудачей,
Жажду не может никто утолить
в этой воде стоячей.
Затхлая заводь, паучий притон,
гадов секретные явки.
Не подходи – или высосут кровь
скользкие черные пьявки...»

Поэт, а вслед за ним и переводчик, желают, чтобы всю нечисть смысла скорее «радость – разлив разъярённый», чтобы вместо этого:

«Светился до самого дня
омут, солнцем пронзённый!..
...Только не надо, не надо опять
боль надоевшую нянчить.
Как бы там ни было, всё ж по утрам
солнце над миром всплывает».

Даже в ночи тьмы без огня не бывает. В природе можно найти «жёлудь или прочий зародыш». Он будет «долго расти да расти, ты его примешь – за радость!»⁵. Радости природы долж-

на, в конечном счете, соответствовать и радость в общественной жизни.

В переводе В. Радкевича стихотворения Визмы Белшевицы «Колыбельная большому ребенку» звучит мысль о том, что:

«Когда и нам не спится по ночам,
Совсем не спится, сколько ни старайся,
В зеленых травах, в тихом камыше
Мы для него разыскиваем сны.
Мы сыплем их тайком сквозь щели ставней⁵.
Мы их дурманом комнату заполним,
И снами мы набьем его подушку...
Нам это можно: сны ведь не про нас.
Когда же наконец прольется утро
Над тихою бессонницей цветка,
Он выйдет в сад и на траве примятой
Увидит чьи-то робкие следы.
Но яблони ему не скажут
И далии украдкой не шепнут,
Что женщина к окошку приходила,
Держала лист осиновый в руках,
А мышь летучая сидела на плече».

Такие сновидения снятся большому ребенку. В природе все бывает, и борются между собой добро и зло.

«Я маленькую птичку приручил –
Мне нужен был
негромкий собеседник
В тягучем одиночестве моем.
Мы хорошо друг друга понимали,
А рядом, у раскрытого окна,
Для нас двоих
цвела и пахла липа...
Но как-то раз, придя домой с работы,
Я маленькую птичку не нашел –
Совсем исчезла
маленькая птичка...

Не запер я,
не запер я окно,
А черный кот —
опасный собеседник!»⁶

Если в стихотворении Арвида Григулиса «Рассказ о маленькой птице» рассказывается о том, как рабочий не закрыл окно, в результате чего черный кот съел маленькую птицу, то в стихотворении Еронима Стулпана повествуется о том, что в природе существуют «Добрые рассветы».

«Я ночью был то ласковым, то мудрым,
То утопал в водоворотах страсти.
И вот — люблюсь этим добрым утром,
Как радугой, сменяющей ненастье»⁷.

Герой стихотворения радуется тому, что он «снова встал с рассветом, что жаворонку трактор подпевает». Природе присуща высшая гармония: «Земля звучит под шагом и под ветром, И солнце в землю вновь себя вливает». Он хочет, чтобы жизнь звала его к себе «рассветами», и он проснется, чтобы «добрым стало злое»:

«Пусть песню плуг запашет в борозду,
И прорастут поэзией поля,
Любовью человеческой согреты...
Я просто так из жизни не уйду.
Я прежде долг отдам тебе, земля,
За все твои хорошие рассветы!»

За все хорошее, данное человеку природой, он должен ей отплатить добром, — таков смысл данного стихотворения.

Каждому человеку и особенно в молодом возрасте нужен старший товарищ. Товарищ по работе, по избранному любимому делу, с которым можно поделиться замыслами и сомнениями, который передоверит тебе частицу накопленного опыта и профессионального мастерства. Данное положение полностью относится к творческой работе В. Радкевича как переводчика.

Особенно много и плодотворно работал В. Радкевич с коми-пермяцким поэтом и писателем С. Караваевым. Работа с ним начиналась с подстрочника, хотя и не ограничивалась этим.

«Скоро, скоро снег растает,
Обнажится земля на улице.
Скоро, скоро станет у нас
Улыбаться весна»⁸.

Скоро настанет весна, а весенний день год кормит, поэтому в колхозе проведена соответствующая подготовка, есть готовые плуги, трактора стоят в строю, словно собрались в бой.

«Мои друзья, парни молодые,
С утра на вахту встали, и сортировки их поют:
Будут, будут чистые семена!»

О студентке, окончившей педучилище, он пишет: став учительницей, «ты действительно в гору поднялась. Ты начнешь воспитывать тех, кто таинственные силы открывает». В. Радкевич переводит четверостишие С. Караваева следующим образом:

«Пусть ты рядовой педагог,
Но воспитываешь такую публику,
Которая поднимет высоко
Нашу родную республику»⁹.

В песне «Ленин» Степана Караваева, переведенной на русский язык В. Радкевичем, в традиционном для периода социализма стиле возвеличивается вождь социалистической революции: «И в наш край пришел Ильич, / Самый великий, самый родной, / И лучи солнца принес он с собой. / И ожил лес вековой. Но народ идет вперед, / Ленинским теплом согретый. / Наши люди, с Лениным шагая, / Никогда не сойдутся с пути». После каждого куплета идет припев, в котором слава вождю достигает апогея:

«Весна цветущая радует нас,
Ленин – и новые песни звенят,
Ленин – и к звездам летят ракеты,
Ленин – и все на земле молодеет»¹⁰.

В этом же духе написана и переведена В. Радкевичем песня С. Караваева об Юсьве:

«Юсьва наша молода
И цветет садами,
Иногда она добра в труде,
Иногда и злая.
Юсьва идет к коммунизму,
Делает большое счастье»¹¹.

В таком же выпрленном стиле написана С. Караваевым и переведена на русский язык В. Радкевичем песня «Октябрь светит»:

«И вся планета землян
С надеждой смотрит на этот свет,
Лучи Октября всегда горячи,
И никакая сила их не боится.
И никто во всем мире у нас его не отнимет»¹².

В. Радкевичем были переведены стихи Степана Караваева о герое Отечественной войны Николае Кузнецове:

«Я жив еще.
И, значит, мы вдвоем
Опять сегодня в молодость вернемся.
...Над летней Иньвой берегом идем.
Как громко шутим! Как легко смеемся!»¹³
Тех песен эхо – у меня в ушах,
Тех споров жар –
не стынет под золою!
Мечтали мы, чтоб в жизни каждый шаг
Был новым шагом к звездам над землею.

Как нашей Пармы житель коренной,
С открытым сердцем, с дружелюбием братским
Ты спорил о поэзии со мной
На нашем языке, коми-пермячком.
Ты говорил:
– Послушай-ка, Степан,
Вот ты – поэт и добрый мой знакомый.
А хочешь, я поэму иль роман
Сам напишу – не как-нибудь, на коми!
Нет, зависть сердце мне тогда не жгла:
В широкой Парме юности не тесно.
Но что со мной легенда рядом шла,
Мне в эту пору было неизвестно.
Мне было неизвестно, что войной
Ты, как волна прилива, будешь поднят
И очень скоро ждет тебя иной,
Совсем иной и замысел, и подвиг,
Что меж спаленных украинских сел
Вдруг засияет среди истин вечных
Та истина, которую нашел
Ты, кровью оплатив ее, разведчик!».

И жизнь Николая Кузнецова не оборвалась «там, где смерть ее подстерегала немо». Пусть говорят про Н. Кузнецова, что его «скосил свинцовый дождь,... но мы-то знаем», что он жив, что он «рядом с новой юностью» идет, с «Зеленой Пармой, светлым нашим краем». Своим подвигом в годы Великой Отечественной войны Николай Кузнецов обеспечил себе бессмертие.

Любовь к родному пермскому краю была присуща и С. Караваеву, и В. Радкевичу. Это нашло свое конкретное выражение в том, что последний так много переводил стихов С. Караваева на русский язык.

«Но я сдружился с новою весной
Прикамского разбуженного края,
Пленяли небывалой новизной
Меня вагоны пермского трамвая.

О, город Пермь! Ты мой завод и кров,
Мой путь надежд, ведущий к счастью прямо.
И я горжусь созвучьем этих слов,
Родная Пермь, родная наша Парма»¹⁴.

Горячая дружба между Степаном Караваемым и Владимиром Радкевичем нашла конкретное выражение в стихотворении С. Караваева «Наша дружба»:

«На солнце сядет стая туч воронья,
Осыплет цвет черемуха в саду.
И только нет у дружбы межсезонья,
Она цветет в любой из дней в году»¹⁵.

Такой прочной была дружба коми-пермяцкого и русского поэтов. Другим стихотворением С. Караваева, переведенным на русский язык В. Радкевичем, является стихотворение «Любовь Петровна»¹⁶. В нем рассказывается о пожилой семидесятилетней учительнице, которая осталась одна и, несмотря на «немалые года», все еще продолжает работать, ее любят и уважают ученики, потому что она вдохнула в них «молодой и трепетный порыв».

«Тот молодой и трепетный порыв,
Что Вы его в сердца других вдохнули,
Огромный мир впервые им раскрыв.
И в этот мир они входили честно,
Ему служили юностью своей.
Людей немало славных и известных
Средь Ваших сыновей и дочерей».

Школьники сердечно поздравляют Любовь Петровну с Новым годом.

«Она улыбается мудро и любовно:
Ведь ваше счастье —
Это счастье их!»¹⁷

В стихотворении коми-пермяцкого поэта Ивана Минина, переведенном на русский язык В. Радкевичем, «Едет в поселок врач» повествуется о трудностях дороги в поселок во время зимней пурги, куда едет врач – молодая девушка, москвичка. Она уверена в востребованности своей профессии в лесном поселке, где она будет лечить людей и приносить пользу его жителям, не так, как юноша-краснобай, который работал в поселке и уехал, не принеся людям никакой реальной пользы¹⁸.

Тема трудовой радости освещается в переведенном стихотворении «Рассказ комбайнерки». Алене почтальон принес газету, в которой рассказывается о ее самоотверженном труде, о том, что она взяла на себя обязательства убрать «пятьсот гектаров». И это известие наполняет сердце девушки большой радостью – целый округ будет знать о ней, о ее больших трудовых обязательствах.

«Пусть еще в стихах поэта
Про меня заводят речь...
Ведь смогла же так газета
Сердце девичье разжечь!»¹⁹

В стихотворении другого коми-пермяцкого поэта Николая Попова «Был другом», переведенным на русский язык В. Радкевичем, рассказывается о том, что парень после работы решил встретить свою любимую. Он издала еще увидел с ней парня, своего лучшего друга Никиту. Решил прислушаться к их разговору и понял, что они любят друг друга и говорят о свадьбе.

«Сердце, сердце, биться погоди ты,
Тут исправить ничего нельзя:
Был мне другом тракторист Никита,
Разве ж этак делают друзья?»

Герой решается поступить правильно и унять свое «кипящее» ревностью сердце. Он возьмет заветную гармонь-двухрядку и начнет играть на ней.

«Ой, широко растяну меха,
Будто так и надо, все в порядке,
Что же, очень рад за жениха».
«Будто не хотел,
 чтоб эта свадьба,
Свадьбой не его – моей была»²⁰.

Таким правильным было его решение относительно Никитиной свадьбы.

В переводе стихотворения этого же автора «Не остановите жизненный поезд» утверждается, что жизнь надо прожить достойно. «И прожитый миг и на миг не вернуть!» Это обязывает каждого из нас с большой ответственностью подходить к событиям своей быстро бегущей жизни. Автор стихов утверждает, что мы не знаем, «где кончится путь». Но дело не в этом, считает он.

«Жить для народа!
В его созиданье
Быть ну хоть каплей большого труда».

Цель жизни, по мнению автора и переводчика этих стихов, заключается в том, чтобы в конце жизни можно было сказать – «Родина, отдал тебе я, что смог...»²¹.

В. Радкевич часто вспоминал период Великой Отечественной войны, когда он находился в эвакуации в Башкирии. Это нашло выражение в его переводческой деятельности. Он перевел с башкирского языка на русский стихотворение «Птица-счастье» Марата Каримова. В этих стихах повествуется о том, что «неожиданно счастье повстречалось мне, / Трепещущая маленькая птаха. / С тех пор ни наяву и ни во сне / Я не могу избавиться от страха. / Ложусь. Брожу ли ночь всю напролет, / А в мыслях у меня все та же странность: / Вдруг птица-счастье крыльями взмахнет / И улетит, а я один останусь. / Ее в грудную клетку заключить? / Поющую, сорвать с зеленой ветки? / Но разве можно счастье приручить – / Ведь птица петь не будет в тесной клетке! / Как ветка ей – раскрытая ладонь, / Поет мне в птичьей трепетной тревоге. / А я боюсь, чтоб птахе молодой /

Не повредить, споткнувшись на дороге... / Поет, поет, теперь уж не таясь, / И улетать совсем не хочет птица; / Как видно, разгадав мою боязнь, / Сама меня нисколько не боится!»²²

Прекрасные стихи о дружбе русского и башкирского народов, об их взаимоотношениях в виде большого русского и маленькой птицы башкирского народов. Взаимоотношения этих народов должны быть построены не на страхе, а на свободном совместном проживании. И птица может свободно улететь, куда она хочет.

Переводы стихов поэтов национальных республик СССР сыграли определенную роль в упрочении дружбы народов нашей страны, хотя это было только в период социализма, за хронологические рамки которого жизненный путь В. Радкевича не вышел в связи с его смертью.

Примечания

1. Радкевич В.И. Избранное. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1977. С. 124.
2. Радкевич В. Вечность нас пригласила в гости. Пермь: Маматов, 2007. С. 279–280.
3. Там же. С. 283.
4. Там же. С. 284.
5. Там же. С. 286.
6. Там же. С. 289.
7. Там же. С. 290.
8. ГАПК.Ф. Р-1734. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 1.
9. Там же. Л. 2.
10. Там же. Л. 11.
11. Там же. Л. 13.
12. Там же. Л. 14.
13. Там же. Л. 20.
14. Там же. Л. 21.
15. Там же.
16. Радкевич В.И. Просека к солнцу. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1958. С. 97–98.
17. Там же. С. 98.
18. Там же. С. 88.

19. Там же. С. 91.
20. Там же. С. 92.
21. Там же.
22. Радкевич В. Вечность нас пригласила в гости... С. 292.

ГЛАВА VI

ЭПИГРАММЫ В.И. РАДКЕВИЧА

Под эпиграммой мы понимаем короткое сатирическое произведение, обычно, построенное на контрасте постепенной экспозиции и заключительной остроты (пуанта). Начиная с нового времени, постепенно развивается нетрадиционная эпиграмма, представляющая собой непосредственный отклик на злободневное событие, часто политического свойства. В. Радкевич был выдающимся представителем этого рода искусства. Его эпиграммы касались самых разнообразных вопросов общественно-политической жизни Пермского края. Они были посвящены вопросам критики советского и партийного руководства, критики театральной политики, поведению и образу жизни деятелей культуры, писателей и поэтов, которых В. Радкевич лично хорошо знал и мог наблюдать странности их поведения, общения и личной жизни.

Разящая сатира В. Радкевича, его ядовитые эпиграммы оказывали порой отрезвляющее влияние на поведение работников партийного аппарата и театральной культуры с одной стороны, а с другой, — они своей живостью языка и короткой разящей формой заключительной остроты привлекали даже внимание милиционеров, и последние иногда не очень спешили принимать конкретные меры против поэта, который выступал с чтением своих острых «экспромтов» у Дома писателей, так им нравился этот род поэзии, исполняемой ее автором.

Этому вопросу посвящена обстоятельная статья кандидата филологических наук, доцента кафедры новейшей русской литературы Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета В.Е. Кайгородовой¹. «К экспромтам Радкевича применимо определение эпиграммы, — писала В.Е. Кайгородова, — это краткие сатирические стихотворения, направленные против конкретного лица или общественного явления с характерным динамичным развитием темы и не ожи-

данной острой концовкой, подчеркиванием, заострением обсуждаемых черт объекта»².

Однако, дав обстоятельный анализ различного рода экспромтов В. Радкевича, она воздержалась от подробного разбора его наиболее острых эпиграмм. Поскольку теперь в России существует свобода слова, с одной стороны, а с другой, – эти эпиграммы открывают возможность рассмотреть некоторые стороны мировоззрения их автора, мы попытаемся рассмотреть содержание некоторых из них.

Эпиграммы В. Радкевича были формой серьезного диалога с его друзьями – пермскими поэтами и деятелями культуры и искусства. В них объективно прочитываются моменты политического самоопределения поэта. В краеведческой литературе о Радкевиче утверждается, что он, при всей своей политической расхлябанности и безалаберности, не был диссидентом. Не возражая против такой характеристики его взглядов, нам все-таки представляется необходимым данному вопросу уделить большее внимание, чем это делалось до сих пор.

Необходимо подчеркнуть, что первый поэт советского Прикамья был автором не предоставлявшихся для печати стихов, в которых он предстает смелым обличителем порядков, существующих не только в Пермском крае, но и в целом в советской стране. Для сатирических стихов В. Радкевича характерна их направленность против конкретного лица или общественного явления с характерным, очень динамичным развитием темы и неожиданной острой концовкой, а также с подчеркиванием и заострением осуждаемых черт объекта. Как и во всякой сатире, в эпиграмме отчетливо отражаются общественно-политическая позиция автора, его симпатии и антипатии.

К числу самых острых по своей антисоциалистической выразительности «экспромтов» В. Радкевича принадлежат два, по крайней мере, известных нам. Первый – «Слово о полку Всеволодовича».

«Не лепо ли ны бяше слово
Начать
С Бориса Коноплева?
Давайте все-таки не будем,

Питая слабость
К умным людям.
Из состоянья дикого
Не выведет ни он,
Ни Быкова.
А чтоб уйти
От дня вчерашнего,
Чтоб, в общем,
Побогаче жить,
Обком
Животного домашнего
Рекомендует разводить.
Душа устала от уколов,
А злиться – не хватает зла.
Ну, что ж,
Товарищ Козиолов,
Я заведу Козиола...»

Это самая резкая сатира на порядки, существовавшие в Пермской области, из которых секретарям обкома область не вывести, даже если Радкевич, автор экспромта, и заведет «козиола», то есть козла. В данном случае В. Радкевич выступает как резкий критик порядков, существующих в Пермской области. Под ними он понимает те порядки, которые существовали тогда в социально-экономической сфере в Советском Союзе. Тогда все, а не только В. Радкевич, хорошо понимали, что Пермская область не могла слишком резко отличаться по своим условиям существования людей от других областей и краев СССР.

Другой «экспромт» В. Радкевича – «Слуги народа» – еще ярче, еще злее, еще конкретнее. В нем реально отображено состояние дел в магазинах с продуктами сельского хозяйства (мясом, маслом и т. д.) в Пермской области (хотя опять-таки не в ней одной). Он пишет:

«Домой идете, отоварясь,
[имеются в виду работники обкома и облисполкома],
Нет, едете, – машина ждет.

Вы от народа оторвались,
Но все-таки он есть, народ.
Вы мыслите
В масштабах века,
Душою не объять всего.
А помните про человека?
Про каждого?
Про одного?
Но вижу радостные лица я,
Когда, не ведая забот,
Проходит
Пермская милиция
И очень весело поет»³.

Представители местной партийно-государственной элиты (номенклатуры) в последние годы существования социализма, когда в магазинах было недостаточно некоторых продуктов питания, а некоторых, например, мяса, не было вообще, кроме как в столицах, подвозили на машинах эти недоступные простому народу продукты питания. Между народом, с одной стороны, и партийно-государственной элитой, – с другой, образовалось на этой основе противоречие. Масса народа была недовольна таким состоянием дел. Но внешне это никак не выражалось, кроме разговоров на кухне, в подъездах и т.п. Поэтому милиция была довольна этим. И Радкевич, утрируя этот момент, пишет о том, что:

«Проходит
Пермская милиция
И очень весело поет»⁴.

Возникает вопрос, который мы уже ставили в начале этой книги: был ли В. Радкевич диссидентом? Формально он, конечно, им не был, то есть он не входил ни в какую организацию и соответственно не подвергался никаким наказаниям, кроме известного наказания на несколько дней (лечения в психиатрической больнице).

Однако по своим взглядам в последние годы жизни, выраженным в вышеуказанных эпиграммах, он проявлял резко критическое отношение к порядкам, существовавшим в первой в мире стране социализма. И диссонансом с этим «проходит пермская милиция и очень весело поет». Это издевательский поступок – иначе его невозможно квалифицировать – надо заботиться о народе, который недоволен по поводу невозможности полноценного питания, а милиция – «блюститель порядка» – «очень весело поет». То есть по своим общественно-политическим взглядам последних лет жизни В. Радкевич находился ближе к диссидентам или даже был «левее» некоторых из них. Однако у него не было программы, он не знал, чем заменить существующую в стране марксистско-ленинскую идеологию. И он критиковал существующие в СССР условия не с точки зрения диссидентов, желающих заменить действующий в стране общественный строй, а с точки зрения гражданина этой страны, который хочет, чтобы она нашла пути устранения существующих в ней недостатков. Он не понимал, что ресурсов для того, чтобы устранить эти недостатки, в СССР тогда уже не было, и устранить их было нельзя, не меняя общественных отношений. Его взгляды в этом отношении не получили полного развития, поскольку были прерваны его неожиданной смертью.

В более ранний период своей деятельности, а именно, в начале 70-х годов XX века В.И. Радкевич занимал более консервативные позиции, которые сохранялись и в последующие годы.

В 70-е – 80-е годы в Пермской писательской организации отношения характеризуются сложившимся противостоянием двух направлений в искусстве и литературе – традиционно-классического и авангардно-новаторского. Первое направление было представлено поэтами «старшего поколения»: В. Радкевичем, Н. Домовитовым, А. Домниным и др. Эти поэты принимали активное участие в местном литературном процессе. Они регулярно выпускали поэтические книги, сборники, альманахи, активно публиковались на страницах местной прессы. Для их творчества характерен набор традиционных форм и жанров. Поэты «старшего поколения», сторонники традиционных форм и жанров, видели в классической простоте и ясности

единственно возможный и приемлемый в условиях социализма ориентир художественного творчества, становясь тем самым, вольно или невольно, носителями консервативной художественной нормы и проводниками официально-идеологических установок. В их творчестве, особенно в поэзии В. Радкевича, создаются в рамках государственной мифологии возвышенные образы истории и культуры Урала как «опорного края», сыгравшего решающую роль в судьбе социалистической родины.

С конца 60-х годов в пермской писательской среде обозначилась тенденция формирования внутреннего подпространства, расхождения между её «поверхностью» и скрытыми течениями, образующими промежуточную культурную прослойку, которая, уже будучи не вполне официальной, т.е. не вполне признанной, становилась периферией, способной вступать во взаимодействие с другими неофициальными средами. На исходе хрущевской «оттепели» круг непризнанных и полупризнанных авторов расширился за счет поколения, пережившего давление пермского диссидентского процесса. Процесс «мальчиков» коснулся большинства активных участников молодой литературно-художественной среды и стал рубежом в жизни многих⁵.

К этому скрытому и запретному процессу поэтических рефлексий косвенно оказался причастен поэт В. Радкевич, который не испытывал дефицита в публикациях, но не мог сказать всей правды об окружающей его социальной действительности, так как его, как считал он, «не понимали».

В 1972 году литературное объединение «Ваганты» выпустило свой первый сборник стихов. Для стихов, содержащихся в сборнике, были характерны вольность, необязательность и непричастность к какой-то определенной идеологии, характерна свобода выражения своих мыслей поэтами, печатавшимися в сборнике. Поэт В. Белобородов в своих воспоминаниях признавался, что это он предложил название сборника. Оно утверждалось очень долго в райкоме партии. Когда сборник вышел, члены пермской писательской организации обрушились на него с критикой. В. Радкевич выступил в газете «Звезда» с большой статьей «Объединение "Ваганты", или Сон из телеги»⁶.

Поскольку эта статья имеет существенное значение не только в плане критики им идеологии «Вагантов», но и в плане

определения его общественно-политических взглядов этого периода, остановимся на ее содержании более подробно.

В. Радкевич начинает с исторического объяснения термина «Ваганты». В средние века это были бродячие школяры и студенты. Они, странствуя из города в город, читали свои стихи, острые, жизнелюбивые, срывающие покров «святости» с церкви и других институтов феодального государства. В этой связи он вспоминает бессмертный студенческий гимн «Гаудеамус», честно служивший молодежи многие века, и делает вывод о том, что Ваганты оставили свой след в истории литературы. Этой же целью, считает В. Радкевич, задались и «Ваганты» Пермского государственного университета, ибо, выдвинув всего пару страничек в многотиражке, они, мягко говоря, нескромно, а, точнее, просто взяхлеб анонсируют издание своей антологии, которая в недалеком будущем будет издана отдельной книжкой. Радкевич задает вопрос: «Не рано ли?»

«Вот перед нами, – пишет Радкевич, – страница газеты, посвященная творчеству членов литературно-художественного объединения "Ваганты"».

К содержанию трудов "Вагантов" поэт настроен очень критически. Он пишет: «Напрасно бы мы стали искать в ней хоть намека на действительные события из жизни уральского студенчества: ни темы родного края с его людьми, с его природой, ни студенческих строительных отрядов, ни даже самого университета в этих стихах мы не найдем». Взгляд поэтов – Вагантов обращен «внутрь себя», «сам стихотворец для них – единственная поэтическая ценность». В. Радкевич оговаривается: «Конечно, поэт имеет право на показ своего внутреннего мира, но для этого он должен многое вобрать в себя, в свою лирику, в свою судьбу».

«Ничего этого, – считает он, – мы не видим в стихах рассматриваемого сборника "Вагантов". Мы видим здесь, – пишет он, – литературно-музыкальные реминисценции Ф. Плотникова ("Памяти Цветаевой", "Цыганка Равеля"), альбомные стихи В. Гохберга, душещипательный гитарный романс В. Попова». Стихи В. Гохберга В. Радкевич подвергает резкой и ядовитой критике:

«Словно сон из телеги,
Из зеленой дали,
Полный сумрачной неги,
Слон поднялся с земли».

Этот нездоровый бред еще не опасен для окружающих. Но после продолжения:

«Слон помашет ушами
И на небо взойдет...
А в далеком Вьетнаме
Бомба вниз упадет».

«Тут уж следует остановить разудалую руку молодого стихотворца!» Радкевич называет эти стихи «зарифмованной нелепицей» и полностью отвергает в них какое-либо серьезное содержание, включая сюда и душеспитательный романс В. Попова под выстраданным заглавием «Жалость-жаль!» и стихи того же автора, риторически обличающие «самозабвение глупой мысли во имя скромности с большой буквы!»

Радкевича удручает нетребовательность редакции к поэтическому уровню публикуемых стихов. Он с сожалением отмечает, что не лишенному поэтических способностей молодому автору Ф. Плотникову, который принес в Пермское отделение Союза писателей свое стихотворение «Цыганка Равеля», старшие товарищи указывали на фальшь и кликушество, пронизывающие этот поэтический этюд, тем не менее, автор публикует его на страницах «Вагантов».

К этому В. Радкевич считает нужным добавить, что при таком чрезмерно восторженном отношении к своим, явно неудачным, стихам, молодому поэту трудно будет расти. Он с удивлением пишет о том, что прорвалась на страницы газеты и такая литературщина: «трудно, если чувства на нуле, трудно знать лишь косинус да синус, а в душе, как прежде, толстый лед» (В. Гохберг).

«Можно, к сожалению, еще продолжить, — пишет В. Радкевич, — примеры нетребовательного отношения университетских авторов к такому важному и ответственному делу, как по-

эзия». По мнению поэта, «непростительное легкомыслие допустила редакция многотиражной газеты "Пермский университет", заявив о скором издании отдельной книгой творчества "Вагантов". Это издание – пока просто мираж, некая разновидность "Сна из телеги"»⁷.

В. Радкевич выступал на обсуждении рукописей пермских писателей всегда дельно, ярко и лапидарно. Вспоминает профессор В. Абашев, присутствовавший на одном из таких обсуждений рукописи В. Кальпиди уже значительно позднее, в 1986 году. Выступал В. Радкевич, «я видел его впервые так близко». В. Абашев отмечал его воспаленное «темное лицо и умные, пронизательные глаза на этом темном лице». «Он сказал одну фразу лишь, что ему непонятно – да, талантливо, но почему типография, так написано в рукописи, «треснутых зимою губ»? Он не говорил много, одна фраза: почему, зачем, это не совсем внятный образ, я не понимаю». В. Абашев поправил: «Там опечатка, надо топография». «Радкевич – тогда все понятно: губы, покрытые трещинками, как топографическая карта всеми этими речками»⁸.

Отсюда видно, что в начале 70-х годов В. Радкевич не разделял взглядов представителей пермского андеграунда, ни с точки зрения поэтической формы их стихов, – он резко критиковал их, ни, что особенно важно, с точки зрения их содержания. Эта критика в основном шла по двум направлениям. Во-первых, представители пермского андеграунда не давали полноценной многогранной жизни социалистического общества, а во-вторых, они, в сущности, не могли противопоставить ему ничего серьезного, способного хотя бы сколько-нибудь заметно привлечь к нему внимание местного общества.

Примечания

1. Кайгородова В.Е. Стихотворные экспромты Владимира Радкевича // Вестник Пермского университета. Сер. Российская и зарубежная филология. 2015. Вып. 1(29). С. 119–125.

2. Там же. С. 119–120.

3. Владимир Радкевич: Материалы к биографии. Чайковский, 2017. С. 74–75.

4. Там же. С. 75.
5. Владимир Радкевич: Материалы к биографии. С. 156–157.
6. Звезда. 1972. 21 июня (№ 145).
7. Там же.
8. Владимир Радкевич: Материалы к биографии. С. 159.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В самом общем виде в содержании творчества В.И. Радкевича нашло отражение его мировоззрение, которое представляет собой систему взглядов поэта на объективный мир и место человека в нем, на отношение человека к окружающей его действительности и самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, их ценностные ориентации.

Мировоззрение – это далеко не все взгляды, в данном случае поэта об окружающем мире, а только их предельные обобщения, которые в творчестве поэта принимают афористическую, художественную форму. Содержание мировоззрения группируется вокруг того или иного решения основного вопроса философии.

В качестве субъекта мировоззрения в данном конкретном случае идеально выступает конкретная личность поэта В.И. Радкевича. Мировоззрение – это существенный показатель зрелости не только личности поэта, но и определенной социальной группы общественного класса и его партии. Источник мировоззрения В.И. Радкевича – условия материальной жизни общества, его общественное бытие. И здесь мы не можем не отметить одну существенную сторону его мировоззрения.

Период взросления В.И. Радкевича, его учебы и становления в качестве взрослого человека падает на 30-е – 40-е годы XX столетия, на период наиболее жесткой формы социализма, который в литературе получил название «периода культа личности Сталина». Хотя впоследствии политологи и поправляли это название, в том смысле, что это был, прежде всего, период «строительства социализма», тем не менее, значение культовых явлений, выразившихся в большом терроре 1937–38 годов, было значительным и оказало влияние на формирование общественно-политических взглядов молодого В.И. Радкевича. Прямых данных об отношении В.И. Радкевича к Сталину и методам

его руководства у нас в настоящее время нет. Однако косвенные имеются. К их числу принадлежит стихотворение:

«Я жить хочу в годах пятидесятих,
Хочу бродить, как в утренних садах,
В тех позабытых, временем распятых,
И все же вечно молодых годах,
Когда я жил взахлеб, и днем, и ночью,
Ощупывая жизни новизну,
И все вокруг сквозило этой новью
И мартовским намеком на весну.
И вся земля так зримо и упрямо
Кружилась на весеннем сквозняке...
А я был молод,
И живая мама
Меня встречала в тихом городке»

И здесь мы не можем не отметить одну существенную сторону его мировоззрения. Свидетельством этого является то, что явления, связанные с культом личности Сталина, не нашли какого-либо отражения в творчестве В.И. Радкевича этих лет. Позднее, уже в стихотворении, написанном в 1972 году, он писал: «Я жить хочу в годах пятидесятих». Описывая свою теперь уже отшумевшую молодость, В.И. Радкевич вместе с тем отмечает то общественное оживление, тот общественный подъем, который был в сознании народа обусловлен «и мартовским намеком на весну», которая не была фактически реализована и в 60-х годах, правда, она не сразу сменилась новой стагнацией общественных отношений.

В.И. Радкевич нового оживления общественных отношений уже не видел, хотя он дожил до перестройки и оживления общественных отношений во второй половине 80-х годов XX века. Здесь сказалось влияние действия целого ряда факторов. Во-первых, значительная изоляция Урала, значительное удаление его от российских столичных городов. Во-вторых, отсутствие связей Радкевича с границей (Пермь была закрытым городом). В-третьих, слабое состояние здоровья, связанное с алкогольной зависимостью. В-четвертых, ранняя внезапная

смерть, прервавшая его идейную эволюцию как раз накануне решающих событий начала 90-х годов XX столетия.

Казалось бы, полным диссонансом этому положению является содержание последнего стихотворения В.И. Радкевича, написанного им за день до смерти, 6 июня 1987 года, и посвященного IV фестивалю музыкального искусства детей и юношества Пермской области:

«Чайковский, город ласковый на Каме!
Прислушайся, как счастьем наделя,
Над детскими живыми голосами
Приветствует Прикамская земля!
Здесь все равны. Здесь – сестры все и братья,
И дружат с песней с детства навсегда.
Нас музыка берет в свои объятия
Мелодиями мира и труда.
И нету этой музыки чудесней!
Сердца у пионеров горячи:
На фестивале их мечты и песни
Встречаются как солнышка лучи.
Встречаются, как на лучах – соцветья,
Как с первым утром – мирная заря,
Как с родиной семидесятилетия,
Бессмертного, как Ленин, Октября!
В грядущий век идти дорогой верной
Нас ленинская партия зовет:
Ей посвятим и труд наш пионерский,
И нашей песни пионерский слет».

Этими прекрасными, написанными в духе того времени, стихами В.И. Радкевич заканчивает свою жизнь и свое творчество. Его значение в литературной жизни Пермского края не выходит за пределы советского периода в развитии российского общества и государства. Он образно, ярко, талантливо отражал те явления, которые происходили в жизни края и страны в целом, но выйти за их пределы он не мог, а, скорее всего, не успел.

Большинство писателей и поэтов являются отразителями тех порядков и тех отношений, которые существовали в обществе при их жизни. И в этом отношении заключается их заслуга перед обществом и страной, перед прошлыми и будущими поколениями. И если В.И. Радкевич служил обществу, краю и стране в этом качестве, то его имя будет бессмертным перед будущими поколениями нашей страны и Пермского края, как бы далеко вперед они не ушли в своем развитии. Читая стихи В. Радкевича, потомки всегда будут иметь возможность знакомиться, как говорится, из первых рук, с теми иллюзиями той поры, того времени, когда он жил и создавал свои прекрасные стихи, когда он верил, что жизнь прекрасна и все улучшается, в то время, когда она была далека от совершенства.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава I. Жизненный и творческий путь поэта	7
Глава II. Основные черты характера поэта	43
Глава III. Основные темы и проблемы лирики В.И. Радкевича	
Стихотворения о социализме	
и Великой Отечественной войне	58
Стихотворения о счастье	69
Стихотворения о любви к отечеству, природе,	
человеку и труду	90
Стихотворения о матери	113
Глава IV. Радкевич и музыка	118
Глава V. В.И. Радкевич как переводчик	133
Глава VI. Эпиграммы В.И. Радкевича	147
Заключение	157

Семенов Владимир Львович

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО В.И. РАДКЕВИЧА

Монография

Издается в авторской редакции.

Издатель *П. Г. Богатырев*
Технический редактор Н.В. Шабалина

Отпечатано с оригинал-макета на ризографе
предпринимателем Богатыревым П.Г.
ОГРН 304590427400071.

Подписано в печать 31.05.2018.
Бумага «ВХИ». Формат 60 х 84 1/16. Печ. л. 10,125.
Тираж 100 экз.

Принимаем заказы на тиражирование печатной продукции
и изготовление книг и брошюр.
Адрес: г. Пермь, ул. Пушкина, 110, оф. 122.
Тел./факс 236–53–53

150,00

